

Часть 2. Украина (1918–1921 гг.)

- Глава I. Массовое движение на Украине
- Глава II. Образование «махновской» Повстанческой армии
- Глава III. Наступление Деникина и его окончательный разгром
- Глава IV. Деятельность махновцев в освобожденных районах
- Глава V. Наступление Врангеля. Его разгром
- Глава VI. Третья и последняя война большевиков с махновцами и анархистами.
Разгром Повстанческой армии
- Глава VII. Судьба Махно и некоторых его товарищей. Эпилог
- Глава VIII. Завет махновщины трудящимся мира
- Имена

Глава I. Массовое движение на Украине

Писать эту главу мне было нелегко.

Если я посвятил сто страниц кронштадтскому движению, то соответствующее освещение событий на Украине в силу их масштабности, продолжительности, а главное, революционного и нравственного значения потребовало бы в пять раз больше места, а для этого у меня не было возможности.

С другой стороны, из материалов, имеющих в моем распоряжении, наиболее информативным является превосходная работа Петра Аршинова[40] «История махновского движения». И у меня нет никакой возможности — в нынешних условиях — чем-либо ее дополнить. А перепечатывать уже опубликованные — даже в специальном издании, ставшем библиографической редкостью — документы представляется мне излишним.

Конечно, я мог бы использовать два достаточно ценных источника: 1) некоторые факты, изложенные во 2-м и 3-м томах «Воспоминаний» Нестора Махно, вдохновителя и военного руководителя движения, опубликованных только на русском языке в 1936–1937 гг.; 2) собственные воспоминания, ибо мне довелось дважды, в конце 1919-го и в конце 1920 гг., то есть на протяжении примерно шести месяцев, участвовать в этом движении.

Что касается «Воспоминаний» Махно, то смерть автора (последовавшая в Париже в 1934 г.) не дала ему завершить работу над ними: три изданных тома (первый вышел на русском и французском языках задолго до последующих) охватывают лишь период 1917–1918 гг. и *не затрагивают настоящее массовое движение, важнейшие и трагические события 1919–1921 гг.*

А мои личные воспоминания были бы полезны, если бы носили характер подробного описания всех происходивших событий. Отдельные же случаи, вырванные из общего контекста, не представляют особого интереса.

Тем не менее при исследовании русской Революции, особенно при таком подходе, который отличает эту книгу, обойти молчанием массовое движение на Украине невозможно.

Это движение сыграло в Революции *роль исключительной важности*, еще более значимую, чем кронштадтские события, что было обусловлено его размахом, продолжительностью, *подлинно народным характером*, ярко выраженной идеологической направленностью и, наконец, задачами, которые перед ним стояли.

Однако по причинам, хорошо понятным читателю этой книги, имеющаяся литература, причем любая, обходит это движение полным молчанием. А если и упоминает о нем, то лишь очень бегло и с единственной целью очернить его.

Таким образом, украинская эпопея до сих пор остается практически неизученной. И все же она является одной из самых важных составляющих «неизвестной Революции».

На самом деле даже работа Аршинова, объемом примерно в 400 страниц, лишь *резюмирует* события. Украинское движение заслуживает многотомных исследований. Одни только *документы*, представляющие огромную историческую ценность, заняли бы несколько сотен страниц. Петр Аршинов приводит лишь ничтожную их часть.

Естественно, подобный колоссальный труд ляжет на плечи историков будущего, в распоряжении которых будут все необходимые источники. Но уже сейчас необходимо по возможности пролить свет на это движение.

Все приведенные выше противоречивые доводы побудили меня принять следующее решение:

1) **Советую всем серьезным и заинтересованным читателям прочесть фундаментальную работу Петра Аршинова. Найти ее нелегко, поскольку вышла она в маленьком анархистском издательстве в 1924 г.**[41]. Но она сполна вознаградит читателя за усилия, потраченные на ее поиск у букинистов на набережных Парижа или в больших библиотеках.

2) В этой главе речь пойдет об *основных этапах* движения, цитируемые документы взяты, главным образом, из книги Аршинова.

3) Некоторые подробности заимствованы из «Воспоминаний» Н. Махно.

4) Я также счел нужным привести ряд случаев из моей жизни.

Украина(или Малороссия) — обширный регион на юге или, точнее, юго-западе России[42] площадью примерно 450 тысяч квадратных километров (почти четыре пятых территории Франции), население которого составляет около 30 миллионов человек. Она включает Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии. Последняя выходит на Черное и Азовское моря и примыкает к Крыму, с которым ее связывает Перекопский перешеек.

Кратко напомним характерные особенности и основные моменты истории Украины, которые читателю необходимо знать, чтобы понять события, происходившие там в 1917–1921 гг.

1) Украина — один из богатейших аграрных районов мира. Жирный и плодородный чернозем дает огромные урожаи. Ее издавна называли «житницей Европы», поставлявшей в различные европейские страны зерно и другую сельскохозяйственную продукцию.

Кроме зерновых, на Украине произрастают овощи и фрукты, плодородные степи служат хорошими пастбищами, край богат лесами, реками, а на Дону имеются обширные залежи каменного угля.

2) Из-за своих природных богатств, а также географического положения Украина всегда представлялась лакомым куском различным странам, как соседним, так и отдаленным. В течение столетий население Украины, очень неоднородное этнически, но сплоченное стремлением сохранить свою свободу и независимость, вело борьбу против турков, поляков, немцев, а также против могущественного ближайшего соседа — царской России. В итоге она была включена в огромную Российскую империю: частью завоеванная, частью вошедшая добровольно, нуждавшаяся в реальной защите сильного соседа от различных посягательств.

3) Однако этнический состав населения Украины, многовековые контакты — военные, торговые и прочие — с западным миром, некоторые географические и топографические особенности региона, а также отдельные черты характера, темперамент и менталитет ее народа вызвали *достаточно яркие различия между положением в Великороссии и на Украине при царском режиме.*

Ряд районов Украины, в отличие от Великороссии, никогда полностью не подчинялся центральной власти. Их население сохранило определенный дух независимости, сопротивления. Умный и достаточно образованный, своего рода «индивидуалист», предприимчивый и инициативный, оберегающий свою независимость, веками привыкший отстаивать ее с оружием в руках, дорожающий своей свободой и самостоятельностью, украинец, *по сути*, никогда не был полностью поработан — не только телом, но и душой, что отличало его от остальных жителей Российской империи.

Мы имеем в виду, главным образом, население *отдельных областей* Украины, которое даже добились своего рода негласного habeas corpus и жили свободно; эти области, подобные корсиканским «маки», были почти неподвластны царским войскам.

В особенности это относилось к островам в низовье Днепра, знаменитому Запорожью, где свободолюбивые люди уже в XIV веке создали военные лагеря и в течение столетий боролись против попыток их порабощения со стороны соседних стран, в том числе России[43]. В конце концов этим воинам пришлось подчиниться российскому государству. Но традиции «вольницы» на Украине так и не удалось полностью искоренить. Какие бы усилия не предпринимали цари, начиная с Екатерины II, чтобы уничтожить в душе украинского народа всякие остатки традиций «запорожской республики», это наследие минувших (XIV–XVI) веков оставило свой след.

Крепостничество, беспощадное в Великороссии, было на Украине, если можно так выразиться, более «либеральным» из-за постоянного сопротивления крестьян. Тысячи их, спасаясь от жестоких помещиков, находили убежище в «вольнице».

В самой России те, кто не хотел быть крепостными, кто стремился к свободе, любил независимую жизнь, имел проблемы с правосудием или становился жертвой законов

империи, бежали в леса и другие малодоступные области Украины, чтобы начать новую жизнь. Так, в течение многих столетий Украина была землей обетованной для всякого рода беглецов.

Близость к морю и портам (Таганрог, Бердянск, Херсон, Николаев, Одесса), соседство с Кавказом и Крымом — отдаленными и центра районами, где имелось немало безопасных мест — давало предприимчивым и сильным людям еще больше возможностей жить свободной, независимой жизнью, окончательно порвав с существующими порядками. Позднее часть их пополнила ряды «босяков», мастерски описанных Максимом Горьким.

Таким образом, сама «атмосфера» на Украине сильно отличалась от российской.

Украинские крестьяне сохранили любовь к свободе вплоть до наших дней. Она нашла проявление в их упорном сопротивлении всякой Власти, желающей их поработить.

Ситуация на Украине после большевистского переворота.

Теперь читателю станет ясно, почему диктатура большевиков и их политика насильственного огосударствления натолкнулись на Украине на гораздо более решительное и длительное сопротивление, чем в Великороссии.

Этому способствовал и ряд других факторов:

1) Организованные силы коммунистической партии на Украине по сравнению с Россией были очень слабы. Большевики никогда не пользовались большим влиянием в среде украинских крестьян и рабочих.

2) По этой и другим причинам Революция, начатая в октябре, докатилась до Украины гораздо позднее; события развернулись лишь в ноябре 1917 года и завершились в январе 1918-го. **Сначала к власти на Украине пришла — одновременно с Керенским в России — местная буржуазия, «петлюровцы» — сторонники «демократа» Петлюры**[44]. Большевики боролись против этой власти более военными, нежели революционными средствами.

3) По причине непопулярности и слабости коммунистической партии власть Советов на Украине означала нечто иное, чем в России.

На Украине Советы в значительно большей степени являлись независимыми собраниями рабочих и крестьянских делегатов. В них не господствовала ни одна политическая партия — меньшевики также не пользовались на Украине почти никаким влиянием, — и они не имели возможности *подчинить* себе народные массы. Рабочие на заводах и крестьяне на селе ощущали себя *реальной* силой.

В своей революционной борьбе они не привыкли уступать кому-либо инициативу, подчиняться какому-нибудь непреклонному наставнику вроде партии большевиков в Великороссии.

Таким образом, свобода мысли и действия была им свойственна издавна и в полной мере. Она неизбежно должна была проявиться в массовом революционном движении.

Эти факторы дали себя знать уже в самом начале событий. В то время как в Великороссии революция была быстро и без труда была введена в рамки Коммунистического Государства, на Украине огосударствление и диктатура столкнулись со значительными трудностями. «Советский (большевистский) аппарат» утверждал свою власть главным образом с помощью принуждения, силовых методов. *Независимое массовое движение*, особенно крестьянское, неподвластное политическим партиям, развивалось параллельно процессу огосударствления.

Это независимое движение трудящихся масс заявило о себе уже при «демократической республике» Петлюры. Оно разворачивалось медленно, искало свой путь. Первые шаги были сделаны в начале февраля 1917-го. Это было стихийное движение, «вслепую» стремившееся положить конец экономической системе угнетения и создать новое общественное устройство, основанное на обобществлении средств производства и принципе совместной обработки земли самими трудящимися.

Во имя этих принципов рабочие изгоняли капиталистов и поручали управление производством своим классовым органам: возникающим профсоюзам, заводским комитетам и др. Крестьяне захватывали земли помещиков и кулаков, оставляли урожай самим труженикам, формируя, таким образом, новый тип организации сельского хозяйства. Естественно, процесс этот происходил крайне медленно, стихийно и беспорядочно. Делались первые, еще неловкие шаги на стезе будущей более активной, сознательной и организованной деятельности. Путь, который неосознанно избрали народные массы, оказался наилучшим. И они интуитивно чувствовали это.

«Эта практика революционного действия рабочих и крестьян развивалась почти беспрепятственно в течение всего первого года революции и создавала здоровую, вполне определенную *линию революционного поведения масс*.

И всякий раз, когда та или иная политическая группа, захватившая власть, пыталась разбить эту линию революционного поведения трудящихся, последние неизменно вступали в революционную оппозицию этим попыткам, так или иначе боролись с ними.

Таким образом, революционное движение трудящихся к социальной независимости, начавшееся с первых дней революции, не замирало ни при одной власти, бывшей на Украине. Не умерло оно и при большевизме, который после октябрьского переворота стал вводить в стране свою единодержавную государственную систему.

Что же характерно для этого движения?

Недоверие ко всем нетрудовым группам общества; желание достичь в революции своих подлинно классовых интересов, завоевать независимость труда.

Ведь как коммунистическая партия ни мудрствовала, доказывая, что она является мозгом рабочего класса, что ее власть есть власть рабочих и крестьян, — всякому не утратившему

классового чутья и классового сознания рабочему и крестьянину было ясно, что трудящиеся города и деревни оттесняются от своего дела в революции, что власть берет их под свой надзор, отнимает у них право на независимость и на какое бы то ни было самоуправление.

Стремление к полному самоуправлению трудящихся — вот что стало основой начавшегося в глубине масс движения. Множеством путей и случаев мысль их постоянно направлялась к этому. Государственная деятельность коммунистической партии беспощадно убивала это стремление. Но именно деятельность самоуверенной, не терпящей возражения партии подталкивала трудящихся на поиск своих форм и своего пути.

Движение первое время ограничивалось игнорированием новой власти и самочинными действиями крестьян в области захвата помещичьих земель и инвентаря. Неожиданная оккупация Украины австро-германцами поставила трудящихся в совершенно новую обстановку и дала толчок ускоренному развитию их движения»[45].

Оккупация Украины австро-германскими войсками после подписания Брестского мира со всеми ее ужасными последствиями для трудового народа изменила положение в стране и ускорила развитие массового движения.

Здесь я позволю себе почти целиком процитировать главу из работы Петра Аршинова, ибо в ней наилучшим образом изложены события, последовавшие за подписанием Брестского мира. Напомним, что основной пункт мирного договора предоставлял Германии возможность беспрепятственно занять территорию Украины.

Рассказ Аршинова краток, ясен, в нем поразительно схвачена суть произошедшего. Мне нечего ни изменить, ни добавить. Каждая деталь важна для читателя, если он хочет понять последующие события.

Поскольку большинство читателей не имеет возможности ознакомиться с работой Аршинова[46], тем полезней привести отрывок из нее.

«Брест-Литовский договор, заключенный большевиками с германским императорским правительством, открыл настежь ворота Украины для австро-германцев. Последние вошли в нее полными хозяевами. Они наложили свою руку не только на военную, но и на политическую и хозяйственную жизнь страны. Целью их было — пограбить страну продовольственно. Чтобы достигнуть этого возможно полнее и безболезненнее для себя, они возродили в стране свергнутую народом власть помещиков и дворян, поставив над ним единодержавную власть гетмана Скоропадского. Войска же, оккупировавшие Украину, были обмануты своим офицерством, которое постоянно кормило их ложью о русской революции. Положение в России и на Украине им представляли как разгул диких и слепых сил, разрушающих порядок в стране и терроризирующих все честное трудовое население. Этим в них разжигали вражду ко всем бунтующим крестьянам и рабочим, создавая таким образом почву для возмутительного и прямо разбойного поведения австро-германской армии в революционной стране.

Продовольственный грабеж Украины, начатый австро-германцами при всемерной помощи правительства Скоропадского, был бесконечно велик и разнообразен. Вывозили все — хлеб,

скот, птицу, яйца, сырье и т. д., — и все это в таких размерах, с которыми еле справлялся транспорт. Словно попав на гигантские продовольственные склады, обреченные на расхищение, австрийцы и германцы торопились забрать как можно больше, грузили поезд за поездом, сотни, тысячи поездов, и вывозили к себе. Там, где крестьянство противилось этому грабежу, пытались не отдавать свое трудовое добро, его подвергали репрессиям, шомполовали и расстреливали.

Оккупация Украины австро-германцами составляет мрачную страницу в истории ее революции. Помимо открытого военного грабежа и насилия оккупантов, она сопровождалась еще черной помещичьей реакцией. Гетманский режим — это полный возврат к прошлому, уничтожение всех революционных завоеваний крестьян и рабочих. Эта новая обстановка дала громадный толчок к ускоренному развитию того движения, которое намечалось в крестьянстве еще раньше, при петлюровцах и большевиках. Всюду, главным образом в деревнях, пошли ожесточеннейшие акты восстания против помещиков и австро-германских властей. С этого началось новое революционное движение крестьян Украины, ставшее потом известным под именем *революционного повстанчества*. Некоторые объясняют происхождение революционного повстанчества исключительно фактом австро-германской оккупации и режимом гетмана. Это объяснение не полно и поэтому не верно. Повстанчество имеет корни в обстановке и основе русской революции, является попыткой трудящихся довести революцию до конца — к реальному освобождению и господству труда. Австро-германцы и реакция помещиков лишь ускорили проявление этого движения.

Движение быстро приняло широкие размеры. Всюду крестьянство поднималось на помещиков, убивало или изгоняло их, забирая себе землю и имущество, не щадя при этом и австро-германских насильников. Ответом на это были беспощадные репрессии немецких и гетманских властей. Крестьян бунтующих сел массами расстреливали, шомполовали, сжигая их хозяйства. В короткий срок сотни сел и деревень подверглись неистовой расправе военно-помещичьей касты. Это было в июне, июле и августе 1918 года. Тогда крестьянство, упорно не желавшее покориться властям, начало действовать партизанским способом. Словно силою невидимых организаций, оно, почти одновременно во многих местах страны, создало множество партизанских отрядов, начавших действовать военными набегами на помещиков, их охрану и представителей власти. Обыкновенно эти партизанские отряды, состоявшие из 20-50-100 человек конных, хорошо вооруженных крестьян, делали быстрый, неожиданный в данной местности налет на помещичью усадьбу, на государственную стражу, перебивали всех врагов крестьян и исчезали. Каждый помещик, преследовавший крестьян, и его верные слуги были на учете у партизан и ежедневно могли быть убиты. Каждый милиционер, каждый немецкий офицер были обречены партизанами на верную смерть. Акты эти, ежедневно производимые в разных концах страны, били помещичью контрреволюцию по живому, подготавливая неминуемую ее гибель и победу крестьянства. Мы должны отметить здесь, что как широкие, неподготовленные, принимавшие стихийный характер общедеревенские повстанья крестьян, так и партизанские их действия велись исключительно самими крестьянами, без какой бы то ни было политической организации. В течение всего периода борьбы с гетманом и помещиками, даже в самые тяжелые моменты этой борьбы крестьянство, без всякой посторонней помощи и участия, сражалось со своим организованным, вооруженным и ожесточенным врагом. Это, как мы увидим дальше, имело громадное влияние на характер

всего революционного повстанчества. Основной чертой повстанческого движения там, где оно сохранило чисто классовый характер и не попало под влияние партийного или националистического элемента, было революционное самоуправление народа. Партизаны гордились им и видели в борьбе за народную свободу свое великое призвание. Ожесточенные репрессии помещичьей контрреволюции не остановили движения, а наоборот — расширили и сделали его повсеместным. Крестьяне спланивались; сам ход движения приближал их к единому плану революционных действий. Конечно, в масштабе всей Украины крестьянство ни разу не объединилось в общую группу, действующую под единым руководством. О таком объединении можно говорить лишь в смысле единства революционного духа. Практически же, организационно, крестьянство объединялось по районам путем слияния отдельных партизанских отрядов. Такое объединение — как только повстанцы участвовали, а репрессии приняли ожесточенный и организованный характер — стало неотложным делом отрядов. На юге Украины инициативу объединения проявил Гуляй-Польский район. Там оно происходило не только с целью самозащиты крестьянства, но, главным образом, для всеобщей борьбы с помещичьей контрреволюцией. Объединение это преследовало также цель создать из революционного крестьянства реальную организованную силу, которая могла бы бороться с любой контрреволюцией и отстаивать свободу и территорию революционного народа»[47].

Последняя цель, важнейшая и решающая, поставила перед движением объединения крестьянских масс более обширную задачу: вовлечь в него революционные элементы *из других районов* и, по возможности, превратить революционное крестьянство в *организованную силу*, способную бороться с любой реакцией и успешно защищать свободу революционного народа.

Самую значительную роль в деле объединения и общего развития революционного повстанчества на юге Украины сыграл партизанский отряд под руководством крестьянина родом из этого района — Нестора Махно. Вот почему движение получило название «махновского».

«Со времени зарождения повстанчества, — пишет Петр Аршинов, — и до момента его высшего напряжения, когда крестьянство победило помещиков, Махно играл в движении исключительную роль. Наиболее героические события повстанческого движения связаны с его именем. Затем, когда повстанчество восторжествовало над контрреволюцией Скоропадского, а району стала угрожать опасность со стороны Деникина, Махно стал в центре объединения миллионов крестьян на территории нескольких губерний»[48].

Подчеркнем, что речь шла лишь о *южной* части Украины.

«Ибо не везде повстанчество сохранило свою революционную народную сущность, верность интересам своего класса. В то время как на юге Украины оно подняло черное знамя анархизма и пошло по пути безвластия и самоуправления трудящихся, в западной и северо-западной части Украины оно, по свержении гетмана, попало под влияние чуждых и враждебных ему элементов — демократических националистов (петлюровцев). В течение двух с лишним лет часть повстанцев западной Украины служила опорой петлюровцам, которые под национальным стягом преследовали интересы местной либеральной

буржуазии. Повстанческое движение крестьян Киевской, Волынской, Подольской и части Полтавской губерний, хотя и имело общие с остальным повстанчеством корни, в своем последующем развитии не смогло определить собственных исторических задач, попало под руководство врагов труда и стало, таким образом, слепым орудием в их руках.

Совершенно в ином направлении развивалось революционное повстанчество юга Украины. Оно резко отмежевывалось от нетрудовых элементов современного общества, от национальных, религиозных, политических и иных предрассудков рабского строя, встало на почву реальных требований своего класса — пролетариев города и деревни — и во имя этих требований повело суровую войну с многочисленными врагами труда».[49]

В нашей книге мы не раз упоминали имя *Нестора Махно*, украинского крестьянина, сыгравшего огромную, исключительную роль в мощном крестьянском восстании на юге Украины.

Мы писали также, что во всей существующей литературе о русской Революции, за исключением нескольких либертарных изданий, это массовое движение полностью замалчивается — или же извращается.

А если исследователи и вынуждены упомянуть его вдохновителя и военного руководителя, Нестора Махно, то они обязательно используют такие эпитеты, как «бандит», «убийца», «грабитель», «погромщик» и пр. Постоянно и упорно на него клеветают, порочат его имя. В лучшем случае авторы бессовестно, не утруждая себя исследованием и проверкой фактов и мифов, распространяют абсурдные вымыслы и невероятные глупости о его жизни и деятельности[50].

Такой подход, увы, стал классическим и повсеместным. И это вынуждает нас кратко изложить подлинную биографию Н. Махно, в частности, этапы его деятельности до свержения гетмана.

Впрочем, понимание личности Махно необходимо также для оценки последующих событий.

«Махно Нестор Иванович — крестьянин, родившийся 27 октября[51] 1889 г. и выросший в селе Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии, сын бедной крестьянской семьи. На одиннадцатом месяце жизни он лишился отца, оставшись, вместе с четырьмя маленькими братьями, на руках матери. Уже с семи лет, по причине особенной бедности семьи, он работал подпаском — пас коров и овец крестьян своего села. Восьми лет поступил в местную начальную школу, причем зимой учился, а летом пастушил. Окончив школу, двенадцатилетним мальчиком он отправился на заработки. Работал в экономиях немецких кулаков и в имениях помещиков в качестве простого чернорабочего. Уже тогда, будучи четырнадцатилетним юношей, он питал сильную ненависть к эксплуататорам-хозяевам и мечтал о том, как бы он посчитался с ними за себя и за других, если бы был в силах. После он работал литейщиком на заводе в своем селе.

До шестнадцати лет он не соприкасался с политическим миром. Его революционные и социальные воззрения складывались в небольшом кругу односельчан, таких же пролетариев-крестьян, как он сам».[52]

Утверждения, что Махно был учителем, и мировоззрение его сформировалось под влиянием одного интеллигента-анархиста[53], не соответствуют действительности, как, впрочем, и многие другие.

«Революция 1905 года сразу выбила его из этого небольшого круга, поставив в поток широких революционных событий и действий. В это время он был семнадцатилетним юношей, полным революционного энтузиазма, готовым на любые действия ради освобождения трудящихся. После ближайшего знакомства с политическими организациями он решительно вступает в ряды анархистов-коммунистов и становится с этого момента неустанным борцом за социальную революцию. [...] Махно нашел себе обширное поле деятельности, принимая участие во многих опаснейших моментах анархической борьбы.

В 1908 году он попадает в руки царского суда, который за участие в анархических сообществах и террористических актах приговаривает его к повешению, замененному затем, ввиду его несовершеннолетия, бессрочной каторгой. Всю каторгу Махно отбывал в Московской центральной пересыльной тюрьме (Бутырках)[54]. Как ни тяжела и безнадежна была жизнь на каторге, Махно, тем не менее, постарался использовать свое пребывание на ней в целях самообразования и проявил в этом отношении крайнюю настойчивость. Он изучил русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие ему огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности. Жизнь, факты жизни были другой школой, научившей его узнавать людей и общественные события.

На каторге, будучи еще совсем молодым, Махно подорвал свое здоровье. Упорный, не могущий примириться с полным бесправием личности, которому подвергался каждый осужденный на каторгу, он всегда спорил с тюремным начальством и очень часто сидел за это по холодным карцерам, нажив себе таким образом туберкулез легких. За «неодобрительное поведение» он в течение 9-ти лет, до последнего дня заключения, пробыл закованным по рукам и ногам, пока, наконец, восстанием московского пролетариата не был освобожден 2 марта 1917 года наряду с остальными политическими заключенными.

По выходе из заключения Махно немедленно возвращается в Гуляй-Поле, где многочисленное крестьянство встретило его с особенным сочувствием. Он являлся на все село единственным политическим каторжанином, возвращенным революцией домой, и невольно стал поэтому предметом теплого отношения крестьян. Теперь это был не просто молодой, мало подготовленный юноша, а законченный опытный боец, с сильными волевыми устремлениями и с определенным планом социальной борьбы.

По прибытии в Гуляй-Поле он немедленно отдается революционной борьбе, стараясь прежде всего организовать крестьян своего и окрестных сел, создает профессиональный союз крестьян-батраков, организывает трудовую коммуну и местный крестьянский совет. Он был вдохновлен главной своей задачей — сплотить и организовать все крестьянство настолько прочно, чтобы оно могло раз и навсегда выгнать всю «расу» крепостников-управителей и само строить свою жизнь. И он, продвигаясь в этом направлении, вел организационную работу среди крестьян, но

не как проповедник, а как практический борец, стараясь спланировать трудящихся, вскрывая обман, угнетение и несправедливость рабского строя. В период керенщины и октябрьских дней он был председателем районного крестьянского союза, земельного комитета, профессионального союза металлистов и деревообделочников и, наконец, председателем Гуляй-Польского Совета крестьян и рабочих.

В середине августа 1917 г. в качестве председателя Совета он собрал всех помещиков и собственников района, отобрал у них документы о количестве находившихся в их владении земли и инвентаря и произвел точный учет всего этого имущества. Затем он сделал доклад — сначала на собрании волостного совета, а потом на районном съезде. В своем докладе он предложил, чтобы помещики и кулаки пользовались землей наравне с трудовым крестьянством. Районный съезд, по его предложению, постановил: оставить кулакам и помещикам по трудовой норме земли, а также живого и мертвого инвентаря. По примеру Гуляй-Польского района, такие постановления были вынесены на многих уездных съездах крестьян Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Харьковской и других губерний.

За это время Махно в своем районе стал душой крестьянских движений, отнимавших у помещиков землю, имущество, а где надо было — и жизнь. Этим он нажил себе смертельных врагов в лице местных землевладельцев, богачей и буржуазных организаций».[55]

В момент оккупации Украины австро-германцами подпольный Революционный комитет поручил Махно сформировать рабоче-крестьянские отряды для борьбы с захватчиками и властями[56].

Он сделал все необходимое, но был вынужден вместе со своими партизанами с боями отступить на Таганрог, Ростов и Царицын.

«Местная буржуазия, окрепшая с приходом австро-германцев, уже за ним охотилась. И ему пришлось скрываться. В отместку украинские и немецкие военные власти сожгли дом его матери и расстреляли его старшего брата Емельяна, инвалида войны.

В июне 1918 года Махно прибыл в Москву, чтобы посоветоваться с некоторыми старыми работниками анархизма относительно направления и характера деятельности среди украинского крестьянства. Однако у анархистов, оказавшихся в этот период русской революции крайне неустойчивыми и слабыми[57], он удовлетворивших бы его советов и указаний не нашел».[58]

Он отправился на Украину, еще более утвердившись в решении реализовать свои собственные планы[59].

Нужно отметить, что во время краткого пребывания в Москве у Махно состоялись встречи со старейшим теоретиком анархизма Петром Кропоткиным и с Лениным. Он подробно рассказал об этом — в особенности, о разговоре с Лениным — в своих воспоминаниях. Махно пишет, что некоторые советы Кропоткина оказались ему очень полезны. В беседе же с Лениным затрагивались три вопроса: умонастроения украинских крестьян; ближайшие перспективы региона и необходимость для большевиков создать регулярную армию

(Красную Армию); разногласия между большевизмом и анархизмом. Разговор этот, представляющий некоторый интерес, был слишком кратким и поверхностным, чтобы иметь большое значение. Так что мы не будем на нем останавливаться.

Отметим также, что московские большевики помогли Махно перейти украинскую границу с наименьшим риском[60].

Махно считал крестьянские массы колоссальной исторической силой.

«Давно уже у него зрела, — продолжает Петр Аршинов, — мысль: организовать многочисленное крестьянство как самостоятельную историческую силу, выявить веками накопленную в нем революционную энергию и всю эту гигантскую мощь обрушить на современный крепостнический строй. Теперь этот момент подошел».[61]

Таким образом, после краткого пребывания в Москве Махно отправился на Украину, в свой родной Гуляй-Польский район. Это произошло в июле 1918 г.

«Ехать пришлось с большим трудом, строго законспирировавшись, чтобы в том или ином месте не попасть в руки германских агентов. И в самом деле, в одном месте Махно чуть не погиб, будучи схвачен немецкими властями с чемоданом анархической литературы. Его спас один знакомый, гуляй-польский еврей-обыватель, потративший большую сумму денег на его освобождение. По дороге на Украину он получил предложение от большевиков взять для подпольной революционной деятельности определенный район Украины и вести там работу от их имени. Нечего, конечно, и говорить, что Махно не стал даже обсуждать это предложение, стремясь к цели, прямо противоположной большевистской.

Махно вновь в Гуляй-Польском районе; на этот раз с бесповоротной решимостью или погибнуть, или добиться победы крестьянства, но не уходить более из своего района. Весть о его возвращении быстро пролетела из села в село. Он же, со своей стороны, не замедлил выступить перед широким крестьянством открыто — на митингах и печатно, — зовя его к решительным действиям против гетманщины и панства, резко подчеркивая, что теперь трудящиеся не должны упускать судьбу из своих рук. Громкий и волевой призыв его в несколько недель облетел десятки сел и волостей, подготавливая массы к великим событиям.

Сам Махно приступил к действиям сейчас же. Первая задача, стоявшая перед ним — создать военно-революционный отряд достаточной силы, который гарантировал бы свободу агитации и пропаганды в селах и деревнях и который приступил бы к партизанским операциям. Отряд этот был создан в короткий срок. В деревнях имелось достаточно великолепного боевого элемента, готового к действиям. Но была острая необходимость в хорошем организаторе. Таковым являлся Махно. Обязанностями его отряда было: а) вести самую энергичную пропагандистскую и организационную работу среди крестьянства; б) самую беспощадную партизанскую борьбу с врагами крестьянства. В основу партизанских действий был положен принцип, по которому всякий помещик, преследовавший крестьян, всякий вартовой[62] (милиционер), всякий офицер русской или немецкой службы как злейшие враги крестьянства и его свободы должны были уничтожаться. Кроме того, по

принципу партизанства, предавался смерти каждый, причастный к угнетению бедного крестьянства и рабочих, к попранию их достоинства или к ограблению их труда и имущества.

За две-три недели действий отряд этот стал предметом ужаса не только для местной буржуазии, но и для австро-германских властей. Район военно-революционных действий Махно имел огромный — от Лозовой до Бердянска, Мариуполя и Таганрога, и от Луганска и Гришина до Екатеринослава, Александровска и Мелитополя. Быстрота передвижения была особенностью его тактики. Благодаря обширности района и быстрым передвижениям он всегда как снег на голову появлялся в том месте, где его меньше всего ждали, и в короткий срок прошел огнем и мечом по всем пристанищам местной буржуазии. Все те, кто за последние два-три месяца гетманщины успели обосноваться в старых дворянских гнездах, кто пользовался бесправием крестьян, грабя их труд и землю, кто начальствовал над ними, вдруг оказались под беспощадной, неумолимой рукой Махно и его партизан. Быстрые как вихрь, не знающие страха и жалости к врагам, налетали они на помещичью усадьбу, вырубали всех бывших на учете врагов крестьянства и исчезали. А на другой день Махно делал налет уже на расстоянии ста с лишним верст от этой усадьбы на какое-либо большое село, вырубал там всю варту, офицеров, помещиков и исчезал, не дав времени опомниться стоявшим под боком немецким войскам и сообразить, что произошло по соседству с ними. На следующий день он вновь более чем за сто верст от этого села расправлялся с каким-нибудь мадьярским карательным отрядом, усмирявшим крестьян, или вешал вартовых.

Варта всполошилась. Всполошились австро-германские власти. Они выслали ряд батальонов для разгрома и поимки Махно. Но тщетно. Великолепные кавалеристы, наездники с детских лет, притом имеющие по дороге переменных лошадей, Махно со своими партизанами оказались совершенно неуловимыми, делая в сутки переходы, абсолютно невозможные для обычной кавалерийской части. И неоднократно, словно насмехаясь и издеваясь над противником, Махно появлялся то в центре Гуляй-Поля, то в Пологах, где всегда были расположены большие части австро-германцев, то в других местах скопления войск, перебивал попадавшихся ему под руку офицеров и невредимый исчезал — через полчаса всякий след его терялся. Или же в то время, когда, казалось, по горячим следам должны были окружить его в определенном селе, он с небольшим отрядом партизан, переодетый в форму варты, пробирался в самую гущу неприятеля, разузнавал планы и расположение противника, затем ехал с каким-нибудь отрядом, выделенным «для поимки Махно» — и по дороге уничтожал этот отряд.

По отношению к австро-германским и мадьярским войскам общим правилом партизан было уничтожать офицерство, пленных же солдат распускать, предлагая им идти на родину, рассказывать там, что делают украинские крестьяне, и работать на пользу социальной революции. Их при этом снабжали литературой, а иногда и деньгами. Лишь солдат, уличенных в насилии над крестьянами, предавали казни. Такое отношение к пленным имело определенное революционизирующее влияние на солдат.

В этот период своей повстанческой деятельности Махно являлся не только организатором и вождем крестьянства, но в такой же степени грозным народным мстителем. За короткий период его первого партизанского выступления сотни помещичьих гнезд были уничтожены,

тысячи активных врагов и угнетателей народа — безжалостно раздавлены. Его смелый и решительный образ действий, быстрота появления и исчезновения, неуловимость при разного рода обстоятельствах превратили его в легендарную личность, окруженную любовью и гордостью крестьян и страхом и ненавистью буржуазии. В его поступках было, действительно, много легендарного, совершенного его удивительной смелостью, его упрямой волей, проницательностью и здоровым мужицким юмором.

Но этими качествами личность Махно не исчерпывается.

Его боевой дух, партизанские выступления первого периода являлись лишь начальными проявлениями громадного военного и организаторского таланта. Махно неустанно собирал митинги во всех многочисленных селах района, делал на них доклады о задачах момента, о социальной революции, о трудовом, ни от кого не зависимом общежитии крестьян как цели настоящего повстания. Писал об этом листки, воззвания к крестьянам, рабочим, к австрийским и германским солдатам, к казакам Дона и Кубани и т. д.

«Умереть или победить — вот что стоит перед крестьянством Украины в настоящий исторический момент. Но все умереть мы не можем, нас слишком много, мы — человечество; следовательно, мы победим. Но победим не за тем, чтобы, по примеру прошлых лет, передать свою судьбу новому начальству, а затем, чтобы взять ее в свои руки и строить свою жизнь своей волей, своей правдой» (из первых призывов Махно)».[63]

Так говорил Махно широким крестьянским массам.

Глава II. Образование «махновской» Повстанческой армии

Вскоре Махно стал центром притяжения всех повстанцев.

«Почти в каждом селе крестьяне создают свои подпольные местные группы, связываются с Махно, во всем его поддерживают и руководствуются его указаниями.

Партизанские отряды, существовавшие ранее и вновь возникающие, стали сливаться с его отрядом, стремясь достигнуть единства действий. Необходимость единства действий и общего руководства сознавалась всюду, и всюду партизаны-революционеры признавали, что лучше всего это единство будет достигнуто в лице Махно. К этому заключению пришли такие большие и самостоятельные отряды, как отряд Куриленко, оперировавший в Бердянском районе, отряд Щуся и отряд Петренко-Платонова, оперировавшие в Дибровском и Гришинском районах. Все они по собственной инициативе стали составными частями отряда Махно. Таким образом, слияние партизанских отрядов юга Украины в одну повстанческую армию произошло естественно, в силу требований обстановки и голоса масс».[64]

Мощное и неукротимое крестьянское восстание в конце концов привело в полную растерянность войска оккупантов и гетманскую полицию и способствовало их разложению. Контрреволюция, которую поддерживали иностранные штыки, все быстрее теряла под собой опору. Завершение войны и последовавшие затем политические потрясения в Германии и Австрии окончательно добились ее. В конце 1918 года немецкие и австрийские войска покинули страну. С ними бежали гетман и крупные собственники, которым уже не суждено было возвратиться.

Начиная с этого момента на Украине действовали три основные, очень различные силы: «петлюровщина», «большевизм» и «махновщина».

Мы уже достаточно говорили о *большевизме*, и читателю нетрудно догадаться, каковы были цели и методы большевиков на Украине.

С другой стороны, из предыдущей главы можно составить достаточное представление о независимом крестьянском движении — «махновском» — на его начальном этапе.

Нам остается лишь кратко охарактеризовать сущность и практику «петлюровщины».

С первых дней февральской Революции 1917 года украинская либеральная буржуазия, опасаясь революционных «эксцессов», подобных тем, которые имели место в Москве, и стремясь избежать их, поставила вопрос о «национальной независимости» Украины[65]. После свержения царизма она могла рассчитывать на успех этого предприятия, все левые политические партии в России провозгласили «право наций на свободное самоопределение».

При поддержке некоторых слоев населения Украины: зажиточных крестьян (кулаков), либеральной интеллигенции и других, эта буржуазия создала широкое движение за национальную независимость, целью которого было полное отделение от «российского» государства.

Понимая, тем не менее, что движение может рассчитывать на длительный и прочный успех, лишь сформировав национальные вооруженные силы, на которые сможет при необходимости опереться, вожди движения, Симон Петлюра и прочие, обратили взоры на массу украинских солдат на фронте и в тылу. Их решили организовать на национальной основе в *особые украинские* подразделения.

В мае 1917 года вожди сепаратистов созвали 1-й украинский Военный съезд, который избрал Генеральный военный комитет, призванный руководить движением.

Позднее этот Комитет был расширен и получил название «Рады» (по-украински «совет»)[66].

В ноябре 1917 года на Всеукраинском съезде «Рада» стала «Центральной Радой», своего рода парламентом новой «Украинской демократической республики».

Наконец, месяц спустя «Центральная Рада» провозгласила независимость этой «Республики»[67].

Событие нанесло чувствительный удар по большевикам, которые только что взяли власть в Великороссии и, естественно, хотели распространить ее и на Украину, вопреки «праву на самоопределение».

И большевики спешно направили туда свои войска. Под Киевом, столицей Украины, завязалась ожесточенная борьба между ними и соединениями Петлюры. 25 января 1918 года большевики захватили город, посадили в нем свое правительство и тут же начали распространять свою власть на всю страну. Им это удалось лишь отчасти. Правительство Петлюры, политики-сепаратисты и их войска отступили на запад Украины, закрепились там и выразили протест против оккупации страны большевиками.

Весьма вероятно, что через какое-то время последним удалось бы удушить движение за независимость. Но начавшиеся события помешали этому. В марте-апреле 1918 года большевикам пришлось уйти в Великороссию, уступив место, согласно Брестским соглашениям, оккупационной австро-германской армии.

Немедленно, опередив ее, сторонники Петлюры возвратились в Киев. Их правительство провозгласило новую «Украинскую Национальную Республику» [68].

Она просуществовала всего несколько недель. Для австро-германцев было гораздо выгоднее иметь дело с бывшими помещиками и капиталистами **Украины, чем с петлюровцами. Опираясь на военную силу, немцы бесцеремонно свергли республиканское правительство и заменили его единоличной властью своего верного ставленника — гетмана Скоропадского. Сам Петлюра несколько месяцев провел в тюрьме и на время сошел с политической сцены**[69].

Но разложение гетманского режима не заставило себя ждать. Восставшие крестьяне наносили ему один удар за другим. Осознав непрочность новой власти, «петлюровцы» энергично взялись за дело. Обстоятельства им благоприятствовали. Сотни тысяч стихийно восставших крестьян только ждали призыва выступить против гетманского правительства. **Имея достаточно средств для объединения, организации и вооружения части своих сил, «петлюровцы» перешли в наступление и почти без боя захватили несколько крупных населенных пунктов. В завоеванных ими провинциях они устанавливали новую власть: на этот раз «Директорию» с Петлюрой во главе**[70]. Их целью было подчинить себе значительную часть страны, пользуясь отсутствием других претендентов на власть, особенно большевиков.

В декабре 1918 года Скоропадский бежал. Петлюровская «Директория» торжественно водворилась в Киев.

Это событие с энтузиазмом было встречено в стране. «Петлюровцы» сделали все, чтобы до крайности «раздуть» свои успехи. Они изображали из себя национальных героев.

Вскоре им подчинилась большая часть Украины. Лишь на юге страны, где действовали крестьяне-махновцы, петлюровцы встретили серьезное сопротивление. Здесь их ждала не удача, а, напротив, ряд ощутимых поражений.

Но во всех крупных центрах страны торжествовали сторонники Петлюры.

Казалось, что на этот раз господство выступавшей за независимость буржуазии установилось надолго.

Но только казалось.

Едва установившись, новая власть начала терять опору.

«Миллионы крестьян и рабочих, оказавшихся в дни свержения гетмана в сфере влияния и руководства петлюровцев, начали массами уходить от них, стремясь найти опору своим народным интересам и устремлениям. Основная масса разбрелась по селам и деревням, заняв там враждебные позиции в отношении новой власти. Многие ушли в революционные повстанческие отряды махновцев с лозунгами борьбы против идей и власти петлюровцев. Последние, таким образом, самым ходом событий так же быстро обезоруживались, как неожиданно и быстро они было вооружились. Их идея буржуазной самостоятельности,

буржуазного единства нации смогла продержаться среди революционного народа всего несколько часов. Горячее дыхание народной революции сожгло эту ложную идею, поставив носителей ее в **беспомощное положение. А в это время с севера быстро шел воинствующий большевизм, искушенный в приемах классовой агитации и проникнутый твердым решением овладеть на Украине властью. Ровно через месяц после въезда петлюровской директории в Киев туда вошли большевистские войска** [71]. С этого момента в большей части Украины вновь устанавливается коммунистическая власть большевиков».[72]

Таким образом, сразу же после падения гетмана и ухода австро-германцев московское правительство поспешило вновь установить на Украине свою власть, наводнить страну своими чиновниками, активистами, а главное, полицией и войсками.

Но на западе и юге страны оно вскоре столкнулось, с одной стороны, с петлюровскими националистами, которым вновь пришлось отступить, с другой, с подлинным и независимым движением трудящихся масс под руководством Махно.

Петлюра, изгнанный из центра страны, не считал себя побежденным; он отступил в менее доступные для большевиков районы и попытался по возможности организовать сопротивление своим противникам, в том числе «крестьянским бандам» Махно[73].

Независимому же крестьянскому движению вскоре пришлось выступить не только против петлюровской буржуазии (а затем против монархистских сил Деникина и Врангеля), но и против большевиков.

Таким образом, на Украине сложилась беспрецедентно запутанная ситуация. Друг с другом боролись три силы: большевики против Петлюры; Петлюра против большевиков и Махно; Махно против Петлюры и большевиков.

Затем возник и еще более осложнил положение четвертый элемент: националистически и монархистки настроенные российские генералы, стремившиеся восстановить самодержавную Российскую империю в ее прежних границах. Начиная с этого момента (лето 1919 года) уже четыре силы вели друг против друга борьбу не на жизнь, а на смерть.

Добавим, что при этом на Украине беспрепятственно орудовали многочисленные вооруженные банды, состоявшие из людей, сбитых с толку войной и революцией, и занимавшихся исключительно разбоем. Они почти без помех действовали на всем юге страны, имея убежища практически повсюду.

(Значительно позднее большевики, используя свою излюбленную тактику диффамации, попытались приравнять независимое крестьянское движение и лично Махно к этим разбойникам и контрреволюционерам. Но, прочитав нашу книгу, читатель сможет по достоинству оценить факты, людей и мифы.)

Можно вообразить себе невероятный хаос, в который погрузилась страна, и сложнейшие «комбинации», которые создавались, распадались и возникали снова на протяжении трех лет борьбы (с конца 1918-го по конец 1921 года), вплоть до того момента, когда большевизм

победил окончательно.

Согласимся с Аршиновым, что все действия большевиков на Украине были сплошным лицемерием, опиравшимся на силу оружия, лицемерием, которое они **даже не трудились скрывать**.

Сформировав свое правительство, сначала в Харькове, затем переехавшее в Киев [74], они сеяли рознь в районах, освобожденных от власти гетмана, и, опираясь на штыки, создавали в них органы «коммунистической власти».

«Как там, где большевики с боем занимали местности, изгоняя из них петлюровцев, так и там, где район был свободен и крестьянство жило само, коммунистическая власть устанавливалась военным порядком. Советы рабочих и крестьян, якобы создавшие эту власть, появились задним числом, после того, как власть уже укрепилась. До них были партийные политические ревкомы. А до ревкомов были просто военные дивизии»[75].

Мы видели, что в силу многочисленных причин *Социальная Революция* на Украине началась не со взятия власти крайне левой политической партией, но как мощный стихийный подъем крестьян против новых угнетателей, причем вопрос о власти даже не ставился.

Поначалу это восстание походило на разбушевавшуюся грозу. В порыве гнева крестьяне принялись решительно уничтожать все ненавистное им, все, что было связано с многовековым угнетением.

В этом сплошном разрушении поначалу не виделось ничего позитивного.

Но постепенно, по мере развития событий движение революционных крестьян самоорганизовывалось, объединялось и все яснее определяло свои основные конструктивные задачи.

Поскольку наша работа вынуждает нас быть по возможности краткими и не вдаваться в детали, отметим *основные характерные черты «махновского» движения*, которые все отчетливее проявлялись в ходе событий, следовавших за падением гетманского режима и окончанием немецкой оккупации.

Эти особенности движения можно разделить на две различные группы: с одной стороны, *сильные стороны, достоинства и заслуги*, с другой, *слабости, недостатки и ошибки*. Действительно, не следует считать «махновское» движение безупречным идеалом. (Некоторая его непоследовательность и недостатки впоследствии позволили большевикам оклеветать и очернить его.)

Сильными сторонами и заслугами движения являлись:

1) Полная независимость от всякой опеки, от партий и «политики», какими бы они ни были и откуда бы ни исходили; действительно свободный или даже — точнее — *либертарный* дух движения. Это главное, важнейшее достоинство движения было обусловлено: а) изначальной стихийностью крестьянского восстания; б) личным влиянием анархиста Махно;

в) деятельностью других анархических элементов; Махно, поглощенный военными задачами, старался привлекать к себе анархистов, предоставляя им полную свободу действий. Здесь же следует отметить уроки, которые извлекали повстанцы из каждодневных контактов с политическими партиями.

Эта либертарная направленность движения выразилась в глубоком недоверии по отношению к нетрудовым или привилегированным элементам, в отказе от какой бы то ни было диктатуры над народом и в идее свободного и полного самоуправления трудящихся на местах.

2) Свободная *координация* на федеративной — и тем более прочной — основе всех сил в одно мощное социальное, свободно организованное и дисциплинированное движение.

3) Сильное и здоровое идейное влияние, которое движение оказывало на значительную часть страны с населением примерно 7 миллионов человек.

Слабыми сторонами движения являлись:

1) Почти постоянная необходимость защищаться и сражаться против всевозможных врагов, не имея возможности вести мирную и действительно позитивную работу.

2) Длительное существование *армии* как составной части движения. Ибо армия всегда имеет определенные серьезные недостатки в силу своего специфического деструктивного менталитета.

3) Слабость либертарной *интеллектуальной составляющей* в движении.

4) Отсутствие мощного организованного *рабочего* движения, могущего поддержать восставших крестьян.

5) Некоторые личные недостатки Махно. Обладая организаторскими и военными талантами, пламенными анархическими убеждениями и другими замечательными качествами, необходимыми военачальнику, Махно имел ряд недостатков характера и пробелов в образовании и не всегда оказывался на высоте поставленных задач. Это — как мы увидим далее — снижало масштабы и нравственную притягательность движения.

6) Определенное «*благодущие*» (излишняя доверчивость) по отношению к коммунистам.

7) Постоянная нехватка оружия и снаряжения. «Махновцам» удавалось добывать их лишь в результате успешных боев.

А теперь возвратимся к событиям. Рассматривая их, мы еще раз отметим и достоинства, и недостатки движения, что позволит нам дать его целостную оценку.

Победоносная борьба повстанцев против гетмана, немцев и Петлюры. Создание свободного безвластного района.

В октябре 1918 года отряды Махно, объединившиеся в армию партизан-добровольцев, начали общее наступление против сил гетмана.

В ноябре австро-германские войска оказались полностью дезориентированы событиями на западном фронте и на оккупированной территории. Этим и воспользовался Махно. Кое-где он повел переговоры с этими войсками, добился их нейтралитета и даже разоружения, получив таким образом необходимое оружие и снаряжение. В других местах он с боями заставил их отступить. Например, после ожесточенного трехдневного сражения он окончательно взял Гуляй-Поле.

Повсюду ощущался скорый конец режима гетмана. Крестьянская молодежь массово вступала в армию Махно. Многим даже пришлось отказывать из-за нехватки оружия.

Вскоре в махновской армии насчитывалось несколько пехотных и кавалерийских полков, пушки и большое количество пулеметов.

Что касается украинской армии и гетманской «варты», они почти всегда разбегались при приближении мощных отрядов повстанцев.

За короткий период времени последние стали хозяевами обширного района, где не существовало никакой власти. Но гетман еще удерживал Киев. Тогда Махно направился на север и занял несколько важных железнодорожных узлов: Чаплино, Гришино, Синельниково, а также город Павлоград. Затем он повернул на запад, в направлении Екатеринослава.

Здесь ему пришлось столкнуться с реорганизованными и хорошо вооруженными силами Петлюры.

В то время «петлюровцы» считали «махновское» движение незначительным явлением в украинской революции. Мало зная о нем, они рассчитывали вовлечь его в сферу своего влияния и подчинить себе. Они весьма дружелюбно обратились к Махно с рядом политических вопросов, таких, как: что он думает о петлюровском движении и власти Петлюры? Как он представляет себе будущее политическое устройство Украины? Не считает ли он желательным и полезным совместно бороться за независимость Украины?

Ответ «махновцев» был однозначным. В частности, они заявили, что, на их взгляд, «петлюровщина» является буржуазным националистическим движением, и цели ее и восставших крестьян различны; что в основе будущей Украины должен лежать свободный труд и самостоятельность рабочих и крестьян; что для них неприемлем союз с кем бы то ни было, и между «Махновщиной», движением трудового народа, и «Петлюровщиной», движением буржуазии, возможна только борьба.

События, последовавшие за этим «обменом мнениями», приняли оборот, типичный для истории Украины.

Армия Махно встала лагерем в Нижне-Днепровске, пригороде Екатеринослава, и приготовилась к нападению на город. В городе существовал большевистский «комитет». В

его распоряжении имелись вооруженные силы, впрочем, незначительные. Зная Махно как подлинного революционера и очень способного военачальника, «комитет» предлагает ему командование над рабочими отрядами коммунистов. Махно соглашается[76].

Он решает прибегнуть к хитрости — как часто это делал, — сопряженной с большим риском, но дающей значительные преимущества в случае успеха: сажает свои войска в поезд под видом «рабочих» и отправляет его из Нижне-Днепровска прямо на Екаринославский вокзал. Подобные составы, доставляющие живущих в пригородах рабочих на работу в город, проходили обычно беспрепятственно и не проверялись. Махно это было известно. Если бы его хитрость неожиданно оказалась раскрытой до остановки поезда, все, кто в нем находился, попали бы в плен.

Поезд беспрепятственно прибывает на вокзал и останавливается. В мгновение ока «махновцы» занимают вокзал и его окрестности. В городе завязывается ожесточенный бой. Петлюровцы терпят поражение. Их не **преследуют. Махно довольствуется тем, что взял город.**

Несколько дней спустя петлюровцы, получив подкрепление, идут на приступ, разбивают войска Махно и отвоевывают город. Но у них не хватает сил для преследования противника[77].

Повстанческая армия вновь отступает в район Синельниково, где укрепляется и устанавливает линию фронта с петлюровцами по северо-западной границе освобожденной повстанцами территории.

Петлюровские войска, состоящие в основном из восставших или мобилизованных крестьян, при контакте с махновцами «тают» на глазах. Вскоре фронт ликвидирован без боя. В Екатеринослав вступают большевики, которые не рискуют выйти за пределы города. Со своей стороны, Махно не считает, что располагает достаточными силами для удержания одновременно Екатеринослава и огромного свободного района. Он решает уступить Екатеринослав большевикам и сосредоточиться на обороне свободного района.

Таким образом, огромная территория в несколько тысяч квадратных километров на юго-восток от Екатеринослава освобождена от всякой власти. Здесь крестьяне наконец получили волю. В Екатеринославе правят большевики, на западе страны — петлюровцы.

Созидательный труд в свободном районе.

Отметим, что крестьяне-махновцы немедленно воспользовались свободой и относительным спокойствием — увы, недолгим! — в своем районе для решения ряда насущных задач.

В течение примерно полугода, с декабря 1918-го по июнь 1919 года гуляй-польские **крестьяне жили безо всякой политической власти. Но они не только не оказались разобщены между собой, но, напротив, создали новые формы общественной организации: коммуну вольных тружеников и «свободные Советы» трудящихся[78].**

Позднее «махновцы» сформулировали свои социальные идеи — в особенности, концепцию Советов — в брошюре, озаглавленной «Общее положение о вольном совете»[79]. (К сожалению, в настоящий момент я не располагаю этой работой.) Повстанцы считали, что советы должны быть абсолютно независимы от любых политических партий; они являются составной частью *общей хозяйственной системы*, основанной на социальном равенстве; их члены, подлинны труженики, призваны служить интересам трудового народа, подчиняться лишь его воле; их активисты не должны осуществлять никакой «Власти».

Что же касается «коммун», во многих местах имели место попытки организовать общественную жизнь на основе общности имущества, справедливости и равенства.

Те же самые крестьяне, которые относились враждебно к «коммунам» официальным, с энтузиазмом принялись за строительство *свободных* коммун.

Первая коммуна, имени Розы Люксембург, была создана в селении Покровское. Поначалу в ней насчитывалось лишь несколько десятков человек. Позднее их стало более трехсот.

Эта коммуна было организована беднейшими крестьянами села. Назвав ее именем Розы Люксембург, они, таким образом, проявили свою беспристрастность и определенное благородство. Им было известно, что Роза Люксембург отдала жизнь за дело немецкого пролетариата. Принципы коммуны не во всем соответствовали теории, которую отстаивала Роза Люксембург. Но крестьяне хотели почтить таким образом память жертвы социальной борьбы.

Коммуна основывалась на принципе безвластия. Она очень быстро достигла высоких хозяйственных результатов и оказала огромное влияние на окрестных крестьян[80].

В семи километрах от Гуляй-Поля возникла другая коммуна, названная просто «Коммуна № 1 гуляй-польских крестьян». Ее также организовали бедняки.

Еще в двадцати километрах располагались коммуны № 2 и № 3. Существовали и многие другие.

Все эти коммуны создавались свободно, в стихийном порыве самими крестьянами при содействии нескольких хороших организаторов с целью удовлетворить жизненные потребности трудового населения. Они не имели ничего общего и искусственными, так называемыми «образцовыми» «коммунами», безуспешно насаждаемыми коммунистическими властями и объединявшими, как правило, разнородные элементы, неспособные вести серьезную работу. Эти так называемые большевистские «коммуны» лишь разбазаривали зерно и опустошали землю. Получая поддержку от государства и правительства, они существовали за счет народного труда, претендуя на то, что учат народ трудиться.

Коммуны же, которые нас интересуют, являлись подлинными трудовыми коммунами. Они объединяли крестьян, с детства привыкших к постоянному труду, и основывались на реальной материальной и моральной взаимопомощи, на принципе равенства. Все — мужчины, женщины и дети — должны были трудиться по мере своих сил. Организационная

работа поручалась товарищам, способным успешно вести ее. Выполнив свои задачи, эти товарищи продолжали трудиться совместно с остальными членами коммуны.

Такие здравые, основательные принципы были выработаны самими трудящимися и развивались естественным путем.

Партизаны-махновцы никогда не оказывали давления на крестьян, ограничиваясь лишь пропагандой *идеисвободных* коммун. Последние создавались по инициативе самой крестьянской бедноты.

Небезынтересно отметить принципиальное сходство идей и деятельности крестьян-махновцев с идеями и деятельностью восставших в 1921 году кронштадцев. Оно доказывает, что когда трудящиеся массы имеют возможность размышлять и действовать *свободно*, они следуют примерно по одному пути вне зависимости от местности, обстоятельств и даже — добавим — эпохи. Подобная закономерность сама по себе должна привести нас к мысли, что в целом это *правильный, справедливый, истинный путь трудящихся*. Конечно, по многим причинам трудящимся массам ни разу еще не удалось удержаться на этом пути. Но возможность пройти по нему не сворачивая, до конца — лишь вопрос времени и общественного развития.

Творческая деятельность крестьян не ограничивалась попытками строительства свободного коммунизма. Перед ними вскоре встали гораздо более масштабные и важные задачи.

Требовалось сообща искать практическое решение различных проблем, касавшихся всего района. Для этого была необходима общая организация, сначала на уровне волостей, затем уездов и, наконец, района в целом. Требовалось создать органы, способные выполнить такую организационную работу.

У крестьян они были. Периодически собирались *Съезды* крестьян, рабочих и партизан.

За период, когда район оставался свободным, состоялось три таких Съезда. Они позволили крестьянам упрочить связи между собой, лучше сориентироваться в тогдашней непростой обстановке и ясно определить **экономические, социальные и другие задачи, стоявшие перед ними.**

Первый районный Съезд состоялся 23 января 1919 года в селе Большая Михайловка[81]. **Он был почти целиком посвящен опасности, которую представляли реакционные движения Петлюры и Деникина. В этот момент петлюровцы как раз перегруппировывали свои силы на западе страны, готовясь к новому наступлению. Что касается Деникина, то его приготовления к войне беспокоили крестьян и партизан еще больше. Съезд выработал стратегию сопротивления обоим противникам. Впрочем, стычки между отдельными отрядами, все более ожесточенные, происходили на юго-востоке района почти ежедневно.**

Второй Съезд собрался три недели спустя, 12 февраля 1919 года, в Гуляй-Поле[82]. К несчастью, угроза деникинского наступления на свободный район не позволила Съезду сосредоточиться на важнейших проблемах мирного **строительства. Его заседания были**

полностью посвящены вопросам обороны и борьбы против нового противника.

В тот момент повстанческая армия «махновцев» насчитывала около 20 тысяч бойцов-добровольцев[83]. Но многие из них были изнурены непрекращающимися боями на границах свободного района против авангардов Деникина и других противников. А численность деникинских войск стремительно росла.

После длительных и жарких дискуссий Съезд решил объявить *всеобщую добровольную и уравнительную мобилизацию* жителей свободного района.

«Добровольность» означала, как подчеркивалось Съездом, что при всей необходимости пополнить повстанческую армию свежими силами никто не принуждался вступать в нее: речь шла об обращении к сознательности и доброй воле каждого.

«Равенство» означало, что при пополнении армии следует учитывать положение каждого добровольца, чтобы условия мобилизации были по возможности равными и справедливыми.

Чтобы сформировать некое общее руководство борьбой против Петлюры и Деникина, сохранять и поддерживать во время боевых действий экономические и социальные отношения между трудящимися и партизанами, осуществлять необходимое информирование и контроль, наконец, обеспечивать реализацию различных мер, принимаемых Съездами, второй Съезд сформировал районный **Военный Революционный Совет**[84] крестьян, рабочих и партизан.

Этот Совет действовал на территории всего свободного района. Он был призван исполнять любые решения экономического, политического, социального или военного характера, принятые Съездами. Таким образом, он являлся своего рода верховным исполнительным органом всего движения. *Но никоим образом не был органом власти.* Ему предписывались исключительно исполнительные функции. Он ограничивался выполнением указаний и решений Съездов и мог в любой момент быть распущен Съездом и прекратить свое существование.

Как только крестьяне района узнали о решениях второго Съезда, все села и деревни послали в Гуляй-Поле своих добровольцев, желавших отправиться на борьбу с Деникиным.

Количество новобранцев превзошло все ожидания. Если бы удалось всех их вооружить и ввести в бой, последующих трагических событий можно было бы избежать. Более того, вся русская революция пошла бы, возможно, по иному пути. Могло произойти то «чудо», на которое надеялись анархисты.

К несчастью, в районе не хватало оружия. Вот почему в нужный момент не удалось сформировать новые отряды. *90 % добровольцев пришлось отказать.*

Это повлекло за собой, как мы увидим, фатальные последствия для свободного района во время генерального наступления Деникина в июне 1919 года.

Глава III. Наступление Деникина и его окончательный разгром

«Государственники, — совершенно справедливо пишет П. Аршинов, — боятся свободного народа. Они утверждают, что народ без власти потеряет якорь общественности, рассыплется и одичает. Это, конечно, вздор. Он говорится бездельниками, любителями власти и чужих трудов или слепыми мыслителями буржуазного общества».[85]

И вот смертельный враг мира, труда и свободы — Власть — сомкнул кольцо вокруг свободного района. С юго-востока шла армия генерала Деникина. С севера — войска «коммунистического» государства.

Деникин подступил первым.

Сразу же после падения гетмана несколько контрреволюционных отрядов под командованием генерала Шкуро проникли на Украину со стороны Дона и Кубани и приблизились к Пологам и Гуляй-Полю. Вновь свободному району угрожала контрреволюция. Мы уже видели, что первый Съезд крестьян был вынужден уделить ей особое внимание.

Естественно, армия повстанцев-махновцев сосредоточилась на этом направлении. Ее пехота и конница были очень хорошо организованы и вооружены, исполнены уверенности и высокого боевого духа.

Махновская пехота была организована особым, оригинальным образом. Она перемещалась *подобно кавалерии*, на лошадях, но не верхом, а на легких повозках с рессорами, которые в центральной Украине называли «тачанками». Передвигаясь с той же быстротой, что и конные части, эта пехота могла совершать переходы от 60 до 70 километров и даже, при необходимости, до 100 километров за день.

Махновская же конница являлась, без сомнения, одной из лучших в мире. Отразить ее молниеносные атаки было невозможно.

Не следует забывать, что многие революционные крестьяне участвовали еще в войне 1914 года, то есть являлись опытными бойцами.

Это имело огромное значение и позволило крестьянскому населению района по возможности пополнять боевые силы махновцев. Действительно, на некоторых участках фронта сотни окрестных крестьян являлись на смену уставшим бойцам. Затем сдавали оружие и расходились по домам. После двух-трех недель отдыха они вновь вставали в строй. Иногда бойцы заменяли сражавшихся крестьян на полевых работах.

Добавим, что крестьяне изначально взяли на себя заботу о снабжении Повстанческой армии продовольствием и фуражом. В Гуляй-Поле была организована центральная продовольственная секция. Туда отовсюду свозился провиант, который затем отправлялся на фронт.

Деникин не ожидал встретить ожесточенное сопротивление со стороны повстанцев-махновцев. Кроме того, он строил расчет на неизбежности борьбы между петлюровской Директорией и большевиками. Он надеялся воспользоваться таким положением вещей и легко разбить их поодиночке, установив для начала линию фронта по северной границе Екатеринославской губернии. Но неожиданно столкнулся с превосходной и стойкой армией повстанцев.

После первых сражений войска Деникина оказались вынуждены с боями отступить в направлении Дона и Азовского моря. На короткое время вся территория от Пологов до побережья была освобождена. Махновские партизаны заняли ряд железнодорожных станций и крупных городов, в частности, Бердянск и Мариуполь.

Так — в январе 1919 года — возник первый фронт против Деникина. Он протянулся более чем на 100 километров на северо-восток от Мариуполя.

Естественно, Деникин не считал себя побежденным. Он продолжал атаки и вылазки.

Этому натиску контрреволюции махновцы противостояли в течение полугода. Борьба была упорной и ожесточенной. Генерал Шкуро также располагал прекрасной конницей. Более того, он взял на вооружение методы партизан: его отряды проникали глубоко в тыл махновской армии; уничтожали и сжигали все, что встречали на своем пути; затем исчезали, чтобы неожиданно появиться в другом месте и вновь сеять опустошения.

От этих вылазок страдало исключительно трудовое крестьянское население. Ему мстили за ту помощь, которую оно оказывало повстанческой армии, за его враждебность по отношению к деникинцам, рассчитывая, таким образом, вызвать реакцию против Революции. Евреи, издавна жившие поблизости от Азовского моря компактными поселениями, также страдали от этих рейдов. Деникинцы убивали евреев, провоцировали антисемитские настроения в массах, что облегчило бы им задачу.

Тем не менее, несмотря на прекрасно обученные и вооруженные войска и их бешеные атаки, деникинцам не удавалось нанести существенный урон армии повстанцев, полных революционного энтузиазма и не менее ловких в военных операциях. За эти полгода жестокой борьбы генерал Шкуро не раз был вынужден отступать на сотню километров, чтобы избежать полного разгрома. Тогда же махновцы пять или шесть раз подступали к Таганрогу. *И лишь нехватка бойцов и оружия помешала Махно полностью разгромить*

деникинскую контрреволюцию.

Ненависть и злоба офицеров Деникина по отношению к махновцам не знали пределов. Пленных подвергали изощренным пыткам. Часто их подрывали взрывчаткой. Известно несколько случаев — о них подробно писалось в печати повстанцев, — когда пленников заживо сжигали на раскаленных листах железа.

В ходе этой борьбы блестяще проявился военный талант Махно. Его репутацию выдающегося военачальника признавали даже враги-деникинцы. Это не помешало — и даже напротив! — генералу Деникину назначить награду в полмиллиона рублей за убийство или поимку Махно.

В это время отношения между махновцами и большевиками были неровными, но в целом дружескими. Об этом свидетельствует один факт. В январе 1919 года махновцы, после тяжелых боев отбросившие Деникина к Азовскому морю, захватили у него сотню вагонов зерна. Первой мыслью Махно и штаба Повстанческой армии было отправить трофей голодным рабочим Москвы и Петрограда. Идея была с энтузиазмом воспринята повстанцами, и 160 вагонов зерна отправились в Петроград и Москву в сопровождении делегации махновцев, которую очень тепло приняли в Московском Совете.

Большевики появились в районе «Махновщины» гораздо позднее Деникина. Повстанцы уже несколько месяцев вели борьбу с ним, изгнали его со своей территории и установили линию обороны восточнее Мариуполя, когда первая дивизия большевиков под командованием Дыбенко беспрепятственно вошла в Синельниково.

В тот момент большевики мало знали о Махно и его повстанческом движении. Ранее в большевистской печати о Махно писали как о храбром, многообещающем повстанце. Его борьба против Скоропадского, затем против Петлюры и Деникина вызывала одобрение большевистских вождей, которые, разумеется, рассчитывали включить повстанцев в свою армию. Они заранее расточали Махно похвалы и посвящали его деятельности целые колонки в своих газетах, не зная реальной ситуации.

Еще раз предоставим слово Петру Аршинову:

«В духе этих восхвалений произошла первая встреча большевистского военного командования с Махно (март 1919 г.). Ему немедленно было предложено войти со своими отрядами в красную армию в целях одоления Деникина общими силами[86].

Идейные и политические особенности революционного повстанчества считались вполне естественными, не могущими никоим образом препятствовать объединению на почве общего дела. Они остаются неприкосновенными.

Махно и штаб повстанческой армии прекрасно видели, что приход к ним коммунистической власти несет с собой новую угрозу свободному району; что это — вестник гражданской войны с другого конца. Но этой войны ни Махно, ни штаб армии, ни районный совет не хотели. Она могла губительно отразиться на судьбе всей украинской революции. Главным образом принималось во внимание то, что с Дона и Кубани шла организовавшаяся откровенная контрреволюция, с которой мог быть только один разговор — разговор

оружием. Опасность ее с каждым днем разрасталась. У повстанцев была надежда, что борьба с большевиками ограничится идейной областью. В этом случае они были абсолютно спокойны за свой район, так как сила революционных идей, революционное чутье и недоверчивость крестьян к посторонним явились бы лучшими защитниками района. Общее мнение руководителей повстанчества было то, что все свои силы следует направить против монархической контрреволюции и уже после ее ликвидации обратиться к идейным расхождениям с большевиками. В таком смысле состоялось объединение армии махновцев с красной армией».[87]

Вот основные пункты соглашения: а) Повстанческая армия сохранит неизменной свою внутреннюю организацию; б) она получит политических комиссаров, назначенных коммунистическими властями; в) она будет подчиняться верховному командованию красных лишь в том, что касается проведения военных операций; г) она не будет отозвана с фронта против Деникина;[88] д) она будет получать провиант и воинское снаряжение наравне с Красной Армией; е) она сохранит название Революционной повстанческой армии и черные знамена (знамена анархистов).

Уточним, что одновременно армия Махно получила название «третьей бригады». (Позднее она стала «первой революционной повстанческой дивизией», а затем, обретая независимость, приняла окончательное название «Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев)».)

Самым важным для махновской армии было, разумеется, сохранение ее внутренней организации. Речь, таким образом, шла не об «органичном» вхождении в Красную Армию, но лишь о тесном сотрудничестве.

Расскажем подробнее об этой «внутренней организации» Повстанческой армии.

В ее основе лежали три основных принципа:

1. Добровольность; 2) всеобщая выборность командного состава; 3) дисциплина, основанная на сознательности.

Добровольность означала, что армия состоит исключительно из революционных бойцов, вступивших в нее по своей воле.

Выборность командного состава заключалась в том, что командиры всех армейских подразделений, члены генерального штаба и Совета, а также все, кто занимал в армии какие-либо посты, должны были либо избираться, либо одобряться (в случае, если в срочном порядке назначались командованием) повстанцами данного воинского подразделения или всей армией.

Дисциплина, основанная на сознательности, состояла в следующем: все ее правила разрабатывались повстанческими комиссиями, а затем утверждались всеармейскими общими собраниями. После этого каждый повстанец и командир нес личную ответственность за их исполнение.

Соглашение между большевиками и Повстанческой армии носило исключительно военный характер. По общему согласию все «политические» вопросы были оставлены в стороне. Это позволило трудовому населению района, несмотря на соглашение, следовать и далее своим путем экономической и социальной эволюции — или, скорее, революции, — действовать совершенно свободно и независимо и не признавать никакой власти на своей территории.

Далее мы увидим, что именно в этом заключалась причина разрыва между большевиками и партизанами, подлых и циничных обвинений в отношении последних и вооруженной агрессии коммунистов против свободного района.

Деятельность и настроения масс в свободном районе. Цели большевиков. Первые проявления враждебности большевиков по отношению к махновцам.

После образования районного Совета в феврале 1919 года трудовое население почувствовало себя объединенным и организованным. Это чувство и дух солидарности побудили крестьян к обсуждению других конкретных насущных проблем.

Повсюду начали создаваться *местные свободные советы*. Конечно, в тогдашних условиях процесс происходил медленно; но крестьяне показали себя стойкими приверженцами этой идеи, понимая, что советы — единственная здоровая основа для строительства подлинно свободной общины.

Затем встала важная проблема непосредственного и прочного единства между крестьянами и городскими рабочими.

По мысли крестьян, этот союз должен был быть *непосредственным*, то есть заключаться напрямую с предприятиями и рабочими организациями, минуя политические партии, государственные органы или каких-либо посредников. Крестьяне интуитивно чувствовали необходимость такого союза для упрочения и дальнейшего развития Революции. С другой стороны крестьяне и повстанцы прекрасно понимали, что подобный союз неизбежно повлечет за собой борьбу с *государственнической* правящей партией, с коммунистами, которые, разумеется, не откажутся добровольно от своего влияния на массы. Конечно, эта опасность не воспринималась слишком всерьез; казалось, что крестьяне и рабочие, объединившись, легко смогут сказать «руки прочь!» всякой политической власти, которая попытается их себе подчинить.

Во всяком случае, свободный и непосредственный союз крестьян и рабочих представлялся единственным естественным и плодотворным средством совершения подлинной освободительной Революции и ликвидации всех, кто мог бы воспрепятствовать ей, исказить ее и удушить. Именно в таком смысле была поставлена, обсуждалась и рассматривалась проблема союза с городскими рабочими, ставшая в итоге девизом всего восставшего района.

Само собой разумеется, при таких умонастроениях населения освобожденного района политические партии, в частности, коммунисты, не могли иметь никакого успеха. Когда партии являлись со своими программами и планами государственной организации, их встречали «без церемоний», безразлично, а иногда и враждебно. Часто над их активистами

и вербовщиками откровенно насмехались как над людьми, вмешивающимися в чужие дела. Коммунистические власти, проникавшие во все уголки района и строившие из себя хозяев, воспринимались как чуждые и докучливые элементы. Им вежливо давали понять, что считают их чужаками и шарлатанами.

Вначале большевики рассчитывали преодолеть это «пассивное сопротивление». Особенно надеялись они включить махновскую армию в Красную и тем самым развязать себе руки по отношению к населению. Но быстро поняли, что это ни к чему не приведет. Крестьяне района и слышать не хотели о большевистских органах власти. Они игнорировали, бойкотировали их, иногда даже издевались над ними. То тут, то там вооруженные крестьяне изгоняли из своих сел «чрезвычайные комиссии» (ЧК). В Гуляй-Поле коммунисты даже не осмелились создать подобное учреждение. В других местах попытки насадить «коммунистическую администрацию» приводили к кровавым стычкам между населением и властями, положение которых в районе стало крайне затруднительным. А махновская армия не шла на уступки.

Тогда большевики начали организованную и методичную борьбу против «Махновщины» как идеи и социального движения.

Как обычно, зачинщиком выступила пресса. Получив указание, она принялась «критиковать» махновское движение, все чаще называя его кулацким, его идеи и лозунги «контрреволюционными», осуждая его деятельность как губительную для Революции.

В газетных статьях, выступлениях и приказах центральных властей посыпались прямые угрозы в адрес руководителей движения.

Вскоре район оказался практически блокирован. В некоторых местах коммунистические власти установили «заграждения». Так, все революционные активисты, отправлявшиеся в Гуляй-Поле или возвращавшиеся оттуда, арестовывались по дороге и часто бесследно исчезали.

Затем значительно сократилось снабжение повстанческой армии провиантом и снаряжением.

Все это не сулило ничего хорошего.

Под знаком этих новых осложнений и угроз 10 апреля 1919 года в Гуляй-Поле собрался третий районный Съезд крестьян, рабочих и партизан[89].

Ему предстояло сформулировать ближайшие задачи и определить перспективы развития революции в районе.

В съезде приняли участие делегаты 72 уездов, представлявшие более 2 миллионов человек. К сожалению, мы не располагаем протоколами его заседаний. По ним можно было бы проследить, с каким воодушевлением и одновременно мудростью народ искал в Революции свой путь, свои, народные, формы новой жизни.

В конце третьего съезда и разразилась давно ожидаемая драма.

В президиум поступила телеграмма Дыбенко, командира большевистской дивизии. Она объявляла съезд «контрреволюционным», а его организаторов — «вне закона».

Это было первое открытое покушение большевиков на свободу района.

И одновременно объявление войны Повстанческой армии.

Съезд прекрасно осознал смысл нападков. Он сразу же заявил о своем возмущении и протесте против этого акта. Заявление немедленно распечатали и распространили среди крестьян и рабочих района.

Несколько дней спустя Военный Революционный Совет направил коммунистическим властям и лично Дыбенко подробный ответ, где разъяснялась подлинная роль, сыгранная районом в Революции, и разоблачались те, кто на самом деле стремился направить его по контрреволюционному пути.

Хотя ответ этот и длинен, мы позволим себе привести его полностью, потому что в нем прекрасно представлены позиции обеих сторон.

«Контрреволюционный ли?

«Тов». Дыбенко объявил созванный в с. Гуляй-Поле на 10 апреля с. г. съезд контрреволюционным, а организаторов такового — вне закона, к которым должны быть применены, по его словам, самые суровые репрессивные меры. Приводим дословно его телеграмму:

«Из Новоалексеевки № 283, 10 числа 22 ч. 45 мин. По нахождению, т-щу Батько Махно, штаб дивизии Александровск. Копия Волноваха, Мариуполь, по нахождению т-щу Махно. Копия Гуляй-Польскому Совету:

Всякие съезды, созванные от имени распущенного, согласно моему приказу, военно-революционного штаба, считаются явно контрреволюционными, и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона. Приказывая немедленно принять меры к недопущению подобных явлений. Начдив Дыбенко».

Но прежде, чем объявить съезд контрреволюционным, «тов». Дыбенко не потрудился узнать: от чьего имени и для чего созывается таковой, и благодаря этому он объявляет, что съезд созывается от имени распущенного Гуляй-Польского Военно-революционного штаба, а на самом деле таковой созван Исполнительным Комитетом Военно-революционного Совета. Поэтому последний, как виновник созыва съезда, не знает, считает ли его «тов». Дыбенко вне закона.

Если да, то позвольте «Вашу Высокопоставленную» личность познакомить с тем, кто и для чего созывал этот (по-вашему, явно контрреволюционный) съезд, и тогда, может быть, вам

не будет он таким страшным, как вы его рисуете.

Съезд, как сказано выше, созывался Исполкомом Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района на 10 апреля в с. Гуляй-Поле (как центральное село). Назывался третьим районным Гуляй-Польским съездом. Созывался для указания дальнейшего направления деятельности Военно-революционного Совета. (Видите, «тов». Дыбенко, уже три таких «контрреволюционных» съезда было.) Но вопрос: откуда взялся и для чего создан районный Военно-революционный Совет? Если вы, «тов». Дыбенко, не знаете, то мы вас познакомим. Районный Военно-революционный Совет образован согласно резолюции второго съезда, бывшего в с. Гуляй-Поле 12 февраля с. г. (видите, как давно, когда вас здесь еще не было), для того, чтобы организовать фронтовиков и провести добровольную мобилизацию, так как вокруг были кадеты, а повстанческих отрядов, составленных из первых добровольцев, недостаточно было для того, чтобы занять широкий фронт. Советских войск в нашем районе никаких не было, да от них население района и не ждало большой помощи, а считало своим долгом самозащиту. Вот для этого-то и был образован Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района, куда, согласно резолюции второго съезда, вошло по одному представителю от волости, а всего — 32 человека от волостей Екатеринославской и Таврической губ.

О созданном Военно-революционном Совете разъяснение будет ниже, а теперь у нас создался вопрос: откуда взялся, кто созвал второй районный съезд; от кого было разрешение, и объявлен ли тот, кто созвал его, вне закона, а если нет, то почему? Второй районный съезд в с. Гуляй-Поле был созван инициативной группой из пяти человек, избранных на первом съезде. Второй съезд состоялся 12 февраля с. г., и, к великому удивлению, создавшие его не были объявлены вне закона, так как в то время не было такого героя, который бы дерзнул на права народа, добытые собственной кровью. Теперь опять перед нами вопрос: откуда взялся и кто созвал первый районный съезд, не объявлен ли тот вне закона, а если нет, то почему? Вы, «тов». Дыбенко, как видно, молоды в революционном движении на Украине, и вас нам приходится знакомить с самым началом революционного движения на Украине. Ну что же, мы познакомим, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного.

Первый районный съезд был 23 января с. г. в первом повстанческом лагере в с. Б. Михайловке из представителей от волостей, близко находившихся к фронту. В то время советские войска были еще где-то далеко-далеко. В то время район был отрезан от всего мира: с одной стороны кадетами, а с другой — петлюровцами, и в это время лишь одни повстанческие отряды во главе с батько Махно и Щусем наносили удар за ударом кадетам и петлюровцам. В селах и деревнях организации и общественные учреждения были не однообразны по названию. В одном селе был Совет, в другом — Народная Управа, в третьем — Военно-революционный Штаб, в четвертом — Земская Управа и пр., и пр., но дух был у всех революционный, и для укрепления фронта, для установления чего-либо однообразного в районе и был созван съезд.

Его никто не созывал, он сам по себе съехался с согласия населения. На съезде возник вопрос о том, чтобы вырвать из армии Петлюры своих братьев, насильно мобилизованных, и для этого была избрана делегация из пяти человек, которым был дан наказ проехать через

штаб батько Махно и др., где будет нужно, в армию украинской директории (имени Петлюры), дабы заявить своим братьям мобилизованным, что их обманули и что им следует оттуда уйти. Этой же делегации было поручено, по возвращении ее обратно, собрать более обширный съезд для организации всего очищенного от контрреволюционных банд района, для создания более могучего фронта. Делегаты, возвратившись, созвали второй районный съезд вне всяких партий, власти и закона, ибо вы, «тов». Дыбенко, и подобные вам законники в то время находились далеко-далеко, а герои, вожди повстанческого движения к власти над народом, который собственными руками разорвал цепи рабства, не стремились, а потому и съезд не был объявлен контрреволюционным, а создавшие его — вне закона.

Вернемся к районному Совету. С появлением Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района в свет в район прорывается советская власть. Но ведь с появлением советской власти Районный Совет не имел права оставлять дела невыполненными, согласно вынесенной резолюции на втором съезде. Он должен был выполнить данный ему съездом наказ, ничуть не уклоняясь в сторону, ибо Военно-революционный Совет не есть приказывающий, а только исполнительный орган. И он продолжал работать по мере своих сил, и работа была только в революционном направлении. Постепенно советская власть стала оказывать препятствия в работе Военно-революционного Совета, а комиссары и проч. ставленники советской власти на Военно-революционный Совет стали смотреть как на контрреволюционную организацию. И вот члены Совета решили созвать третий районный съезд на 10 апреля в с. Гуляй-Поле для указания дальнейшего направления деятельности Совета, или, может быть, съезд найдет нужным ликвидировать его. И съезд собрался. На съезд съехались не контрреволюционеры, а те, кто первыми подняли знамя восстания на Украине, знамя социальной революции, для согласованности общей борьбы со всеми угнетателями. На съезд явились представители от 72 волостей разных уездов и губерний и от нескольких воинских частей и нашли, что Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района необходим, и пополнили его Исполком, поручив ему провести в районе добровольную уравнительную мобилизацию. Съезд немало удивлялся телеграмме «тов». Дыбенко, объявлявшему съезд «контрреволюционным» в то время, когда этот район первым поднял знамя восстания, и на телеграмму вынес горячий протест.

Вот перед вами картина, «тов». Дыбенко, которая должна вам открыть глаза. Опомнитесь! Подумайте! Имеете ли вы, один человек, право объявлять с лишком миллион народа контрреволюционерами, который своими мозолистыми руками сбросил цепи рабства и теперь сам, по своему усмотрению строит свою жизнь?

Нет! если вы истинный революционер, вы должны помогать ему в борьбе с угнетателями, в строительстве новой свободной жизни.

Могут ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающие право объявлять более революционный народ вне закона? (Исполком Совета олицетворяет собой всю массу народа.)

Допустимо ли и благоразумно ли вводить законы насилия в стране того народа, который только что сбросил всех законников и всякие законы?

Существует ли такой закон, по которому революционер имел бы право применять самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее — свободу и равенство, — что революционер обещал?

Может ли народная революционная масса молчать тогда, когда революционер отбирает у нее добытую ею свободу?

Следует ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы?

Чьи интересы должен революционер защищать: партии или того народа, который своею кровью двигает революцию?

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района стоит вне зависимости и влияния всяких партий, а только народа, избравшего его. А потому его обязанность проводить в жизнь то, что поручил ему избравший его народ, и не препятствовать всем левым социалистическим партиям проповедовать свои идеи. А потому, если большевистская идея среди трудящихся будет иметь успех, то Военно-революционный Совет, с точки зрения большевиков организация явно контрреволюционная, заменится другой, «более» революционной большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насилуйте нас.

Если вы, «тов». Дыбенко и подобные вам, будете вести в дальнейшем такую политику, как раньше, и если думаете, что она хороша и добросовестна, то тогда уж продолжайте свои грязные делишки. Объявляйте вне закона всех инициаторов районных съездов и тех съездов, которые созывались тогда, когда вы и ваша партия сидели в Курске. Объявляйте контрреволюционерами всех, кто первыми подняли знамя восстания, знамя социальной революции на Украине и везде пошли без вашего позволения, в точности не по вашей программе, а взяли левее. Объявите вне закона и всех тех, которые послали своих представителей на районные съезды, признанные вами контрреволюционными. Объявите вне закона и всех павших борцов, которые без вашего позволения приняли участие в повстанческом движении за освобождение всего трудового народа. Объявляйте все революционные съезды, собравшиеся без вашего разрешения, контрреволюционными и незаконными, но знайте, что правда силу побеждает, и Совет не откажется, несмотря на угрозы, от выполнения возложенных на него обязанностей, ибо он на это не имеет никакого права и не имеет права узурпировать права народа.

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района:

Председатель *Чернокнижный*,

тов. пред-ля *Коган*,

секретарь *Карabet*,

члены: *Коваль, Петренко, Доценко* и др.[90]».

Изложенные выше факты позволят читателю лучше понять атмосферу, тенденции и конфликты в украинском движении 1917–1921 гг. *Последующие события явились лишь их логическим следствием.* Такое понимание позволит нам в дальнейшем значительно сократить наше повествование, избежать лишних деталей, ограничившись выявлением главных особенностей и подлинного смысла махновской эпопеи.

Разумеется, конфликт с Дыбенко явился лишь прологом грядущей драмы.

Ответ Совета переполнил чашу терпения большевиков. Главное — он показал им, что следует оставить всякую надежду подчинить район своей диктатуре «мирным путем».

Отныне большевики стали готовиться к *вооруженной атаке на район.*

Кампания в печати против «Махновщины» усилилась. Движению приписывали самые ужасные вещи, самые отвратительные преступления. Красноармейцев, коммунистическую молодежь и советский народ в целом **систематически настраивали против «анархо-бандитов» и «мятежных кулаков».** Как ранее в Москве — и как позднее во время Кронштадтского восстания — руководил оголтелой кампанией против свободного района лично Троцкий. Прибыв на Украину для руководства готовящимся наступлением, он написал несколько агрессивных статей, наиболее злобная из которых, под названием «Махновщина», была опубликована в № 51 газеты «В пути» [91]. Согласно Троцкому, повстанческое движение являлось не чем иным, как замаскированным мятежом кулаков, стремившихся установить в районе свою власть. Все заявления махновцев и анархистов о свободной трудовой коммуне были, писал Троцкий, всего лишь военной хитростью; на самом же деле махновцы и анархисты хотели установить на Украине свою «анархическую власть», которая стала бы, в конечном итоге, «властью богатых кулаков».

Тот же Троцкий несколько позднее, заявив о необходимости немедленно покончить с Махновщиной, произнес свою знаменитую фразу: «Лучше отдать всю Украину Деникину, нежели допустить дальнейшее развитие махновщины. Деникинщину, как открытую контрреволюцию, всегда можно разложить классовой агитацией. Махновщина же идет в низах масс и, в свою очередь, подымает массы против нас».[92]

В таком же духе выступал он на собраниях красного командования. И доказывал таким образом, что, с одной стороны, прекрасно сознает *революционную и народную* сущность махновского движения, а с другой, совершенно не понимает подлинного характера движения деникинского.

Одновременно большевики предпринимали разведывательные действия в самом районе. Высшие функционеры и военачальники — Каменев, Антонов-Овсеенко и другие — во время встреч с Махно под видом дружеской критики высказывали обвинения и даже неприкрытые угрозы.

«Путч» бывшего царского офицера Григорьева (мы не будем останавливаться на этом эпизоде, хотя он и представляет определенный интерес), подавленный махновцами совместно с большевиками, на время приостановил клеветническую

кампанию. Но она не замедлила возобновиться.

В мае 1919 года большевики предприняли попытку убийства Махно. Хитрость и счастливая случайность позволили Махно вовремя раскрыть заговор. Другая случайность и быстрота реакции привели к аресту его организаторов. Они были казнены[93].

Не раз, впрочем, товарищи, работавшие в большевистских учреждениях, предупреждали Махно, что ему ни в коем случае не следует являться в Екатеринослав, Харьков и куда бы то ни было еще, ибо любой официальный вызов мог оказаться ловушкой, сулившей верную гибель.

Но самым худшим оказалось то, что в момент наибольшей угрозы со стороны белых, когда Деникин непрерывно получал свежие подкрепления, в частности, с Кавказа, которые бросал на махновский фронт, большевики полностью прекратили снабжение повстанцев продовольствием, снарядами и пр. Все требования и протесты ни к чему не приводили. Большевики твердо решили объявить блокаду махновскому району, чтобы уничтожить, в первую очередь, его военный потенциал.

Цель их была совершенно проста: позволить Деникину подавить махновцев, а затем отбросить его своими силами.

Как мы увидим, большевики жестоко ошиблись в своих расчетах. Они не понимали ни реальной мощи, ни далеко идущих целей Деникина. А тот методически собирал новые силы на Кавказе, на Дону и Кубани, готовясь к решающей кампании против Революции. Отброшенный несколько месяцев назад к морю махновскими повстанцами, Деникин с бешеной энергией взялся за перегруппировку и вооружение своих войск. Но сначала ему необходимо было уничтожить армию махновцев, потому что гуляй-польские повстанцы постоянно угрожали его левому флангу.

Большевики ничего об этом не знали — или не хотели знать, — заботясь прежде всего о борьбе с махновщиной.

В конце мая 1919 года, завершив подготовку, Деникин начал вторую кампанию, размах которой поразил не только большевиков, но и самих махновцев.

Таким образом, в июне угроза над свободным районом и Украиной нависла сразу с двух сторон: с юго-востока наступал Деникин; с севера находились враждебно настроенные большевики, которые, несомненно, позволили бы Деникину уничтожить махновцев и даже облегчили бы ему задачу.

В этой тревожной обстановке Военно-революционный Совет Гуляй-Поля, сознавая серьезность положения, решил созвать чрезвычайный съезд крестьян, рабочих, партизан и *красноармейцев нескольких районов* Екатеринославской, Харьковской, Херсонской, Таврической губерний и Донецкого бассейна.

IV районный съезд — сама подготовка к которому стала драматической — был назначен на 15 июня. Ему предстояло, главным образом, изучить общую ситуацию и выработать способы избавления от смертельной опасности, нависшей над страной в результате как стремительного наступления Деникина, так и неспособности советских властей противостоять ему.

Съезд должен был также рассмотреть проблемы рационального распределения продовольствия среди населения района и местного самоуправления в целом.

Вот текст обращения, адресованного по этому случаю Военно-революционным Советом трудящимся Украины:

«Объявление о созыве экстренного съезда крестьянских, рабочих и повстанческих делегатов».

Телеграмма № 416.

Всем исполкомам: уездным, волостным и сельским Екатеринославской, Таврической губерний и рядом расположенных с ними уездов, волостей и сел; всем повстанческим частям первой украинской повстанческой дивизии имени батько Махно и красноармейским частям, расположенным в районе данной местности. Всем. Всем. Всем.

«Исполком Военно-революционного Совета в заседании своем 30 мая, обсудив создавшееся положение на фронте в связи с наступлением белогвардейских банд и принимая во внимание общеполитическое и экономическое положение советской власти, находит, что выход из создавшегося положения может быть указан только самими трудящимися массами, а не отдельными лицами и партиями. На основании этого Исполком В.-Р. Совета Гуляй-Польского района постановил: созвать экстренный съезд Гуляй-Польского района на 15 июня (нов. ст.) 1919 г. в с. Гуляй-Поле. *Норма представительства*: 1) крестьяне и рабочие от трех тысяч населения выбирают одного делегата. 2) Повстанцы и красноармейцы делегируют по одному делегату от каждой отдельной части (полка, дивизиона и т. д.). 3) От штабов: дивизии батько Махно — 2 делегата и бригад — по одному делегату. 4) От уездных исполкомов по одному представителю от каждой фракции. 5) Уездные партийные организации, стоящие на платформе *советского строя*, делегируют по одному представителю.

Примечание: а) выборы делегатов от трудовых крестьян и рабочих должны происходить на общих сельских, волостных, заводских и фабричных собраниях; б) отнюдь не отдельными собраниями членов советов и фабрично-заводских комитетов; в) за отсутствием в распоряжении Военно-рев. Совета наличных средств посылаемые делегаты должны снабжаться необходимыми продуктами и средствами на местах.

Повестка дня: а) доклад Исполкома Военно-революционного Совета и с мест; б) текущий момент; в) цель, значение и задачи Районного Гуляй-Польского Совета крестьянских, рабочих, повстанческих и красноармейских *Делегатов*; г) реорганизация районного Военно-революц. Совета; д) постановка военного дела в районе; е) продовольственный вопрос; ж) земельный вопрос; з) финансовый вопрос; и) о союзах трудового крестьянства и рабочих; к)

об охране общественного порядка; л) об установлении правосудия в районе; м) текущие дела.

Исполком Военно-революционного Совета.

Гуляй-Поле, 31 мая 1919 г».[94]

Как только вышел этот призыв, большевики решили напасть на Гуляй-Польский район.

В то время как отряды повстанцев шли на смерть, сопротивляясь бешеному натиску казаков Деникина, большевистские войска вступили в восставший район с севера, ударив махновцам в спину.

Захватывая деревни, большевики арестовывали активистов и расстреливали их на месте, уничтожали свободные коммуны и другие местные организации.

Приказ о нападении был отдан лично Троцким. Мог ли он терпеть, чтобы рядом с «его государством» существовал независимый район? Мог ли он смирить гнев и ненависть, когда слышал откровенные слова свободного народа, который в своих газетах говорил о нем без страха и уважения, как о простом государственном чиновнике — о нем, великом Троцком, «сверхчеловеке», как его до сих пор еще называют его единомышленники во Франции и других странах?

Этот ограниченный, но безмерно гордый и злой человек, хороший полемист и оратор, ставший — благодаря ошибкам Революции — «непоколебимым» военным диктатором огромной страны, этот «полубог» — мог ли он терпеть соседство свободного народа, на который оказывали влияние, которому помогали «анархо-бандиты», те, кого он считал своими личными врагами и соответственно с ними обращался?

Впрочем, всякий «государственный деятель», всякий социалистический «управленец», даже менее претенциозный и злобный, поступил бы точно также. Не следует забывать, что действовал Троцкий в полном согласии с *Лениным*.

Безграничная гордыня и бешеная ярость чувствуются в каждой строчке его многочисленных приказов, направленных против «Махновщины».

Вот его знаменитый «Приказ № 1824», составленный в ответ на обращение Военно-революционного Совета Гуляй-Поля:

«Приказ № 1824

Революционного Военного Совета Республики.

4 июня 1919 года. Г. Харьков.

Всем военным комиссарам и исполкомам Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского, Павлоградского и Херсонского уездов.

На 15 июня исполком Гуляй-Поля совместно со штабом бригады Махно пытается созвать советский и повстанческий съезд от уездов — Александровского, Мариупольского, Бердянского, Мелитопольского, Бахмутского и Павлоградского. Означенный съезд целиком направлен против советской власти на Украине и против организации юж. фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом съезда может быть только новый безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров.

1. Означенный съезд запрещается и ни в коем случае не может быть допущен.
2. Все рабоче-крестьянское население должно быть предупреждено устно и печатно о том, что участие в съезде будет рассматриваться как государственная измена по отношению к советской республике и советскому фронту.
3. Все делегаты на означенный съезд должны подвергаться незамедлительному аресту и представляться в военно-революционный трибунал 14-ой, бывшей 2-ой, украинской армии.
4. Распространителей воззваний Махно и Гуляй-Польского исполкома арестовывать.
5. Настоящий приказ вводится в действие по телеграфу и должен быть широко распространен на местах, вывешен на всех публичных местах и вручен представителям волостных и сельских исполкомов, всем вообще представителям советской власти, а также командирам и комиссарам частей.

Председатель реввоенсовета республики *Троцкий*.

Главнокомандующий *Вацетис*.

Член реввоенсовета республики *Аралов*.

Харьковский окрвоенком *Кошкарев*».[95]

«Документ классический, — пишет Аршинов. — Каждому, занимающемуся изучением истории русской революции, следовало бы наизусть заучить его. [...] Весь приказ представляет собой такую оголенную узурпацию прав трудящихся, что приведенных комментариев к нему достаточно».[96]

«Могут ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающие право объявлять более революционный народ вне закона?»[97] Такой вопрос задавали революционные крестьяне еще за два месяца до этого, в своем знаменитом ответе Дыбенко.

В пункте 2 приказа Троцкого ясно говорится, что такие законы существовать могут, и приказ № 1824 служит тому доказательством.

«Существует ли такой закон, — спрашивают Гуляй-Польские революционеры в том же документе, — по которому революционер имел бы право применять самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее — свободу и равенство, — что революционер обещал?»[98]

Тот же второй пункт отвечает на это утвердительно: все крестьянское и рабочее население заранее объявляется виновным в измене, если осмелится участвовать в своем собственном свободном съезде.

«Следует ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы?»[99]

Приказ Троцкого (пункты 3 и 4) гласит, что не только делегаты, исполняющие свой мандат, но и те, кто даже не приступил к его исполнению, **должны быть арестованы и преданы смерти. Напомним, что «представить в военно-революционный трибунал» означало «расстрелять». И многие молодые революционные крестьяне: Костин, Полунин, Добролюбов и другие, были отданы под армейский трибунал и расстреляны по обвинению в обсуждении призыва Военно-революционного Совета Гуляй-Поля**[100].

Могут сказать, что, обращаясь с вопросами к Дыбенко, повстанцы предвидели приказ Троцкого № 1824. Что ж, они проявили большую проницательность.

Разумеется, Троцкий считал Махно лично ответственным за все, что происходило в Гуляй-Поле.

Он даже не потрудился понять, что съезд созывался не «генеральным штабом бригады Махно», не «Гуляй-Польским Исполкомом», а совершенно независимым от них органом — Военно-революционным Советом района.

Показательный факт: в своем приказе № 1824 Троцкий уже объявляет «предателями» махновских руководителей, которые, как он пишет, «неизменно отступают» перед белыми. Он «забывает», что сам приказал прекратить снабжение «бригады Махно» *как раз накануне наступления Деникина*.

Такова была «тактика». Она же послужила сигналом. Несколько дней спустя Троцкий и коммунистическая печать начали всячески муссировать тему «оголения фронта» перед войсками Деникина. А за приказом № 1824 последовали другие, в которых Троцкий требовал от Красной Армии и советских властей всеми средствами уничтожить «Махновщину», вырвать ее с корнем. Более того, он отдавал тайные приказы любой ценой захватить Махно, членов его штаба и даже мирных анархистов, которые занимались в движении чисто просветительской работой. Всех их предписывалось предать суду военного совета и расстрелять.

Однако Троцкий знал, что фронт против Деникина существовал исключительно благодаря усилиям и самопожертвованию крестьян-повстанцев. Фронт этот возник в особенно важный момент восстания — когда район был окончательно освобожден от всякой власти. Он

протянулся на юго-востоке, подобно отважному стражу завоеванной свободы. Более шести месяцев революционные повстанцы стойко преграждали путь самым мощным атакам монархической контрреволюции. Тысячи их отдали за это свои жизни. Повстанцы свободного района всеми силами готовы были до конца защищать свою свободу.

Да, Троцкий знал это. Но ему необходимо было формальное оправдание начатой кампании против революционного народа Украины. И с чудовищным цинизмом, невероятной наглостью и лицемерием он позволил прорвать этот фронт, лишив повстанцев оружия и снаряжения, не дав им организовать, чтобы затем обвинить их в предательстве революции и отступлении перед войсками Деникина.

(Позднее, в Испании в 1936–1939 годах, «коммунисты» использовали те же самые «тактику» и методы. Мне хорошо известен один пример. Под Теруэлем «коммунистическая» бригада удерживала фронт против Франко по соседству с бригадой анархистов численностью приблизительно 1500 человек. Чтобы погубить последних, «коммунисты» умышленно тайно покинули свои позиции под покровом ночи. На следующее утро фашисты заняли оголенный участок фронта и окружили анархистскую бригаду. Их полутора тысяч только пятистам удалось спастись, пролагая себе путь гранатами и револьверами. Оставшаяся тысяча бойцов была уничтожена. После этого «коммунисты» обвинили анархистов в предательстве и отступлении перед Франко.)

Четвертый районный съезд, назначенный на 15 июня, не смог состояться. К этому времени в районе уже орудовали большевики и деникинцы.

Большевики, действуя на местах или занимая населенные пункты, начали повсюду исполнять приказы Троцкого. Например, в Александровске все собрания рабочих, намеченные с целью обсудить обращение Совета и повестку дня съезда, были запрещены *под страхом смертной казни*. Те, кто по незнанию приказа пытался их провести, разгонялись силой. В других городах и поселках большевики действовали так же. Что касается крестьян, с ними поступали еще более жестоко: во многих местах крестьянские активисты и даже те, кого «подозревали» в поддержке повстанцев и намеченного съезда, арестовывались и расстреливались после пародии на суд. Многие крестьяне, распространявшие обращение, были арестованы, «судимы» и казнены, хотя они и не знали о приказе № 1824.

Ни Махно, ни его штаб не были поставлены в известность об этом приказе: их не хотели тревожить раньше времени, надеясь нанести удар неожиданно. Только случайно, три дня спустя после выхода приказа, Махно и его штаб **узнали о нем**.

Махно отреагировал немедленно: послал большевистским властям телеграмму, в которой заявлял о сложении с себя в силу обстоятельств полномочий командующего[101].

Ответа он не получил.

Большевики открывают фронт Деникину, чтобы позволить ему захватить свободный район. Вторжение деникинцев в район. Чрезвычайные меры, предпринятые Махно для спасения положения.

Мы подошли в первом крайне драматичном повороте махновской эпопеи, который стал тяжким испытанием для самого Махно, командиров его отрядов, всех повстанцев и жителей свободного района.

Если первый акт драмы завершился для них с честью, то, главным образом, благодаря их исключительным личным качествам, беззаветной отваге и замечательной самодисциплине.

Несколько дней спустя после выхода приказа Троцкого № 1824 Махно обнаружил, что большевики оголили фронт в районе Гришино и, таким образом, открыли свободный доступ войскам Деникина в Гуляй-Польский район с северо-востока. Он тотчас сообщил об этом штабу и совету.

Действительно, орды казаков ворвались на территорию свободного района *не с той стороны, где держали фронт повстанцы, а слева, оттуда, где находились большевистские части.*

Положение стало трагическим.

Махновская армия, удерживавшая фронт по линии Мариуполь-Кутейниково-Таганрог, была обойдена войсками Деникина, огромными массами хлынувшими в самое сердце района.

Крестьяне могли, начиная с апреля, посылать в Гуляй-Поле сколько угодно добровольцев: *их нечем было вооружить*, оружия и снаряжения не хватало. Как мы видели, большевики, вопреки заключенному соглашению и взятым на себя обязательствам, прекратили снабжение повстанцев и саботировали оборону района. Скрепя сердце, махновский штаб был вынужден отправлять добровольцев по домам.

Неизбежным последствием этого явилось нашествие деникинцев.

«Крестьяне Гуляй-Поля в один день сформировали полк, стремясь спасти свое село. Вооружиться пришлось домашними средствами — топорами, пиками, отдельными винтовками, охотничьими ружьями и т. д. Они пошли навстречу казачьей лавине, пытаясь задержать ее поток. В 15 верстах от своего села, под с. Святодуховкой Александровского уезда, они столкнулись с превосходящими силами донских и кубанских казаков. Гуляй-польцы вступили с ними в ожесточенную героическую борьбу, но пали почти все, вместе со своим командиром — В. Веретельниковым, рабочим Путиловского завода и уроженцем Гуляй-Поля. Громадная волна казачества устремилась тогда на Гуляй-Поле и 6 июня заняла его. Махно со штабом армии и небольшим отрядом при одной батарее отступил на ж.-д. станцию Гуляй-Поле, отстоящую на семь верст от села, но к вечеру пришлось сдать и станцию. На другой день, организовав все бывшие под руками силы, Махно повел наступление на Гуляй-Поле, выбил из него деникинцев и занял село. Однако подошедшая новая волна казаков заставила его вновь покинуть село».[102]

Однако большевики, открыв фронт белым и отдав конфиденциальные приказы, направленные против махновцев, продолжали изображать дружелюбие по отношению к повстанцам, как если бы ничего не произошло. Это был маневр с целью захватить вождей движения, в первую очередь, Махно.

7 июня — через два дня после отправки местным органам телеграммы с приказом № 1824 — верховное командование большевиков послало к Махно бронепоезд, советуя ему сопротивляться «до последнего» и обещая другие подкрепления.

Действительно, два дня спустя несколько красноармейских частей прибыли на станцию Гяйчур неподалеку от Чаплино, в двадцати километрах от Гуляй-Поля.

Вместе с частями прибыли главнокомандующий Ворошилов (будущий наркомвоенмор), военный комиссар Межлаук и другие высокопоставленные коммунистические функционеры.

На вид между командованием повстанцев и Красной Армии установились тесные контакты. Было создано нечто вроде общего генерального штаба. Межлаук и Ворошилов пригласили Махно в свой бронепоезд, якобы для совместной разработки военных операций.

Все это являлось лишь циничной комедией. В кармане Ворошилова лежал тайный приказ Троцкого, предписывавший захватить Махно и других руководителей движения, разоружить повстанцев и беспощадно расстреливать всех, кто попытается оказать хоть малейшее сопротивление.

Ворошилов ждал лишь благоприятного момента для выполнения этого приказа.

Надежные друзья вовремя предупредили Махно об опасности, грозившей не только ему лично, но его армии и всему делу революции. Его положение становилось все более сложным. С одной стороны, он хотел любой ценой избежать кровопролития перед лицом врага. Но, с другой, не мог без борьбы пожертвовать своими товарищами, армией, делом всей своей жизни.

Махно искал достойный выход. И нашел его.

Взвесив все, он принял два важнейших окончательных решения: 1. согласился покинуть — временно — пост командующего Повстанческой Армией; 2. предложил всем частям своей армии оставаться на местах и встать — временно — под начало красного командования, выжидая благоприятного момента для продолжения освободительной борьбы.

Два дня спустя он с необычайной хитростью, ловкостью и хладнокровием произвел этот двойной маневр.

Без шума покинул Ворошилова и Межлаука.

Заявил своему штабу, что в настоящий момент его участие в борьбе в качестве рядового бойца принесет наибольшую пользу.

И отправил верховному советскому командованию следующее заявление:

«Штаб 14 армии Ворошилову. Харьков Предреввоенсовет Троцкому. Москва Ленину, Каменеву.

В связи с приказом Военно-Рев. Совета республики за № 1824 мною была послана в штаб 2-й армии и Троцкому телеграмма, в которой я просил освободить меня от занимаемой должности. Сейчас вторично заявляю об этом, причем считаю себя обязанным дать следующее объяснение своему заявлению. Несмотря на то, что я с повстанцами вел борьбу исключительно с белогвардейскими бандами Деникина, проповедуя народу лишь любовь к свободе, к самостоятельности, — вся официальная советская пресса, а также партийная пресса коммунистов-большевиков распространяла обо мне ложные сведения, недостойные революционера. Меня выставляли и бандитом, и сообщником Григорьева, и заговорщиком против советской республики в смысле восстановления капиталистических порядков. Так, в № 51 газеты «В пути» Троцкий в статье под названием «Махновщина» задает вопрос: «Против кого же восстают махновские повстанцы?», — и на протяжении всей своей статьи доказывает, что махновщина есть, в сущности, фронт против советской власти, и ни одного слова не говорит о фактическом белогвардейском фронте, растянувшемся более чем на сто верст, на котором в течение шести с лишним месяцев повстанчество несло и несет неисчислимые жертвы. В упомянутом приказе № 1824 я обвиняюсь заговорщиком против советской республики, организатором мятежа на манер григорьевского.

Я считаю неотъемлемым, революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения как частных, так и общих дел своих. Поэтому запрещение таких съездов центральной властью, объявление их незаконными (приказ № 1824) есть прямое наглое нарушение прав трудящихся.

Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что эта власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к повстанчеству переносит на меня. Примером этому может служить упомянутая статья Троцкого, в которой он, наряду с заведомой ложью, выражает слишком много личного, враждебного мне.

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центр. власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления. Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления считаю уход мой с занимаемого поста. Думаю, что после этого центр. власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество и противосоветском заговоре и серьезно, по-революционному отнесется к повстанчеству на Украине как к живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану, с которым до сих пор вступали в двусмысленные подозрительные отношения, торгуясь из-за каждого патрона, а то и просто саботируя его необходимым снаряжением и вооружением, благодаря чему повстанчество часто несло невероятные потери в людях и в революционной территории, которые, однако, были бы легко устранимы при ином отношении к нему центральной власти. Предлагаю принять от меня отчеты и дела.

ст. Гайчур, 9 июня 1919 г.

Батько Махно».[103]

Тем временем отряды повстанцев, находившиеся в районе Мариуполя, были вынуждены отступить на Пологи и Александровск.

Получив заявление Махно, большевики, предполагавшие, что он до сих пор находится в Гяйчуре, направили туда своих людей, не для того, чтобы занять его должность, а чтобы схватить его. Одновременно они предательски захватили начальника штаба повстанческой армии Озерова, членов штаба Михалева-Павленко и Бурбыгу и нескольких членов Военно-революционного Совета. Все они были немедленно казнены. Это послужило сигналом ко многочисленным казням махновцев, арестованных большевиками.

Но Махно от них ускользнул.

Ловко избежав ловушек, которые большевики расставили ему в Гяйчуре, буквально вырвавшись из их рук, Махно, скача во весь опор, неожиданно явился к своим отрядам в Александровск. От надежных друзей он узнал, что большевики, рассчитывая, что он находится в Гяйчуре, назначили ему приемника в Александровске.

Там, не теряя ни минуты, он официально передал дела и командование новому начальнику, который, будучи только что назначен, еще не получил никакого особого приказа, касавшегося Махно.

«Передачу дел Махно совершил для того, — пишет Аршинов, — чтобы прямо, открыто и спокойно уйти с поста командира, и чтобы большевики не имели никакого основания обвинить его в чем бы то ни было, касавшемся дел дивизии. Во всем этом было много тонкой игры, которую Махно вынужден был вести и из которой вышел с честью».[104]

Затем он выполнил последнее нелегкое дело.

Он обратился к Повстанческой Армии с прокламацией, в которой разъяснял новую ситуацию. Он заявил, что *временно* покидает свой пост командующего, и призвал повстанцев с прежней энергией сражаться против войск Деникина, не придавая значение тому, что некоторое время они будут находиться под командованием большевистского штаба.

Почти все их части остались на своих местах, объявили, что признают красное командование и согласны на вступление в Красную Армию.

Большевики торжествовали победу.

Но они не знали, что в то же время — по соглашению с Махно — многие наиболее преданные ему командиры повстанческих отрядов тайно совещались между собой и приняли окончательное решение ждать благоприятного момента, чтобы вновь объединиться под руководством Махно, при условии, что это не создаст угрозу внешнему фронту.

Решение это осталось в тайне.

Затем Махно исчез, сопровождаемый небольшим конным отрядом.

Части повстанцев, превращенные в полки Красной Армии и подчинявшиеся своим прежним командирам — Калашникову, Куриленко, Буданову, Клейну, Дерменджи и другим, — продолжали сопротивляться деникинским войскам, не подпуская их к Александровску и Екатеринославу.

Как мы говорили, большевистские комитеты не осознавали подлинных масштабов действий Деникина.

Всего за несколько дней до падения Екатеринослава и Харькова Троцкий заявлял, что Деникин не представляет серьезной угрозы, и никакая опасность Украине не грозит. На другой день он вынужден был изменить свое мнение, признав, что Харьков все же находится под серьезной угрозой.

И вовремя: в конце июня пал Екатеринослав. Харьков Деникин захватил две недели спустя.

Большевистские власти и не помышляли о том, чтобы перейти в контрнаступление или даже организовать оборону: их заботило лишь бегство с Украины. Почти все красноармейские части отступали на север, увозя с собой всю возможную амуницию. Большевики откровенно предоставили Украину своей судьбе — отдали ее на растерзание реакции.

Именно тогда Махно решил, что настал момент взять инициативу в свои руки и вновь принять на себя командование независимыми революционными силами. Но на этот раз он был вынужден бороться и против Деникина, и против большевиков.

Отряды повстанцев, временно остававшиеся под большевистским командованием, получили давно ожидаемый приказ: сместить своих командиров-большевиков, оставить Красную Армию и перейти под начало Махно.

Так начался второй акт великой драмы украинского народа. Он продолжался до января 1920 года.

Попытаемся кратко обрисовать его.

Еще до того, как отряды Махно получили приказ объединиться под его командованием, у него уже была новая повстанческая армия.

Сложившаяся ситуация странным образом напоминала ту, которая последовала за австро-германским вторжением.

Деникинцы и их хозяева — бывшие собственники, возвратившиеся вместе с войсками — вели себя по отношению к трудовому населению, как мы уже говорили, крайне грубо и бесцеремонно. Тотчас по возвращении эти господа начали восстанавливать самодержавные и феодальные порядки. На города и села Украины обрушились жестокие репрессии, беспощадный «белый» террор.

Ответ не заставил себя ждать.

Массы трудящихся, в основном крестьян, спасаясь от реакции, присоединялись к Махно. Они совершенно естественно считали его человеком, способным возобновить борьбу против новых угнетателей.

Менее чем за две недели под руководством Махно сформировалась новая армия. Но у нее не доставало оружия. И в это время начали прибывать «основные» части, покидавшие Красную Армию ради объединения всех повстанцев. Они прибывали одна за другой, не только исполненные сил и высокого боевого духа, но и привозили с собой оружие. Ибо, уходя из Красной Армии, они взяли с собой все оружие, какое только смогли. Большевицское командование, застигнутое врасплох и опасаясь в разгар наступления волнений в своих собственных частях, не могло противиться этому дерзкому предприятию.

Отметим, что уже тогда несколько полков красноармейцев присоединились к махновцам и существенно пополнили ряды Повстанческой Армии.

Имея в распоряжении эти новые войска, Махно прежде всего попытался сдержать наступление Деникина. Он медленно отступал, пытаясь сориентироваться в новой обстановке и воспользоваться благоприятным случаем, чтобы перейти в контрнаступление.

Но деникинцы были начеку. Они не забыли потери и поражения, которые махновцы нанесли им предыдущей зимой. Деникинское командование выделило целый армейский корпус — несколько кавалерийских, пехотных и артиллерийских полков — для борьбы с повстанцами.

Медленно отступая перед превосходящими силами противника, Повстанческая Армия постепенно обрела особый характер, который следует отметить.

Взбешенный ожесточенным сопротивлением махновцев — которое сильно затрудняло продвижение вперед, — Деникин вел войну не только против армии Махно как таковой, но и против всего крестьянства: он не только притеснял население захваченных сел, но и предавал их огню и мечу; большинство домов разграблялись и уничтожались. Сотни крестьян были расстреляны. Деникинцы дурно обращались с женщинами, а евреек, которых было довольно много в украинских селах, насиловали почти поголовно — в частности, в Гуляй-Поле.

Подобная «война» вынуждала жителей деревень, которым угрожали деникинцы, оставлять свои жилища и «пускаться наутек».

В итоге за махновской армией последовали тысячи крестьянских семей, бежавших из своих сел вместе со скотиной.

Это была настоящая миграция крестьян. Огромная масса мужчин, женщин и детей следовала за армией в ее отступлении на запад, растягиваясь порой на сотни километров.

Прибыв в армию Махно в начале ее отступления, я мог видеть это живописное «царство кибиток», как его окрестили позднее. И последовал за ним.

Лето 1919 года на Украине было исключительно засушливым. По пыльным дорогам и полям медленно двигалось людское море вперемешку со скотом (главным образом, волами), на разнообразных повозках, со своими продовольственными и медицинскими службами. Вся эта масса являла собой армейский обоз.

Сама армия не смешивалась с этим кочевым царством. Она шла своей дорогой, за исключением частей, с боями прикрывавших основные силы; конница, в частности, воевала почти непрерывно.

Когда боев не было, впереди двигалась пехота. Она передвигалась на тачанках. В каждую тачанку были впряжены две лошади, имелся кучер, сидевший на переднем сиденье, и два бойца позади. Иногда сзади располагался пулемет. За ними шла артиллерия.

Над первой повозкой развевалось большое черное знамя. «Свобода или Смерть», «Земля крестьянам, фабрики рабочим» — можно было прочесть на двух сторонах полотнища. Эти лозунги были написаны серебряными буквами.

Невзирая на тяжелое положение, опасности и почти ежедневные бои, все эти люди были полны воодушевления и мужества. Каждому находилась работа в многочисленных армейских службах. Каждый принимал близко к сердцу общее дело, и все заботились друг и друге. Время от времени то тут, то там раздавались народные или революционные песни, которые тотчас же подхватывали тысячи голосов.

Прибыв в какую-нибудь деревню, вся эта масса вставала лагерем вплоть до приказа о выступлении. Тогда, не задерживаясь, люди трогались в путь, все время на запад, все время под отзвуки боев, происходивших вокруг «царства на колесах».

Во время этого отступления, которое, как увидит читатель, продлилось почти четыре месяца, тысячи беглецов, покинув армию, пускались в различные авантюры и рассеивались по всей Украине. Большинство из них навсегда лишились домов и имущества. Некоторым удалось отстроиться заново. Но многие погибли, скошенные лишениями и болезнями или попав в руки белых.

Прежде всего повстанческая армия попыталась укрепиться на Днепре, возле Александровска. Некоторое время она удерживала знаменитый мост Кичкас (один из важнейших в России) через Днепр, имеющий большое стратегическое значение. Но под давлением значительно превосходивших сил противника она была вынуждена оставить его и отступить сначала к Долинской, затем к городу Елисаветграду.

Тем временем немногочисленные красные отряды, оставшиеся кое-где на Украине, в частности, в Крыму, полностью деморализованные действиями командования большевиков, потеряли всякое боевое значение. Солдаты считали бегство большевистских властей с Украины предательством дела Революции. Многие командиры выражали недоверие верховному командованию. Брошенные властями, эти отряды томились в бездействии, сомнениях и тоске. Для них Махно оставался единственной надеждой на революцию в стране. И к нему постепенно обращались взоры всех, кто стремился защищать свободу.

Наконец, в июле почти все красные полки, оставшиеся в Крыму, возмутились, сместили своих командиров и двинулись на воссоединение с армией Махно. Эта акция была тщательно подготовлена и осуществлена командующими повстанцев. Оставаясь пока в рядах Красной Армии и получив условленный сигнал, они выступили, увлекая за собой не только отряды бывших повстанцев, но и почти все подразделения большевиков.

Форсированным маршем, ведя с собой плененных прежних командиров (Кочергина, Дыбца и других) и захватив большое количество оружия и боеприпасов, эти полки — многочисленные, свежие, хорошо организованные и исполненные воодушевления — двигались в направлении станции Помощная, на **воссоединение с Махно**.

Это был сильный удар по большевикам, поскольку лишал их почти всех вооруженных сил на Украине.

Встреча состоялась в начале августа в Добровеличковке, большом селе Херсонской губернии[105].

Теперь армия Махно стала реальной силой. Отныне она могла осуществлять масштабные военные операции.

Она могла даже рассчитывать на победу.

Сразу же после объединения Махно, до этого с боями отступавший, остановился. Он сделал это, главным образом, с целью перегруппировки войск. Разместив свои аванпосты по границам занятого уезда — между Помощной, Елисаветградом и Вознесенском, — он приступил к окончательной реорганизации своей армии.

Теперь в ней состояло приблизительно 20 тысяч бойцов. Они были разделены на четыре бригады пехоты и кавалерии, артиллерийский дивизион и полк пулеметный.

Конница под командованием Щуся насчитывала от 2 до 3 тысяч человек. Полк пулеметчиков одно время располагал до 500 пулеметов. Артиллерии также было достаточно. Был сформирован особый кавалерийский эскадрон численностью от 150 до 200 человек, который постоянно сопровождал Махно[106].

Завершив перегруппировку, Махно начал решительное наступление против деникинских войск.

Бои шли ожесточенные. Не раз армия Деникина отбрасывалась на 50 и даже 80 километров на восток. Но вскоре махновцам стало не хватать боеприпасов. Две атаки из трех предпринимались с целью захватить трофеи. С другой стороны, Деникин ввел в бой многочисленные свежие части. Он готов был любой ценой подавить Повстанческую армию, чтобы затем спокойно идти на Москву. В довершение несчастий махновцы одновременно вынуждены были противостоять нескольким большевистским отрядам, шедшим через Украину из Одессы и Крыма на север. Они вступали в бой со всеми, кого встречали на своем пути. В том числе и с повстанцами.

В конце концов, когда положение стало критическим, Махно вынужден был оставить район Помощной-Елисаветграда-Вознесенска и отступить далее на запад.

Так началось его знаменитое 600-километровое отступление из района Бахмута-Мариуполя до границ Киевской губернии: отступление, которое продолжалось почти два месяца, с августа по конец сентября 1919 года.

К сожалению, у нас нет возможности подробно рассказать здесь об этих событиях. Поэтому ограничимся основными моментами.

Явной целью Деникина было полностью окружить махновскую армию и уничтожить ее.

Он бросил против нее свои отборные части. Некоторые из них состояли исключительно из молодых офицеров, особенно ненавидевших «мужицкий сброд». Среди них своей храбростью, боеспособностью и бешеной энергией особенно выделялись Симферопольский и 2-й Лабинский полки.

Почти каждый день происходили ожесточенные бои. Фактически речь шла об одном сражении, длившемся два месяца. Оно было исключительно тяжелым для обеих воюющих сторон.

Во время всего отступления я находился в армии Махно, и мы, пятеро товарищей, в том числе Аршинов, сформировали Культпросвет. Эти дни вспоминаются мне как бесконечный кошмар.

Летние ночи, длившиеся всего несколько часов, едва давали отдых людям и лошадям. С рассветом нас пробуждала канонада, разрывы снарядов, цоканье конских копыт... Это деникинцы, наступавшие со всех сторон, пытались сомкнуть железное и огненное кольцо вокруг повстанцев.

Каждый день возобновляли они атаки, все теснее окружая войска Махно, оставляя повстанцам все меньше свободного пространства.

Каждый день жестокие, зачастую рукопашные бои велись на флангах и в центре махновской армии и прекращались лишь с наступлением ночи. И каждую ночь эта армия вынуждена была отступать по все более узкому проходу (иначе не скажешь), чтобы не дать Деникину окончательно сомкнуть кольцо окружения. А с восходом солнца ей вновь приходилось вступать в бой с беспощадным противником.

Повстанцам не хватало одежды, обуви, порой даже еды. По невыносимому зною, под свинцовым небом, осыпаемые пулями и снарядами, они все дальше уходили от родной стороны, в неизвестность.

В конце августа корпус Деникина, преследовавший Махно, получил новые подкрепления из-под Одессы и Вознесенска. Деникин, с основными своими силами шедший на Орел (в сторону Москвы), вынуждая Красную Армию отступать, стремился побыстрее избавиться от махновцев. Пока они находились в его тылу, он не чувствовал себя в полной безопасности.

Положение ухудшалось с каждым днем. Но Махно не терял надежды. Он без устали продолжал маневрировать при отступлении. И бойцы, воодушевленные идеалом, сознающие свои цели, сражающиеся за свое дело, каждый день являли настоящие чудеса мужества и героизма.

Было принято решение отойти в сторону от железнодорожных путей, вдоль которых ранее велось отступление. Захваченные у деникинцев бронепоезда, в том числе мощный «Непобедимый», были взорваны.

Отступление продолжалось проселочными дорогами, от села к селу, все более мучительное и отчаянное. Но ни на минуту повстанцы не теряли мужества. Все они в глубине души надеялись одержать победу над врагом. Все стойко сносили трудности. С удивительным терпением, высочайшим напряжением воли, под непрекращающимся огнем противника они сплотились вокруг своего любимого вождя и товарища.

А он, днем и ночью в седле, почти без сна, покрытый пылью и потом, неутомимый, постоянно объезжал фронт, наблюдал за всем, ободрял бойцов и часто сам бросался в бой; он думал лишь о том моменте, когда, воспользовавшись какой-нибудь ошибкой противника, можно будет нанести ему решающий удар.

Он внимательно следил за всеми действиями и передвижениями деникинцев. Постоянно посылал разведку по всем направлениям. Каждый час ему поступали точные доклады. Ибо он знал, что малейшая его ошибка как командующего может оказаться роковой для армии, а значит, для всего его дела.

Он знал и то, что чем дальше продвигаются войска Деникина на север, тем более уязвимы они становятся с тыла, хотя бы по причине протяженности фронта. Он учитывал это и ждал своего часа.

В середине сентября Повстанческая Армия подошла к городу Умани Киевской губернии. Его занимали петлюровцы.

Петлюра находился в состоянии войны с Деникиным. В своем походе на Москву последний не уделил внимания западу Украины, рассчитывая легко захватить его после поражения большевиков.

Каково было поведение петлюровцев по отношению к махновцам? Как последние должны были вести себя с петлюровцами? Следовало ли напасть на них? Или же попросить разрешения свободно пройти через занятую ими территорию, продолжая отступление? Предложить им совместно выступить против Деникина? Или договориться о нейтралитете и извлечь из него все преимущества?

Учитывая обстоятельства, последнее решение представлялось наиболее естественным.

Отметим, что в это время в Повстанческой Армии было более 8 тысяч раненых. В полевых условиях эти люди были лишены какой-либо медицинской помощи. Более того, они составляли огромный обоз, сильно затрудняя перемещение армии и военные операции.

Штаб хотел попросить власти Умани разместить в городских госпиталях хотя бы тяжелораненых.

По счастливому совпадению, в тот момент, когда эти проблемы обсуждались повстанцами, в их лагерь прибыла делегация петлюровцев и заявила, что, находясь в состоянии войны с Деникиным, они не хотели бы воевать на два фронта. Этот как нельзя лучше отвечало надеждам махновцев.

В итоге обеими сторонами было заключено соглашение о строгом взаимном военном нейтралитете. Более того, петлюровцы согласились разместить в своих госпиталях раненых махновцев[107].

Соглашение подразумевало чисто военный нейтралитет в данный конкретный момент и не навязывало сторонам никаких обязательств и предписаний идеологического и политического характера. Будучи участником переговоров, я особенно настаивал на этом пункте. Махновцы знали, что масса петлюровцев испытывает к ним симпатию и прислушивается к их пропаганде. Таким образом, речь шла о полной и безусловной свободе действий по отношению к этой массе, которая могла бы стать важным подкреплением для махновцев. В момент заключения соглашения повстанцы выпустили листовку, озаглавленную «Кто такой Петлюра?», где последний разоблачался как защитник имущих классов, враг трудящихся.

Что касается петлюровских властей, то, будучи решительными врагами махновцев, они имели немало причин вести себя с ними крайне осторожно.

Повстанцам было известно, что «нейтралитет» петлюровцев является чисто внешним, что они втайне предпочли бы договориться с Деникиным и подавить махновцев. Для Повстанческой Армии речь шла лишь том, чтобы выиграть несколько дней, пристроить раненых, обезопасить себя от нападения с тыла — чтобы не попасть в безвыходное положение.

Эти цели были достигнуты. Но подозрения махновцев вскоре получили недвусмысленное подтверждение[108].

В соответствии с соглашением о «нейтралитете» махновская армия получила право занять территорию в 10 квадратных километров возле деревни Текуче, неподалеку от Умани. Силы Петлюры были рассеяны на севере и западе; Деникин находился на юге и востоке, в стороне Голты.

Однако через несколько дней после заключения соглашения надежные друзья сообщили махновцам, что между двумя вражескими лагерями начались переговоры об окружении и уничтожении войск Махно. А несколько дней спустя, в ночь с 24 на 25 сентября, махновская разведка донесла, что четыре или пять деникинских полков оказались в тылу у повстанцев, на западе. Они могли проникнуть туда лишь по территории, занятой петлюровцами, то есть с помощью или, по крайней мере, с ведома последних.

Вечером 25 сентября войска Деникина со всех сторон окружили махновцев. Большинство его сил было сконцентрировано на востоке; но в тылу махновцев имелись вражеские отряды, а город Умань находился во власти деникинцев, которые уже разыскивали в госпиталях и на частных квартирах раненых, чтобы прикончить их.

Приказ, отданный деникинским командованием, несколько экземпляров которого попали в махновский штаб, гласил: «Банды Махно окружены. Они полностью деморализованы, дезорганизованы, голодны и лишены припасов. Я приказываю атаковать их и в трехдневный срок уничтожить». Приказ был подписан генералом Слащевым, главнокомандующим силами Деникина на Украине (перешедшим позднее на службу к большевикам).

Отныне отступить повстанцам было некуда.

Время действовать, то есть дать решающий бой, настало.

От этой битвы зависела судьба всей Повстанческой Армии, всего движения, всего дела.

Город Умань являлся последней точкой отступления Повстанческой Армии. В этот раз деваться было некуда: враг находился со всех сторон, кольцо окружения вокруг повстанцев сомкнулось.

Тогда Махно просто объявил, что происходившее до сего дня отступление являлось лишь вынужденной стратегией, а теперь начнется настоящая война, и произойдет это завтра, 26 сентября.

Затем разработал диспозицию и первоначальные маневры для решающего боя.

Вечером 25 сентября махновские войска, шедшие до этого на запад, резко изменили направление и двинулись на восток, против основных сил деникинской армии. Первое столкновение произошло поздно вечером у села Крутенькое. Первая махновская бригада атаковала авангарды Деникина. Те отступили, чтобы занять более удобные позиции, а главное, увлечь врага вглубь, туда, где располагались основные силы их армии. Но махновцы не последовали за ними.

Как и ожидал Махно, этот маневр обманул противника. Он посчитал нападение своего рода разведкой или отвлекающим маневром. И сделал из этого вывод, что повстанцы по-прежнему направляются на восток. Он решил прижать их к Умани, загнать в ловушку и там уничтожить. Враг ни на минуту не допускал, что Повстанческая Армия осмелится атаковать его основные силы. Маневр Махно, казалось, подтверждал его предположения. И противник не был готов к лобовой атаке.

Именно в этом и заключался план Махно. Он рассуждал просто: армия погибнет, если ей не удастся прорвать кольцо окружения; это — ее единственный шанс на спасение, пусть минимальный; значит, нужно использовать этот шанс, то есть бросить все свои силы в восточном направлении, против армии Деникина, в надежде нанести ей поражение. Вчерашний маневр имел лишь одну цель — обмануть противника.

Поздней ночью 26 сентября вся армия махновцев двинулась маршем на восток. Основные силы противника концентрировались поблизости от деревни Перегоновка, занятой махновцами.

«Между тремя и четырьмя часами утра завязалось сражение. Оно шло непрерывно, развиваясь и усиливаясь. К восьми часам утра оно достигло высочайшего напряжения. Пулеметная стрельба превратилась в сплошной рев бури. Сам Махно со своей сотней исчез еще с ночи, пойдя в обход противнику, и в течение всего сражения о нем не было никаких известий. К 9 часам утра махновцы начали отступать. Бой шел уже на окраине села. Деникинцы с разных мест подтянули остальные свои силы и окатывали махновцев непрерывными огневыми волнами. Члены штаба повстанческой армии пошли в цепь. Настал критический момент, когда, казалось, сражение проиграно, а значит, все кончено. В центре села раздалась тревожная команда, чтобы все, в том числе и женщины, взяли винтовки и были готовы к бою на улице. Все приготовились к последним минутам борьбы и жизни. Но вот пулеметный рев и раскаты «ура» начали постепенно удаляться, становясь все тише и тише, и, наконец, находившиеся в селе поняли, что противник отброшен, и бой идет на значительном расстоянии. Исход боя решил внезапно появившийся Махно. Уже в тот момент, когда махновцы волной стали отступать, и бой шел на окраине села, Махно, измученный и запыленный, выехал с боковой стороны неприятеля, из-за крутой балки. Молча, без призывов, устремился он со своей сотней полным карьером на неприятеля и врезался в его ряды. Словно рукой сняло усталость и упадок духа у отступавших «Батько впереди!.. Батько рубится!». — пронеслось по всей массе. И все с удесятеренной энергией вновь рванулись вперед за любимым вождем, который, казалось, обрек себя на смерть. Пошел ожесточенный рукопашный бой, «рубка», как выражаются махновцы. Как ни был стоек 1-й офицерский Симферопольский полк, но он был сбит и начал поспешно отступать — первые минут десять в порядке, стремясь рассыпаться в цепь и задержать победителя, а затем просто пустился бежать. За этим полком бросились другие полки, и, наконец, все деникинские части обратились в бегство к реке Синюхе, стремясь переправиться через нее и закрепиться на другом берегу.

Махно великолепно учел момент и спешил максимально использовать его. Пустив полным карьером по следам отступающих всю кавалерию и артиллерию, он сам, с наиболее быстрым кавалерийским полком, взял несколько правее и понесся наперерез отступающим. Преследование длилось верст 12–15. В самый важный момент, когда деникинцы добрались до реки, их настигла махновская кавалерия. Несколько сот их погибло в реке. Большая же часть успела переправиться, но была перехвачена Махно. Стоявший по ту сторону реки штаб деникинцев и запасный полк тоже были, к их неожиданности, захвачены. Из всех частей, упорно преследовавших махновцев **в течение последних полутора месяцев, удалось спастись немногим. Первый офицерский Симферопольский полк и другие полки были вырублены полностью**[109].

Дорога на расстоянии двух-трех верст пестрела трупами павших.[110] Каким бы тяжелым ни казалось это зрелище некоторым, оно, однако, явилось только неотвратимым следствием единоборства деникинской армии с махновцами. Будь малейших промах со стороны Махно — та же участь постигла бы революционную повстанческую армию; при этом не было бы пощады женщинам, вынужденным пойти в армию за своими мужьями. Махновцы имели

достаточно материала для таких выводов».[111]

Подавив основные силы Деникина, махновцы не теряли времени даром: сразу по трем направлениям они направились к «родному краю», в сторону Днепра.

Возвращение было молниеносным. Уже на следующий день после разгрома частей Деникина Махно находился в сотне километров от поля боя. В сопровождении эскорта он двигался в сорока километрах впереди основных сил.

Прошел еще день, и махновцы овладели Долинской, Кривым Рогом и Никоподем. На завтра в результате быстрой кавалерийской атаки был захвачен Кичкасский мост, и повстанцы вошли в Александровск.

Стремительно наступавшие махновцы, казалось, попали в заколдованное царство: никто здесь и не слыхал об Уманских событиях. Никто не знал о судьбе повстанцев. Деникинские власти не принимали никаких мер по обороне, погруженные в свойственную далекому тылу летаргию.

Подобно весенней грозе, обрушились махновцы на противника. После Александровска настал черед Пологов, Гуляй-Поля, Бердянска, Мариуполя. За десять дней весь юг Украины был освобожден от всякой власти[112].

Но не только от нее.

Повстанческая армия, проходя через города, поселки, хутора и села, подобно гигантской метле выметала отовсюду остатки эксплуатации и крепостничества. Застигнутых врасплох помещиков, кулаков, крупных промышленников, жандармов, попов, деникинских градоначальников, тыловых офицеров — всех сметала на своем победном пути Махновщина.

Тюрьмы, комиссариаты и полицейские участки — символы притеснения народа — были разрушены[113]. Те, кто проявил себя как активные враги крестьян и рабочих, уничтожались.

Погибло, в частности, немало помещиков и кулаков. Заметим в скобках, что одного этого факта достаточно для опровержения распространяемого большевиками вымысла о якобы «кулацком» характере махновского движения.

Вспоминается типичный случай, которому я был свидетелем.

Во время контрнаступления несколько отрядов махновцев вошли в большое село. Они решили там остановиться, чтобы дать отдых людям и лошадям.

Наша «Комиссия по пропаганде», находившаяся вместе с этими отрядами, разместилась в крестьянской семье, проживавшей на сельской площади, как раз напротив церкви.

Едва устроившись, мы слышали снаружи шум и громкие голоса.

На улице стояла толпа крестьян, которые разговаривали с бойцами-махновцами.

— Да, товарищи, дело-то ясное. Он, сволочь, целый список составил, сорок фамилий, и передал его властям. Всех расстреляли...

Нам объяснили, что речь идет о сельском священнике. По словами крестьян, он донес деникинцам на многих жителей села как на сторонников махновского движения.

Краткое расследование, проведенное на месте несколькими повстанцами, показало, что крестьяне говорят правду.

Было решено отправиться к попу домой. Но крестьяне сообщили, что дом его заперт, и никого там нет.

Кто-то предположил, что поп бежал. Другие утверждали, что он прячется в самой церкви.

Тогда толпа крестьян и повстанцев направилась к храму. Дверь оказалась заперта. На ней висел большой амбарный замок.

— Гляди-ка, — крикнул кто-то. — Не может он быть внутри, дверь-то заперта снаружи...

Но другие, знающие, утверждали, что у попа не было времени бежать, и он попросил службу запереть его в храме, чтобы поверили в его бегство.

Желая в этом убедиться, несколько повстанцев сбили замок прикладами и вошли в церковь.

Они тщательно исследовали помещение, но никого не нашли. Однако обнаружили использованный ночной горшок и съестные припасы.

Стало ясно, что поп прячется в церкви. Услышав, как в нее пытаются войти, он, должно быть, залез на колокольню в надежде, что, не обнаружив его внизу, крестьяне уберутся восвояси.

Повстанцы поднялись на колокольню по узкой деревянной лестнице. При этом они громко кричали и стучали шашками и винтовками.

Тогда те, кто наблюдал за происходящим с площади, вдруг увидели под крышей колокольни высокую фигуру человека в черной рясе, который махал руками и, охваченный ужасом, отчаянно кричал.

Священник был молод, длинные соломенного цвета волосы развевались на ветру. В страхе протягивал он к собравшимся руки и жалобно взывал:

— Братцы! Братцы! Я ничего не сделал! Ничего не сделал! Смилуйтесь, братцы! Братцы...

Но сильные руки уже схватили его за полы рясы и потянули к лестнице.

Его заставили спуститься. Все вышли из церкви. Попа проволокли через площадь и привели во двор, где мы остановились.

Туда же зашли многие крестьяне и повстанцы. Другие столпились на площади перед открытыми воротами.

Тотчас был организован импровизированный народный суд. Наша «Комиссия» в нем не участвовала, мы лишь наблюдали за происходящим, предоставив народу действовать самому.

— Ну, — крикнули попу, — что ты на это скажешь, прохвост? Настал час расплаты! Прощайся с жизнью и молись своему Богу, если хочешь...

— Братцы, братцы мои, — повторял дрожащий поп, — невиновен я, невиновен, ничего я не сделал. Братцы...

— Как это ничего не сделал? — кричали собравшиеся. — А не ты ли донес на Ивана, и на Павла, и на Сергея горбатого, и на других? Не ты ли составил список? Хочешь, отведем тебя на кладбище и покажем могилы тобой загубленных? Или поищем в полицейском участке? Может, отыщется список, который ты написал?

Поп упал на колени и повторял, вращая глазами и обливаясь потом:

— Братцы, простите... Смилуйтесь!.. Ничего я не сделал.

Неожиданно к нему подошла молодая женщина, член нашей «Комиссии».

Стоя на коленях, он ухватился за подол ее платья, поднес его к губам и стал умолять:

— Сестричка, защити меня. Я невиновен... Спаси меня, сестричка.

— Чего ты хочешь от меня? — сказала она. — Если ты невиновен, защищайся. Эти люди — не дикие звери. Если ты и вправду ничего не сделал, они не причинят тебе зла. А если нет, что я могу сделать?

Во двор, пролагая себе путь в толпе, въехал повстанец на коне.

Узнав о том, что произошло, он остановился позади попа и, не спешиваясь, принялся яростно хлестать несчастного. При каждом ударе нагайки повстанец повторял: «Вот тебе за то, что обманывал народ! Вот тебе за то, что обманывал народ!» Толпа молча смотрела на него.

— Довольно, товарищ, — сказал я негромко. — Не нужно все-таки мучить его.

— Ну конечно! — раздалась вокруг насмешливые крики. — А они что, никогда нас не мучили?

Подошел другой повстанец. Он грубо толкнул священника:

— Ладно, поднимайся! Кончай комедию! Вставай же!

Обвиняемый больше не кричал. Очень бледный, в полубессознательном состоянии, он поднялся. Глядя куда-то вдаль, он беззвучно шевелил губами.

Повстанец дал знак нескольким товарищам, и они тотчас окружили попа.

— Товарищи, — обратился он к крестьянам, — вы все говорите, что этот человек, ярый контрреволюционер, написал и передал белым властям список «подозрительных», и что по этому доносу многих крестьян арестовали и расстреляли. Так это?

— Да, да, истинная правда! — зашумела толпа. — Из-за него сорок наших убили. Все село это знает.

И вновь стали называть имена жертв, приводить доказательства. Несколько родственников казненных подтвердили это. Сами представители властей сообщили им о списке, составленном попом, объясняя таким образом свои действия.

Поп ничего уже не говорил.

— Кто-нибудь из крестьян будет защищать этого человека? — спросил повстанец. — Кто-нибудь сомневается в его виновности?

Никто не откликнулся.

Тогда повстанец схватил попа и грубо сдернул с него рясу.

— Шикарная материя! — сказал он. — Из нее выйдет хорошее черное знамя. А то наше уже истрепалось.

Затем сказал попу, жалкому в своей рубахе и кальсонах:

— А теперь становись на колени! И молись, только не оборачивайся.

Приговоренный подчинился. Он стал на колени и, сложив руки, принялся шептать: «Отче наш на небесах, да святится имя твое, да придет царствие твое...»

Два повстанца встали позади него. Они достали револьверы, прицелились и несколько раз выстрелили ему в спину. Выстрелы прозвучали сухо и беспощадно.

Тело рухнуло.

Все было кончено.

Толпа медленно разошлась, обсуждая происшедшее.

Махно также пишет о нескольких драматических случаях, свидетелем которых он был во время своего молниеносного возвращения.

Однажды вечером в сопровождении группы кавалеристов, переодетых деникинскими офицерами, он явился к богатому помещику, известному как ярый реакционер, сторонник Деникина и палач крестьян.

Лже-офицеры заявили, что возвращаются с задания и хотели бы немного отдохнуть, переночевать в усадьбе и на завтра отправиться в путь.

Естественно, их восторженно приняли. «Господа офицеры» могут чувствовать себя как дома. Усадьба надежно охраняется деникинским отрядом. Опасаться нечего.

В честь гостей организована пирушка. На нее приглашены офицер охраны и несколько верных друзей. Подаются изысканные яства, дорогие вина и ликеры. Языки развязываются. Все яростно проклинают «махновских бандитов» и «смутьянов», желают их быстрее и окончательного разгрома, пьют за здоровье Деникина и за белую армию. Общительный помещик показывает гостям приготовленный на всякий случай великолепный склад оружия.

К концу обеда Махно раскрывает карты. Немая сцена. Все поражены, растеряны и охвачены ужасом. Махновцы окружают помещика. Охрана разоружена. «Настал час расплаты!»

Ни крики, ни мольбы, ни попытки бегства уже не могут ничего изменить. Помещика, его верных друзей и слуг, офицера охраны убивают на месте. Охранявших усадьбу солдат допрашивают и поступают с ними в соответствии с их показаниями.

Покончив с делом, повстанцы забирают оружие и отправляются в очередное дворянское гнездо[114].

Наступление Деникина, остановленное повстанцами. Большевики спасены. Их возвращение на Украину.

Занятие махновцами юга Украины означало смертельную опасность для всей контрреволюционной кампании Деникина. Действительно, база снабжения его армии находилась между Волновахой и Мариуполем. Во всех городах этого района располагались гигантские склады провианта и амуниции. Конечно, не все они без боя достались махновцам. Например, под Волновахой сражение между последними и крупными резервами Деникина продолжалось пять дней. **Но, с другой стороны, поскольку все железнодорожные линии района находились в руках повстанцев, за его пределы нельзя было вывезти ни один снаряд. Таким образом, Деникин лишился оружия и боеприпасов[115].**

Так же, как и под Волновахой, кое-где деникинские резервные части оказывали махновцам сопротивление. Но вскоре они были разгромлены и уничтожены.

Тогда поток Махновщины покатился вглубь Донецкого бассейна и на север. В октябре повстанцы заняли Екатеринослав[116].

Деникин был вынужден остановить наступление на Москву. Это признавали даже белогвардейские газеты[117].

Он спешно отправил свои лучшие силы на Гуляй-Польский фронт. Но было слишком поздно. Пожар восстания охватил весь край, от берегов Черного и Азовского морей до Харькова и Полтавы.

Благодаря полученным подкреплениям — главным образом, броневикам и превосходной кавалерии Мамонтова и Шкуро — белым удалось на время вынудить махновцев оставить Мариуполь, Бердянск и Гуляй-Поле[118]; но одновременно те захватили Синельниково, Павлоград, Екатеринослав и другие города и села; так что Деникин не извлек никакого преимущества из своих побед местного масштаба.

В октябре и ноябре основные силы Деникина, отступившие с севера, **возобновили ожесточенную борьбу против Махно. В конце ноября махновская армия — половина которой, впрочем, страдала от ужасной эпидемии сыпного тифа — была вынуждена оставить Екатеринослав[119]** и перегруппировать свои силы на юге. Но и Деникин не мог нанести решающий удар. Махновцы продолжали сопротивляться. Кроме того, его теснили шедшие **за ним по пятам красные. Армия Деникина агонизировала. Вскоре его лучшие части — отряды Шкуро — отказались сражаться против Махно. Вопреки приказу командования они оставили занимаемые позиции и отступили[120].** Это было начало полного разгрома деникинской армии.

Необходимо отметить здесь следующие исторические факты:

Честь уничтожения деникинской контрреволюции осенью 1919 года полностью принадлежит махновской Повстанческой армии.

Если бы повстанцы не одержали решающую победу под Перегоновкой и не продолжили бы борьбу в тылу Деникина, громя его продовольственные и интендантские службы, белые, весьма вероятно, не позднее декабря 1919 года вступили бы в Москву.

Узнав об отступлении основных сил Деникина, большевики поначалу удивились (см. главу 4), затем выяснили подлинную причину такого оборота событий — поражение у Перегоновки и его последствия — и быстро поняли, какие преимущества им это сулит. Они атаковали Деникина под Орлом и ускорили его общее отступление.

Это сражение, как и многие другие сражения между отступавшими белыми и шедшими за ними по пятам красными, имели совершенно второстепенное значение. Некоторое сопротивление белогвардейцев велось исключительно с **целью дать отступить основным силам и спасти амуницию и провиант. На всем пути Красной Армии — от Орла через Курск почти до Черного и Азовского морей — она почти не встречала сопротивления [121].**

Она вступила на Украину и Кавказ в точности как год назад, после падения гетмана, когда путь был расчищен заранее.

Именно махновцы вынесли на себе всю тяжесть борьбы с отступавшими на юг белыми. До своего окончательно разгрома последние доставили немало хлопот Повстанческой армии.

Большевики, спасенные, по существу, революционными партизанами, явились на Украину пожинать лавры победы, одержанной другими.

Глава IV. Деятельность махновцев в освобожденных районах

Непрерывные бои, жизнь в «царстве на колесах», лишавшие население района какой бы то ни было стабильности, неизбежно мешали ему и вести любую позитивную, творческую работу. Однако всякий раз, когда возникала возможность, движение проявляло свою «органическую» жизненную силу, а трудящиеся массы — замечательные творческие способности и волю.

Приведем несколько примеров.

Мы уже не раз упоминали о маховской печати. Несмотря на препятствия и трудности той эпохи, маховцы в тесном сотрудничестве с анархистской Конфедерацией «Набат» выпускали листовки, газеты и т. д. У них даже нашлось время на публикацию объемной брошюры «Общее положение о вольном Совете».

Газета «Путь к Свободе» — то ежедневная, то еженедельная — служила, главным образом, популяризации и разъяснению анархических идей. «Набат», больше места уделявший теории и идеологии, выходил еженедельно. Отметим также «Голос маховца», газету, посвященную исключительно проблемам, интересам и задачам маховской армии и движения^[122].

В брошюре «Общее положение» резюмировалась точка зрения маховцев на важнейшие проблемы момента: экономическую организацию района свободных Советов, социальные основы нового общественного устройства, вопросы обороны, правосудия и др.

К великому сожалению, у меня возможности процитировать здесь отрывки из этой прессы.

Зачастую нам задавали вопрос: как маховцы должны вести себя в завоеванных городах и селах? Как обращаться с гражданским населением? Как организовать новую жизнь — управление, производство, обмен, муниципальные службы и т. д.?

На эти темы распространялись многочисленные клеветнические домыслы, и нам необходимо было разоблачать их и восстанавливать истину. Я находился в маховской армии как раз в тот момент, когда после битвы у Перегоновки она один за другим захватила ряд важных городов, Александровск, Екатеринослав и другие, и поэтому могу правдиво и

точно рассказать об этих событиях как их непосредственный участник.

Как только махновцы с победой вступали в какой-нибудь город, их первой заботой было положить конец обычному и опасному недопониманию: их воспринимали как *новую власть, новую политическую партию, очередную диктатуру*. Поэтому повстанцы немедленно расклеивали по стенам большие плакаты с обращением к населению:

«Ко всем трудящимся города и окрестностей.

Трудящиеся! Ваш город временно занят *Армией революционных повстанцев (махновцев)*.

Эта армия не служит никакой *политической партии, никакой власти, никакой диктатуре*. Напротив, она стремится *освободить* район от любой политической власти, любой диктатуры. Она будет защищать *свободу действий, свободную жизнь трудящихся* от всякого господства и эксплуатации.

Так что махновская армия не представляет никакой власти. Они никого ни к чему не будут принуждать. Ее роль ограничивается защитой свободы трудящихся.

Свобода крестьян и рабочих *принадлежит им самим* и не должна страдать от *каких бы то ни было ограничений*.

Крестьяне и рабочие должны самостоятельно действовать, организовываться, договариваться между собой во всех областях жизни, как они хотят и считают нужным.

Пусть же они знают, что отныне махновская армия не будет им ничего *навязывать, предписывать, приказывать*.

Махновцы могут лишь *помогать* им, высказывать *свое мнение*, давать *советы*, предоставляя в их распоряжение свои интеллектуальные, военные и другие силы, какие потребуются. Но они ни в коем случае не могут и не хотят *управлять* ими, *предписывать* им что бы то ни было»[123].

Почти все плакаты завершались приглашением трудящегося населения города и окрестностей принять участие в митинге, где товарищи-махновцы «самым подробным образом изложат свою точку зрения и дадут, по необходимости, некоторые практические советы по организации жизни района на основе экономической свободы и равенства, без власти и эксплуатации человека человеком»[124].

Если по ряду причин такое приглашение не появлялось на плакате, позднее выпускались специальные небольшие объявления.

Обыкновенно население сначала немного удивлялось такому невиданному образу действий, но очень быстро свыкалось с создавшейся ситуацией и с большим воодушевлением и успехами принималось за дело свободной самоорганизации.

Разумеется, город, успокоенный относительно поведения «вооруженных сил», быстро возвращался к нормальной жизни: открывались лавочки; там, где возможно, возобновлялась работа; начинали действовать различные хозяйственные службы; возникали рынки.

Так в спокойной и свободной обстановке трудящиеся готовились к позитивной деятельности, призванной постепенно прийти на смену прежнему устройству жизни.

В освобожденных районах махновцы были единственной силой, способной навязать свою волю противнику.

Но они никогда не пользовались этим, чтобы получить власть или даже политическое влияние, а тем более для борьбы с чисто политическим или идеологическим противником.

Военный противник, заговорщик против свободы трудящихся, государственный аппарат, власть, насилие по отношению к трудящимся, полиция, тюрьма — вот с кем боролась махновская армия.

Что касается свободной общественной жизни: обмена идеями, дискуссий, пропаганды, а также свободы организаций и объединений неавторитарного характера, махновцы повсюду и неизменно гарантировали революционные принципы свободы слова, печати, совести, собраний и политических, идеологических и других объединений.

Во всех занятых ими городах и селах махновцы начинали с отмены всяческих запретов и ограничений, которые любая власть накладывала на органы печати и политические организации.

В Бердянске на глазах огромной толпы людей была взорвана тюрьма, и население также участвовало в ее разрушении. В Александровске, Кривом Роге, Екатеринославе и других городах тюрьмы также разрушались и сжигались махновцами. Повсюду трудовое население приветствовало эти действия.

Немедленно провозглашалась полная свобода слова, печати, собраний и объединений — для всех.

Вот текст «Декларации», которую махновцы распространяли в занятых ими населенных пунктах:

«1. Все социалистические[125] партии, организации и политические течения имеют право свободно пропагандировать свои идеи, теории, позиции и мнения, как письменно, так и устно. Никакое ограничение свободы слова и печати для социалистов не допускается, так же, как и любые преследования за осуществление этой свободы.

Замечание: Сообщения военного характера могут быть опубликованы лишь при условии, что они предоставлены руководством центрального органа революционных повстанцев «Путь к свободе».

2. Предоставляя всем политическим партиям и организациям полную свободу пропагандировать свои идеи, армия повстанцев-махновцев предупреждает все партии, что революционные повстанцы не допустят никакой попытки подготовки, организации и навязывания трудящимся массам *политической власти*, подобные действия не имеют ничего общего со свободой мысли и пропагандой.

Екатеринослав, 5 ноября 1919 г.

РВС Армии повстанцев-махновцев».[126]

Во всей русской революции эпоха махновщины на Украине оказалась единственной, когда трудящиеся массы обладали подлинной и полной свободой. Пока район оставался свободным, трудящиеся занятых махновцами городов и сел могли — *впервые* — говорить и делать все, что хотели и как хотели. И главное, у них наконец была возможность организовать жизнь и труд *самостоятельно*, по собственному усмотрению, в соответствии с их пониманием справедливости и истины.

За несколько недель, которые махновцы находились в Екатеринославе, там свободно выходили пять или шесть газет различных направлений: газета правых эсеров «Народовластие», левоэсеровская «Знамя восстания», большевистская «Звезда» и другие. Правда, права большевиков на свободу печати и объединений поначалу ограничивались из-за того, что они сами повсюду лишали трудящиеся классы этих свобод, а также потому, что их организация в Екатеринославе приняла непосредственное участие в преступном вторжении в Гуляй-Польский район в июне 1919 года, и их по справедливости следовало бы сурово наказать. Но чтобы никоим образом не нарушить сам принцип свободы слова и объединений, им не стали препятствовать и предоставили, как и остальным политическим течениям, все права, начертанные на знамени Социальной Революции.

Единственное ограничение, которое махновцы сочли нужным наложить на большевиков, эсеров и других государственников, был запрет создавать якобинские «революционные комитеты», которые стремились бы навязать народу свою *диктатуру*.

Последующие события показали, что эта мера являлась оправданной.

Как только махновские отряды захватили Александровск и Екатеринослав, освобожденные из застенков местные большевики поспешили организовать такие комитеты («ревкомы») с целью установить свою политическую власть и «управлять» народом. В Александровске члены ревкома дошли до того, что предложили Махно «разграничить сферы деятельности», то есть оставить последнему «военную власть», а комитету предоставить полную свободу действий и «всю политическую и гражданскую власть». Махно посоветовал им «заняться каким-нибудь честным ремеслом» вместо того, чтобы пытаться навязать свою волю трудовому народу. Аналогичный случай имел место в Екатеринославе.

Такое поведение махновцев было правильным и совершенно логичным: именно потому, что они стремились обеспечить и защитить полную свободу слова, печати, организации и т. д., им необходимо было без колебаний принимать все меры против органов, желавших ограничить эту свободу, ликвидировать другие объединения и навязать свою волю и

диктаторскую власть трудящимся массам.

Махновцы и не колебались. В Александровске Махно пригрозил арестовать **и расстрелять всех членов «ревкома» за малейшую попытку такого рода действий. Так же было и в Екатеринославе. А когда в ноябре 1919 года командующего третьим повстанческим (махновским) полком коммуниста Полонского уличили в подобного рода деятельности, он вместе со своими сообщниками был расстрелян**[127].

Через месяц махновцам пришлось оставить Екатеринослав. Но у них хватило времени показать трудовому народу, что подлинную свободу могут обеспечивать лишь сами трудящиеся, и начинается она с возникновения анархического сознания и *подлинного* равноправия в их среде.

В Александровске и его окрестностях махновцы впервые закрепились на более или менее длительное время.

Они сразу же предложили трудящимся принять участие в общегородском собрании.

Собрание началось с подробного доклада махновцев о боевой обстановке[128].

Затем трудящимся предложили *самостоятельно* организовать жизнь в освобожденном районе, то есть возродить свои организации, уничтоженные реакцией; возобновить, по возможности, работу на заводах и фабриках; организовать потребительскую кооперацию; срочно договориться с окрестными крестьянами и установить непосредственные и регулярные отношения между рабочими и крестьянскими организациями с целью товарного обмена и т. д.

Рабочие живо приветствовали все эти предложения. Но не спешили осуществлять их на практике, встревоженные их новизной и, главное, близостью фронта. Они опасались скорого возвращения белых — или красных. Как всегда, позитивной работе мешала нестабильность положения.

Но на этом дело не закончилось.

Несколько дней спустя состоялось второе собрание. На нем оживленно обсуждался вопрос организации жизни в городе на основе принципов самоуправления трудящихся. В итоге было принято конкретное решение о первых шагах на этом пути.

Поступило предложение создать «Инициативную комиссию», состоящую из делегатов нескольких действующих профсоюзов. Собрание поручило ей разработать план ближайших дел.

Тогда несколько рабочих из профсоюзов железнодорожников и сапожников заявили, что готовы немедленно войти в эту «Инициативную комиссию», которая поможет создать рабочие организации, способные как можно быстрее наладить экономическую и общественную жизнь района.

Комиссия энергично взялась за дело. Вскоре железнодорожники наладили движение поездов; заработали несколько заводов; возникли новые профсоюзы и т. д.

Было решено, что до начала глубоких реформ средством обмена будут служить бумажные деньги различных выпусков. Но это не имело большого значения, так как уже давно население использовало иные средства обмена.

После рабочих собраний 20 октября 1919 года в Александровске состоялся районный Съезд трудящихся[129].

Этот Съезд — явление совершенно исключительное как по своей организации, так и по результатам — заслуживает особого внимания.

Я был его активным участником и расскажу о нем подробно. Ибо именно подробности этого почина позитивной деятельности являются крайне познавательными и полезными для читателя.

Предложив созвать районный Съезд трудящихся, махновцы возложили на себя весьма деликатную задачу. Они хотели придать активности трудового населения мощный импульс, что было необходимо, похвально и совершенно естественно. Но с другой стороны, им не следовало ничего *навязывать* делегатам и народу, вести себя как диктаторы. Прежде всего, Съезд этот не должен был походить на те, которые созывали власти (выразители интересов политической партии или класса), где «делегатам» после подобия дискуссии следовало покорно одобрять заранее подготовленные резолюции под угрозой подавления любой возможной оппозиции — такие съезды являлись сплошным трюкачеством. Более того, махновцы хотели предложить Съезду ряд вопросов, которые касались самой Повстанческой армии. Судьба армии и всего дела зависела от того, какие решения примет Съезд. Но даже здесь махновцы стремились не оказывать никакого давления на делегатов.

Чтобы избежать всех подводных камней, было решено следующее:

1. Никакая «предвыборная кампания» — по выборам делегатов — не допускалась. Следовало лишь *уведомить* села, организации и пр., что им предстоит послать одного или нескольких своих представителей на Съезд трудящихся, созываемый в Александровске 20 октября 1919 года.

Таким образом население могло совершенно свободно давать мандаты своим делегатам.

2. При открытии Съезда представитель махновцев должен был разъяснить делегатам, что на этот раз Съезд созывается повстанцами, поскольку речь идет, главным образом, о проблемах Повстанческой армии; что одновременно Съезд, разумеется, будет решать и вопросы, касающиеся всего населения; что в обоих случаях дискуссии и решения будут совершенно свободны от всякого давления и делегатам никто не будет мешать; и, наконец, что Съезд этот будет считаться первым или чрезвычайным, а затем трудящиеся района смогут по своей инициативе созвать *собственный* Съезд, где будут решать только свои проблемы.

3. Сразу же после открытия Съезда делегатам надо будет избрать его Бюро и внести, по желанию, изменения в повестку дня, предложенную — но не навязанную — махновцами.

За два или три дня до Съезда со мной произошел любопытный случай. Однажды вечером ко мне пришел очень молодой человек. Он представился: товарищ Любим, член местного комитета Партии левых социалистов-революционеров. Мне сразу же бросилась в глаза его взволнованность. И действительно, он тотчас же, без предисловий, возбужденно заговорил о деле, которое привело его ко мне.

— Товарищ В..., — почти кричал он, шагая из угла в угол маленького гостиничного номера, который я занимал. — Простите меня за бесцеремонность. Нависла огромная опасность. Вы, конечно, о ней и не подозреваете. А не следует терять ни минуты. Разумеется, вы анархисты, значит, утописты и люди наивные. Но нельзя же быть наивными до глупости! Вы даже *права* не имеете этого делать, речь ведь идет не только о вас, но и о других людях, о судьбе всего дела.

Я признался ему, что ничего из его слов не понял.

— Ну, ну! — продолжил он, все больше кипятясь. — Вы созываете Съезд крестьян и рабочих. Этот Съезд будет иметь огромное значение. Но ведете вы себя как большие дети! Что же вы делаете по своей невообразимой наивности? Посылаете повсюду бумажки с извещением, что Съезд «состоится». И все. Поразительное безумие! Ни разъяснений, ни пропаганды, ни предвыборной кампании, ни списка кандидатов, ничего, ничего! Умоляю вас, товарищ В..., раскройте глаза! В вашем положении надо хоть немного быть реалистом! Срочно сделайте что-нибудь, пока есть время. Пошлите агитаторов, предложите ваших кандидатов. Дайте и нам время провести кампанию. Ибо что вы скажете, если население — в основном, крестьяне — пришлет реакционных делегатов, которые потребуют созыва Учредилки или даже восстановления самодержавия? Потому что контрреволюционеры постоянно обрабатывают народ! А если большинство Съезда окажется контрреволюционным и будет его саботировать? Действуйте же, пока не стало слишком поздно! Отложите Съезд на короткое время и примите меры.

Я понял.

Член политической партии, Любим не мог рассуждать иначе.

— Послушайте, Любим, — сказал я, — если в нынешних условиях, в разгар народной революции и после всего, что произошло, трудящиеся массы пошлют на *свой свободный Съезд контрреволюционеров и монархистов*, тогда — понимаете? — тогда все дело моей жизни окажется глубочайшей ошибкой. Это будет крахом всего. И мне останется только одно: пустить себе пулю в лоб вот из этого револьвера, который лежит на моем столе.

— Я же серьезно говорю, — прервал он меня, — а вы бравируете...

— Уверяю вас, товарищ Любим, что и я говорю совершенно серьезно. Мы будем действовать по-прежнему. Если Съезд окажется контрреволюционным, я покончу с собой. Я не смогу пережить такого ужасного разочарования, Любим... И потом, учитывайте главное: это не я

созываю Съезд, не я решаю, как он будет организован. Решение принимали все товарищи. Я ничего не могу изменить.

— Да, знаю. Но вы пользуетесь большим влиянием. Вы можете предложить. Вас послушают...

— Я ничего не хочу предлагать, Любим, потому что согласен с общим решением!..

Разговор окончился. Безутешный Любим удалился.

20 октября 1919 года более 200 делегатов — крестьян и рабочих — собрались в большом зале на Съезд.

Рядом с делегатами несколько мест было выделено для представителей правых социалистических партий — эсеров и меньшевиков — и левых эсеров. Все они участвовали в Съезде с совещательным голосом.

Среди левых эсеров я заметил товарища Любима.

В первый день меня поразили холодок и даже явное недоверие со стороны подавляющего большинства делегатов. Мы поняли, что они считают этот Съезд таким же, как все остальные. Они ожидали увидеть на возвышении людей с маузерами, которые заставят делегатов проголосовать за составленные заранее резолюции.

Зал застыл. И понадобилось некоторое время, чтобы он оттаял.

Мне было поручено открыть Съезд, и я дал делегатам соответствующие разъяснения и сообщил, что сначала им предстоит избрать Бюро, а затем обсудить повестку дня, предложенную махновцами.

И тут произошел первый инцидент.

Делегаты выразили пожелание, чтобы я председательствовал на Съезде. Я посоветовался с товарищами и согласился. Но объявил делегатам, что моя роль ограничится исключительно техническим ведением Съезда, то есть соблюдением повестки дня, составлением списка выступающих, предоставлением им слова, наблюдением за ходом заседаний и т. д., а делегаты должны выступать и принимать решения совершенно свободно, не опасаясь никакого давления и маневров с моей стороны.

Тогда слова попросил один правый эсер. Он набросился с нападками на организаторов Съезда:

— Товарищи делегаты, — сказал он, — мы, социалисты, должны предупредить вас, что здесь разыгрывается гнусная комедия. Сказали, что вам ничего не будут навязывать; а тем временем очень ловко навязали председателя-анархиста. Эти люди будут и дальше вами управлять.

Махно, пришедший несколько минут назад, чтобы пожелать Съезду успешной работы и извиниться за то, что вынужден отправиться на фронт, взял слово и сурово ответил выступавшему социалисту. Он напомнил делегатам, что они избирались совершенно свободно; обвинил социалистов в том, что они неизменно защищают буржуазию, посоветовал их представителям не мешать **работе Съезда своими политическими выступлениями и завершил свою речь, обратившись к ним:**

— Вы не делегаты. Так что если Съезд вам не нравится, можете его покинуть.

Никто не возразил. Тогда социалисты — пять или шесть человек — желая выразить решительный протест такому «выдворению», демонстративно покинули зал[130].

Никто не пожалел об их уходе. Напротив, аудитория, как мне показалось, была этим довольна и немного «сплотилась».

С места встал какой-то делегат.

— Товарищи, — сказал он, — прежде чем перейти к повестке дня, я хочу предложить вам вопрос, который, на мой взгляд, имеет огромную важность. Только что здесь было произнесено слово *буржуазия*. Естественно, против «буржуазии» метали громы и молнии, как если бы знали, что это на самом деле такое, и все с этим согласились. Но мне кажется, это большая ошибка. Слово «буржуазия» совершенно непонятно. И я считаю, что по причине важности этого вопроса прежде, чем приступить к работе, нам следовало бы уточнить понятие буржуазии и определить, что мы о ней думаем.

Несмотря на ловкость оратора — я сразу понял, что, хотя и одетый простым крестьянином, он таковым не являлся, — его выступление ясно показало, что перед нами защитник буржуазии, в намерения которого входит «прозондировать» Съезд и внести смуту в его работу, а также, по возможности, в настрой делегатов. Он, несомненно, рассчитывал, что многие из присутствующих — сознательно или по наивности — его поддержат.

Если бы его план удался, Съезд грозил бы принять странный и комичный оборот, и нормальный ход работы был бы нарушен.

Момент был тревожный. В мои задачи не входило, как я сам только что объяснил делегатам, навязывать свою волю, и я не имел права под каким-нибудь удобным предлогом снять злополучное предложение делегата. Съезд — остальные делегаты — должны были высказываться совершенно свободно. Мы пока не имели ни малейшего представления об их настроениях. Это были люди неизвестные и явно нам не доверяющие. Решив предоставить делу идти своим чередом, я задавался вопросом, что из этого выйдет. И вспоминал слова Любима.

Все эти мысли мгновенно промелькнули в моей голове. Делегат закончил свое выступление и сел. Зал — я ясно увидел это — слегка оторопел. Затем одновременно — как будто заранее сговорившись — делегаты закричали со всех сторон:

— Эй, там! Что за птица этот делегат? Откуда он? Кто его прислал? Если он до сих пор не знает, что такое буржуазия, значит, кто-то пошутил, прислав такого делегата! Скажи-ка,

мил человек, ты так и не понял, что значит *буржуазия*? Да, старина, дубовая у тебя голова! Ну, раз ты не знаешь, что значит буржуазия, возвращайся-ка обратно и узнай. Или помолчи уж и не выставляй нас дураками.

— Товарищи, — крикнули несколько делегатов, — вы согласны, что надо положить конец всем попыткам помешать работе нашего Съезда? У нас много дел, и нечего тут мудрить. Надо решить конкретные, важные для района вопросы. Вот уже битый час мы топчемся на месте и валяем дурака вместо того, чтобы работать. Это уже похоже на саботаж. За дело! Хватить дурить!

— Да, да! Хватить ломать комедию! За дело! — закричали со всех сторон.

Пробуржуазный делегат проглотил все это, не сказав ни слова. (Он так и промолчал весь Съезд, который продлился почти неделю. И всю неделю держался в стороне от остальных делегатов.)

В то время как делегаты бранили своего незадачливого коллегу, я взглянул на Любима. Он показался мне удивленным, но довольным.

Однако инциденты на этом не завершились.

Едва гроза миновала, не кто иной, как Любим поднялся на возвышение.

Я дал ему слово.

— Товарищи, — начал он, — простите, что вмешиваюсь. Но мое выступление будет кратким. Я говорю от имени местного комитета Партии левых социалистов-революционеров. На этот раз речь идет о деле действительно важном. Судя по тому, что заявил наш председатель, товарищ В..., он не может *эффективно* вести заседания. И правда, вы же понимаете, на самом деле он ведет себя не как председатель Съезда. Товарищи, мы, левые эсеры, считаем, что это совершенно неправильно. Это означает, что ваш Съезд, так сказать, *не будет иметь головы*. Он должен будет работать без головы, то есть без руководства. А вы видели, товарищи, живой организм без головы? Нет, товарищи, это невозможно, это будет беспорядок, хаос. Впрочем, вы же видите — порядка уже и так нет. Такая работа не принесет ни пользы, ни результатов, и сомневаться нечего. Съезду нужна *голова*, товарищи! Вам необходим настоящий председатель, настоящая голова.

Хотя Любим произнес свою диатрибу тоном скорее трагическим и жалобным, его выступление с постоянным повторением слова «голова» вызвало смех. Но поскольку я не знал, поддержат ли мою манеру вести Съезд, я спросил делегатов, согласны ли они по существу с мыслью Любима.

— Ох, нет! — слышалось со всех сторон. — Довольно с нас этих голов! Все головы и головы. Хватит! Попробуем хоть раз без них обойтись. Попробуем работать свободно. Товарищ В... объяснил нам, что поможет Съезду технически. И этого уже достаточно! А наше дело соблюдать дисциплину, хорошо работать и быть начеку. Не нужны нам эти «головы», которые управляют нами как куклами и называют это «работой и дисциплиной».

Товарищу Любиму осталось только сесть на место.

Это был последний инцидент. Я зачитал повестку дня, и Съезд начал работу.

П. Аршинов совершенно справедливо утверждал, что по дисциплине, порядку в работе, необычайному воодушевлению, охватившему всех делегатов, по серьезному и сосредоточенному настрою, по важности решений и достигнутых результатов этот Съезд не знал себе равных.

Работа шла согласованно и в полном порядке, с замечательным пылом, единодушием и в товарищеской атмосфере. На третий день последний «холодок» исчез. Делегаты глубоко прониклись предоставленной им свободой и важностью стоявшей перед ними задачи. И целиком посвятили себя ее решению. Они убедились, что работают *самостоятельно ради своего дела*.

Не было ни длинных речей, ни трескучих резолюций. Работа носила практический, конкретный характер.

Когда речь заходила о сложной проблеме, требующей общих пояснений, или когда делегаты сами требовали разъяснений, прежде чем перейти к делу, они просили предоставить им содержательный доклад по теме. Кто-нибудь из наших — я или другой сведущий товарищ — выступал с отчетом. После недолгой дискуссии делегаты переходили к принятию окончательного решения. Обыкновенно, согласившись с основными принципами, они создавали комиссию, которая после тщательной разработки предлагала практическое решение, а не громоздила гладкие резолюции.

Некоторые, исключительно практические и сиюминутные, но представлявшие важность для жизни района или для защиты его свободы вопросы ожесточенно обсуждались и детально прорабатывались комиссиями и делегатами.

В качестве «технического председателя», как меня называли, я лишь наблюдал за порядком обсуждения вопросов, оглашением результатов работы, советовал выбрать тот или иной метод решения задач.

Самое главное, что Съезд действовал на основе принципов полной свободы. Не ощущалось никакого влияния сверху, никакого принуждения.

Идея свободных Советов, реально работающих на благо трудового народа; прямые связи между крестьянами и городскими рабочими, основанные на взаимном обмене продуктами труда; представления о свободном и равноправном общественном устройстве в городе и на селе: все эти вопросы серьезно рассматривались самими делегатами с помощью и при бескорыстном содействии образованных товарищей.

В числе прочих Съезд решил ряд проблем Повстанческой армии, ее организации и усиления.

Было решено, что все мужское население до 48 лет включительно будет служить в этой армии. В соответствии с духом Съезда, мобилизация должна быть *добровольной, но по*

возможности всеобщей и массовой, учитывая крайне опасное и нестабильное положение в районе.

Съезд также постановил, что снабжение армии будет осуществляться добровольно самими крестьянами — их вклад прибавится к военным трофеям и реквизициям богачей. Был детально установлен конкретный размер вклада в зависимости от достатка каждой семьи.

Что же касается чисто «политических» вопросов, Съезд постановил, что трудящиеся будут повсюду обходиться без какой бы то ни было «власти», организуют свою хозяйственную, административную, общественную жизнь самостоятельно, своими силами и средствами через собственные низовые организации на федералистской основе^[131].

«Последние дни съезд принял характер красивой поэмы. Деловые резолюции чередовались с энтузиазмом настроения. Все были одухотворены верой в свои силы, в мощь революции... Настоящая свобода, какую немногим приходилось чувствовать, реяла в зале съезда. Каждый видел перед собою и сознавал действительно великое дело, на которое стоит отдать силы и за которое не жаль умереть. Крестьяне, среди которых много было пожилых и стариков, говорили, что это — первый съезд, где они чувствуют себя не только свободными, но и братьями в отношении друг к другу, и что они никогда не забудут его. Да и вряд ли кто из участников забудет его. У многих, если не у всех, съезд этот остался в памяти как красивая греза жизни, когда великая свобода сблизила людей, дала им возможность жить одним сердцем, одной любовью.

[...]

Разъезжаясь, крестьяне усиленно подчеркивали необходимость и важность выполнить постановления съезда. Резолюции последнего были взяты разъезжавшими делегатами и распространены по селам и деревням. Несомненно, через три-четыре недели сказались бы на местах реальные результаты съезда, а следующий съезд крестьян и рабочих привлек бы к работе большие массы трудящихся. Но свободу последних вечно сторожит их злой враг — власть. Не успели делегаты съезда разъехаться по своим местам, как многие из этих мест были заняты деникинцами, в большом количестве переброшенными с северного фронта. Правда, захват этот был кратковременным, представлявшим собой последние судороги врага, но он в самый дорогой момент приостановил творческую работу крестьян на местах. А ввиду того, что с севера уже надвигалась другая власть — большевизм, также непримиримо относившийся к свободе масс, — этот захват принес громадный вред делу трудящихся: после первого районного съезда не только не удалось созвать следующие съезды, но не пришлось проводить в жизнь даже постановлений первого съезда».^[132]

Не могу обойти молчанием некоторые эпизоды, отметившие последний день Съезда.

В самом конце работы, за несколько минут до закрытия, когда я объявил классическое «Разное», несколько делегатов достойно выполнили деликатную задачу, лишний раз подтвердив полную независимость Съезда, вызванный им энтузиазм и нравственное влияние, которое он обрел за время своей работы.

Поднялся один делегат.

— Товарищи, — сказал он, — прежде чем закончить нашу работу и расстаться, несколько делегатов решили сообщить Съезду о печальных и достойных сожаления фактах, на которые, как мы считаем, вам следует обратить внимание. До нас дошли слухи, что о раненых и больных повстанцах очень плохо заботятся, не хватает лекарств и т. д. Чтобы во всем убедиться самим, мы посетили госпиталя и другие места, где разместили этих несчастных. Товарищи, то, что мы видели, печально. Больные и раненые не только лишены всякого медицинского ухода, но их даже по-человечески не разместили и не накормили. Большинство из них лежит где попало, даже на земле, без матрасов, подушек, одеял... Кажется, в городе не нашлось даже достаточно соломы, чтобы положить ее на жесткую землю. Многие из этих несчастных умирают только из-за того, что им не оказывают медицинской помощи. Никто ими не занимается. Мы прекрасно понимаем, что в нынешних трудных обстоятельствах у штаба нашей армии нет времени проследить за этим. Товарищ Махно также поглощен происходящим на фронте. Тем более, товарищи, этим должен озаботиться Съезд. Эти больные и раненые — наши товарищи, братья, сыновья. Они страдают за наше общее дело. Уверен, что если мы проявим немного доброй воли, то найдем хотя бы солому, чтобы подстелить ее и облегчить их страдания. Товарищи, я предлагаю Съезду немедленно создать комиссию, которая энергично займется этим делом и сделает все, что в ее власти, чтобы организовать медицинскую службу. Она должна также обратиться за помощью ко всем городским врачам и аптекарям. И найти добровольных сиделок.

Предложение не только было единогласно одобрено Съездом, но полтора десятка его делегатов вызвались тут же на заседании создать комиссию и энергично взялись за дело. Эти люди, которые через день или два должны были вернуться домой, не колеблясь, пожертвовали собственными интересами и отложили свой отъезд, чтобы помочь несчастным товарищам. Причем несмотря на то, что у них было с собой очень мало провизии и их ждали дома неотложные дела.

Добавим, что они еще несколько дней пробыли в Александровске и успешно справились со своей задачей. Достали солому и быстро, подручными средствами, организовали медицинские службы.

Поднялся другой делегат.

— Товарищи, — сказал он, — должен сообщить вам о другом, не менее важном деле. Нам стало известно о некоторых разногласиях между гражданским населением и службами Повстанческой армии. В частности, нам сообщили, что в армии есть служба контрразведки, которая бесконтрольно допускает акты произвола — иногда очень тяжкие — вроде большевистской ЧК: обыски, аресты, даже пытки и казни. Не знаем, правдивы ли эти слухи. Но жалобы, которые мы слышали, представляются серьезными. Для нашей армии было бы бесчестно и губительно пойти по такому пути. Это может поставить под большую угрозу все наше дело. Мы не хотим вмешиваться в чисто военные вопросы. Но видим свой долг в том, чтобы бороться со злоупотреблениями и перегибами, если они на самом деле имеют место. Потому что такие перегибы настраивают население против нашего движения. И Съезд,

пользующийся уважением и доверием всего населения, должен провести тщательное расследование по этому поводу, установить истину, принять меры, если надо, и успокоить людей. Это наш Съезд, живой выразитель интересов трудового народа, является сейчас верховным учреждением в районе. Он превыше всего, так как представляет сам трудовой народ. Так что я предлагаю Съезду немедленно создать комиссию, чтобы разобраться в этой истории и поступить соответствующим образом.

Тотчас же несколько делегатов создали такую комиссию.

Отметим, что при большевистском режиме подобная инициатива делегатов трудового народа была бы невозможной, и вся деятельность Съезда показывает, каким образом с самого начала должно функционировать новое общество, если оно действительно хочет развиваться.

Добавим, что последующие события не дали этой комиссии возможности довести свою работу до конца. Этому помешали непрерывные бои, передвижения армии, новые, требующие немедленного решения задачи. Впрочем, ниже мы вернемся к этой теме.

Поднялся третий делегат.

— Товарищи! Поскольку сейчас Съезд обсуждает разные недостатки, позвольте мне сообщить вам еще об одном неприятном факте. Он не столь важен, но все же заслуживает нашего внимания. Товарищи, все вы, конечно, читали обращение, расклеенное несколько дней назад по стенам нашего города и подписанное товарищем Клейном, военным комендантом Александровска. В этом обращении товарищ Клейн предлагает населению не злоупотреблять спиртными напитками и, главное, не показываться на улице в непотребном виде. Все это очень хорошо и правильно. По форме обращение не грубое и не оскорбительное, в нем нет угроз и принуждения, и за это можно только поздравить товарища Клейна. Только вот в чем дело, товарищи: не ранее как позавчера прямо здесь, в доме, где заседает наш Съезд, в соседнем зале состоялась вечеринка с музыкой, танцами и другими развлечениями; на нее пришло немало повстанцев, граждан и гражданок. Хочу сказать вам, что до сих пор в этом не видели ничего предосудительного. Молодежь развлекается, отдыхает. Это по-человечески совершенно естественно. Но вот что, товарищи: на этой вечеринке слишком много пили. Многие повстанцы и граждане сильно напились. Чтобы представить себе это, посмотрите только на количество пустых бутылок, выставленных в соседнем коридоре. (Хохот.) Прошу внимания, товарищи! Основным предмет моего выступления — не это. Люди развлекались, пили и даже напивались. Ладно! Это не так серьезно. Важно то, что в числе тех, кто напился как свинья, был... наш товарищ Клейн, один из командующих армией, военный комендант города, который подписал такой замечательный призыв против пьянства! Товарищи, он был настолько пьян, что не мог сам идти, и его пришлось погрузить в телегу и отвезти до дома, уже ранним утром. И всю дорогу он буянил, орал, сопротивлялся и т. д. Итак, товарищи, встает вопрос: когда товарищ Клейн сочинял и подписывал свое обращение, он что, чувствовал себя выше других граждан, думал, что ему можно то, что непозволительно другим? Или же он, наоборот, первым должен подавать хороший пример? Я считаю, он допустил серьезную ошибку, которую нельзя оставить без последствий.

Хотя проступок Клейна был, по сути, довольно безобидным, и делегаты восприняли его с юмором, они проявили некоторую обеспокоенность. Поведение Клейна вызвало всеобщее возмущение, потому что могло свидетельствовать о вредных умонастроениях: «начальник» выше «толпы», и ему все позволено.

— Надо немедленно вызвать сюда Клейна! — предложил кто-то.

— Пусть он объяснится перед Съездом!

Тут же к Клейну с поручением привести его на Съезд отправились три или четыре делегата.

Через полчаса они возвратились вместе с Клейном.

Мне было очень любопытно, как он себя поведет.

Клейн считался одним из лучших командующих Повстанческой армией. Молодой, храбрый, очень энергичный и боевой — внешне высокий, хорошо сложенный, с удлиненным лицом и военной выправкой, — в бою он всегда бросался в самое пекло, никого и ничего не боялся. Не раз был ранен. Уважаемый и любимый не только командирами, но и простыми бойцами, он был один из тех, кто отошел от большевиков и вступил в армию Махно с несколькими полками красноармейцев.

Выходец из крестьян, если мне не изменяет память, немец по происхождению, он был человеком совершенно неотесанным.

Он знал, что в любых обстоятельствах его поддержат и будут защищать его коллеги — другие командиры — и сам Махно.

Обладал ли он достаточной сознательностью, чтобы понять: Съезд делегатов трудового народа стоит выше него, выше армии, выше Махно? Что Съезд трудящихся является высшим органом, перед которым несут ответственность все? Понимал ли, что трудящиеся и их Съезд — хозяева, а армия, Махно и остальные — всего лишь служат общему делу и в любой момент подотчетны трудовому народу и его организациям?

Такими вопросами я задавался, пока Съезд ожидал возвращения своих посланцев.

Подобное понимание вещей было явлением совершенно нового порядка. Большевики сделали все возможное, чтобы не допустить его в массах. Разве можно представить, например, съезд рабочих, призывающий к ответу комиссара или командующего армией! Это само по себе немыслимо и невероятно. Но если все же допустить, что где-нибудь съезд рабочих осмелился бы так поступить, с каким негодованием, с какой беззастенчивостью этот комиссар или командир набросился бы на съезд, поигрывая на трибуне оружием и бравлируя своими заслугами! «Как! — воскликнул бы он. — Вы, жалкая кучка рабочих, настолько обнаглели, что требуете отчета у комиссара, у заслуженного командира, за плечами которого немало подвигов и боевых ранений? У уважаемого, орденоносного руководителя? Права не имеете! Я отвечаю только перед вышестоящим начальством. Если вам есть в чем меня упрекнуть, к нему и обращайтесь!»

Рабочие, повинуйтесь начальству!.. *Сталин всегда прав!*

Не захочется ли Клейну сказать то же самое? Искренне и глубоко ли он проникнут новыми идеями, осознает ли новую ситуацию?

В аккуратной униформе, вооруженный, Клейн поднялся на возвышение. Он выглядел немного удивленным и, как мне показалось, смущенным.

— Товарищ Клейн, — обратился к нему делегат, поставивший вопрос, — это вы военный комендант нашего города?

— Да.

— Это вы написали и приказали расклеить по городу обращение против злоупотребления спиртными напитками и пьянства в общественных местах?

— Да, товарищ. Это я.

— Скажите, товарищ Клейн: как гражданин нашего города и, тем более, его военный комендант, считаете ли вы своим нравственным долгом следовать собственным рекомендациям или думаете, что к вам это не относится?

Не скрывая смущения. Клейн подошел к краю возвышения и очень искренне, срывающимся голосом, сказал:

— Товарищи делегаты, я был не прав, знаю. Это была моя ошибка — напиться до такого ужасного состояния. Но выслушайте меня и поймите. Я военный, боец, солдат! А не бюрократ. Не знаю, почему меня поставили комендантом города, несмотря на мои протесты. Как коменданту мне совершенно нечего делать, только сидеть весь день за столом и подписывать бумажки. Такое дело не для меня! Мне нужно действие, воздух, фронт, боевые друзья. Товарищи, для меня здесь тоска смертная. И поэтому я тогда вечером и напился. Товарищи, мне хотелось бы искупить свою ошибку. Постановите, чтобы меня отправили на фронт. Там я смог бы действительно принести пользу. А здесь, на этом проклятом посту коменданта, я вам ничего обещать не могу. Не умею я. Это выше меня. Найдите другого на мое место, способного делать такую работу. Простите, товарищи, и пошлите меня на фронт.

Делегаты попросили его выйти на несколько минут. Он повиновался.

Начали обсуждать его дело. Было совершенно ясно, что в основе его поведения лежали вовсе не командирские гордость и тщеславие. Это главное, что требовалось знать. Съезд прекрасно понимал его искренность и причины его поведения. Его вызвали снова и сказали, что Съезд учел его объяснения, не считает его проступок серьезным и сделает все необходимое, чтобы отправить его на фронт.

Он поблагодарил делегатов и ушел так же просто, как и пришел. Делегаты попросили за него, и через несколько дней он возвратился на фронт.

Некоторым читателям эти эпизоды могут показаться незначительными и не заслуживающими особого внимания. Но позволю себе заметить, что с революционной точки зрения я считаю их бесконечно более важными, показательными, полезными, чем все речи Ленина, Троцкого и Сталина, произнесенные до, во время и после Революции.

Инцидент с Клейном оказался последним. Несколько минут спустя Съезд завершил свою работу.

Но здесь мне хотелось бы рассказать еще об одном эпизоде, личного характера, произошедшем уже после Съезда.

Выйдя на улицу, я увидел радостно улыбавшегося Любима.

— Вы не можете себе представить, — сказал он мне, — как я доволен. Вы, конечно, заметили, что я был очень занят во время Съезда. А знаете, чем? Я занимаюсь созданием групп разведчиков и специальных отрядов. Вопрос о них как раз стоял в повестке дня. И вот два дня я работал в комиссии делегатов, которой было поручено его изучить и предложить решение. Я неплохо помог им. Они меня потом благодарили. И мне действительно удалось сделать что-то хорошее и нужное. Знаю, что это послужит делу. Я очень доволен...

— Любим, — попросил я, — скажите мне, только честно: когда вы делали эту хорошую и нужную работу, вы хоть раз подумали о своей *политической роли*? Вспомнили о том, что состоите в «политической партии»? Об ответственности перед «партией» и т. д.? Разве ваша полезная работа не была аполитичной, конкретной работой в сотрудничестве с остальными, а не приказаниями «головы», «руководства», которое всем управляет?

Любим задумчиво посмотрел на меня.

— Во всяком случае, — произнес он, — Съезд прошел очень хорошо, очень удачно, это я готов признать...

— Вот так, Любим, — закончил я. — Подумайте над этим. Вы действительно сыграли свою роль и проделали хорошую работу, причем именно тогда, когда оставили в стороне ваши «политические обязанности» и просто помогли своим коллегам как знающий дело товарищ. Поверьте, именно в этом секрет успеха Съезда. И секрет успеха всей революции. Только так революционеры должны действовать повсюду, как на местах, так и в более широких масштабах. Когда революционеры и народные массы это поймут, победа Революции станет неизбежной.

Я больше никогда не встречал Любима. Его дальнейшая судьба мне неизвестна. Если он жив, не знаю, каковы теперь его взгляды. Но мне хотелось бы, чтобы он прочитал эти строки... И вспомнил...

Несколько дней спустя после окончания Александровского Съезда махновцы окончательно овладели Екатеринославом. Но в этом городе нельзя было организовать — и даже попытаться сделать это — ничего позитивного. Вытесненные из города войска Деникина сумели окопаться поблизости, на левом берегу Днепра. Несмотря на все усилия, махновцам

не удалось выбить их оттуда. Ежедневно в течение месяца деникинцы обстреливали город из батарей своих многочисленных бронепоездов. Каждый раз, когда Комиссии Повстанческой армии по культуре удавалось созвать городское рабочее совещание, белые, прекрасно осведомленные, усиливали обстрел, посылая снаряды в основном в то место, где должны были собраться люди. Никакая серьезная работа, никакая методическая организация в таких условиях не была возможна. Нам с трудом удалось лишь провести несколько митингов в центре города и на окраинах.

«Один из любимых аргументов большевиков против махновцев тот, то последние во время своего пребывания в Екатеринославе ничего творческого в жизнь этого города не внесли. Но при этом большевики скрывают от масс два чрезвычайно важных обстоятельства. Во-первых, махновцы — не партия и не власть. В Екатеринославе они были в качестве военного революционного отряда, оберегавшего свободу города. Как таковые, они *не должны* брать на себя обязанность выполнять созидательную программу революции. Это дело местных рабочих масс. В этом деле махновская армия могла, самое большее, помогать им словом, советом, инициативой, что она и делала.

Во-вторых, большевики скрывают от масс правду о том, что в течение всего времени пребывания махновцев в Екатеринославе город находился в особенном — осадном положении. Не было часа, когда бы над ним не рвались снаряды. Это помешало рабочим, а не махновской армии, приступить тогда же к организации жизни на началах самоуправления.

Что же касается той выдумки, будто махновцы заявляли приходившим к **ним за средствами железнодорожникам, что им — махновцам — железные дороги не нужны, ибо у них есть кони и степи, то эта пустая выдумка была впервые пущена деникинскими газетами в октябре 1919 г., а оттуда большевики целиком перенесли ее к себе, для собственного обихода**»[133].

Эта басня прибавилась к другим клеветническим вымыслам, которые большевики распространяли с целью скомпрометировать махновское движение в глазах народных масс.

Эпидемия. Уход из Екатеринослава. Возвращение большевиков на Украину. Их очередной конфликт с махновцами.

С ноября Повстанческая армия страдала от ужасной эпидемии сыпного тифа, охватившей всю Россию. Заболела *половина* повстанцев, и уровень смертности был очень высок. Это стало основной причиной, по которой махновцы были вынуждены оставить Екатеринослав, когда в конце ноября город атаковали основные силы Деникина, отступавшие в сторону Крыма и по пятам преследуемые большевиками.

Оставив Екатеринослав, силы махновцев перегруппировались в районе городов Мелитополя, Никополя и Александровска.

В последнем в конце декабря 1919 года состоялась встреча махновского штаба и командования нескольких красноармейских дивизий, преследовавших Деникина[134].

Махновцы уже давно ожидали этого события. Рассчитывая в сложившейся ситуации не на конфликт, а на товарищество, они не приняли никаких мер предосторожности.

Встреча прошла в той же обстановке, что и многие предыдущие — на вид дружеской и даже сердечной; но на ней все-таки следовало ожидать сюрпризов и неприятностей. Несомненно, большевики не забыли, какой удар нанесли им некоторые отряды, покинув их ряды и перейдя к махновцам. Точно также они не стали бы долгое время мириться с существованием независимой армии и движения, свободного района, не признававшего их власти. Рано или поздно должны были начаться конфликты. И при первом же удобном случае большевики не замедлили перейти в наступление. Махновцы, более или менее отдавая себе отчет в сложившейся ситуации, не могли избавиться от недоверия, хотя и были готовы разрешать все возможные разногласия мирным путем и по-товарищески.

Однако солдаты обеих армий братски приветствовали друг друга. Состоялся общий митинг, на котором бойцы заявили, что будут вместе бороться против общего врага — капитализма и контрреволюции. Несколько частей Красной Армии даже выразили намерение перейти к махновцам.

А восемь дней спустя разразилась гроза.

«Командующий Повстанческой армии» — Махно — получил от реввоенсовета XIV корпуса Красной Армии приказ перебросить Повстанческую армию на польский фронт[135].

Все сразу же поняли, что шаг этот по сути является враждебным по отношению к махновцам. Действительно, приказ отправиться на польский фронт по ряду причин был совершенно бессмысленным. Прежде всего, **Повстанческая армия не подчинялась ни XIV армейскому корпусу, ни иному красному командованию. Последнее не могло отдавать приказы Повстанческой армии, которая в одиночку вела борьбу против реакции на Украине[136].** И даже если такое перемещение планировалось без всякой задней мысли, оно было физически невозможно, поскольку все командиры, половина штаба и сам Махно болели. Наконец, боеспособность Повстанческой армии и ее польза для дела Революции были неизмеримо выше на Украине, чем на польском фронте, где, оказавшись в незнакомой обстановке, повстанцы были бы вынуждены сражаться неизвестно за что.

В таком духе махновцы и ответили красному командованию, решительно отказавшись выполнять его приказ.

Но обе стороны прекрасно понимали, что как предложение, как и ответ относились к области «чистой дипломатии». Все знали, о чем речь шла на самом деле[137].

Отправить Повстанческую армию на польских фронт означало сломать становой хребет революционного движения. К этому-то и стремились большевики. Они хотели стать абсолютными хозяевами района. Если бы Повстанческая армия подчинилась, они бы достигли своей цели. В случае отказа они готовились к действиям, которые должны были привести к тому же результату. Махновцы знали это. И собирались отразить удар. Все остальное являлось лишь «словами».

Реакция на отказ не заставила себя ждать. Но махновцы упредили большевиков, что позволило избежать кровопролития. Посылая свой ответ красному командованию, они одновременно обратились с призывом к красноармейцам не поддаваться на провокационные маневры своих командиров. После этого они снялись с места и пошли маршем на Гуляй-Поле, только что оставленное белыми и не подчинявшееся никаким властям. Никто им не препятствовал. В тот момент Красная Армия не повернула оружие против **повстанцев. Только несколько незначительных отрядов и отдельных лиц, шедших в арьергарде, были захвачены в плен большевиками**[138].

Две недели спустя, в середине января 1920 года, большевики объявили Махно и бойцов его армии вне закона за отказ отправиться на польский фронт[139].

Начался третий акт драмы, который продлился девять месяцев.

Он прошел под знаком ожесточенной борьбы махновцев и «коммунистических» властей. Мы не будем подробно рассматривать все его перипетии. Скажем лишь, что с обеих сторон борьба велась беспощадная. Чтобы избежать возможного братания красноармейцев и махновцев, большевистское командование бросило против последних дивизию латышских стрелков и отряды китайцев, то есть части, контингент которых совершенно не понимал подлинного смысла русской Революции и слепо подчинялся приказам командующих.

Большевики действовали с невиданным коварством и жестокостью.

Хотя войска Красной Армии численно на порядок превосходили махновцев, последние очень ловко маневрировали и пользовались реальной поддержкой населения, что делало их практически неуязвимыми. Впрочем, большевистское командование умышленно избегало открытой войны с Махно и его армией. Оно предпочитало действовать иначе.

Опираясь на данные разведки, Красная Армия определяла населенные пункты, где силы махновцев были слабы и незначительны. Большевистские отряды нападали на эти беззащитные села и занимали их почти без боя. Таким образом, большевикам удалось закрепиться в ряде мест и воспрепятствовать дальнейшему обустройству новой жизни в районе, начатому в 1919 году.

Везде, где устанавливали власть большевики, они вели «войну», но не с Повстанческой Армией, а с крестьянским населением. Повсюду начинались производиться массовые аресты и казни. Деникинские репрессии бледнели перед большевистскими.

Говоря о борьбе с повстанцами, большевистская печать того времени обычно приводила данные о взятых в плен и расстрелянных махновцах. Но она умалчивала о том, что речь почти всегда шла не о вооруженных повстанцах, участвовавших в боевых действиях, а о простых сельских жителях, уличенных или даже заподозренных в симпатиях к махновцам.

Вступление красноармейцев в село означало немедленный арест многих крестьян, большинство из которых затем расстреливали либо как повстанцев-махновцев, либо как «заложников».

Гуляй-Поле несколько раз переходило из рук в руки. Естественно, больше всего оно пострадало от неоднократных нападений большевиков. Тот, кто выжил, смог бы привести немало примеров жестоких репрессий, проводимых большевиками.

Отметим, что в это время тяжело больной Махно не раз мог попасть в руки преследовавшего его врага. Своим спасением и выздоровлением он обязан беззаветной преданности крестьян, которые зачастую жертвовали собой ради того, чтобы больного могли перевезти в более безопасное место.

По самым скромным подсчетам, в это время советскими властями на Украине было убито и тяжело ранено более 200 тысяч рабочих и крестьян. Почти столько же было заключено в тюрьмы или сослано в Сибирь и другие места.

Разумеется, махновцы не могли спокойно взирать на столь чудовищное извращение Революции. На террор большевиков они отвечали с не меньшей суровостью, используя против них партизанские методы, выработанные еще во время борьбы против гетмана Скоропадского.

Когда махновцы — в бою или застигнув врасплох — захватывали в плен много красноармейцев, они разоружали и отпускали на свободу рядовых, зная, что их отправили воевать под принуждением. Тех из них, кто хотел вступить в Повстанческую армию, принимали как товарищей. Но командиров, комиссаров и коммунистов обыкновенно зарубали шашками, если только рядовые красноармейцы не просили помиловать их. Не будем забывать, что всемахновцы, попадавшие в плен к большевикам, расстреливались на месте.

Советские власти и их агенты не раз выставляли махновцев грубыми и безжалостными убийцами, бандитами без стыда и совести. Их газеты печатали длинные списки красноармейцев и коммунистов, павших от рук «преступников». Но всегда замалчивали тот факт, что все они пали в боях, развязанных самими большевиками.

На самом деле нельзя не восхищаться тактом, деликатностью, спонтанной дисциплиной и честью революционеров, которые махновцы проявляли по отношению к рядовым красноармейцам.

Но красных командиров и «аристократию» коммунистической партии махновцы с полным основанием рассматривали как единственных ответственных за все зло и ошибки, совершенные в стране «советской» Властью. Эти люди сознательно лишали трудящихся свободы и превратили восставший район в зияющую рану, из которой сочилась народная кровь. Вот почему по отношению к ним повстанцы не знали никакой пощады; *начальников* убивали сразу же после взятия в плен.

Большое беспокойство доставляло большевистскому правительству то, что **Махно был жив и оставался на свободе. Большевики считали, что смерть Махно будет означать конец движения. В течение всего лета 1920 года они постоянно организовывали на него покушения, но ни одно из них не увенчалось успехом**[140]. На эту тему существует обширная документация. Но мы не будем задерживаться на этом «личностном»

аспекте движения.

«Весь 1920 год, а также и последующие советская власть воевала с махновщиной под знаком борьбы с бандитизмом. Она развила усиленную агитацию, поставив всю свою прессу и прочие органы пропаганды на служение этому своему измышлению. В то же время она обрушила на движение многочисленные стрелковые и кавалерийские дивизии, прилагая все усилия к тому, чтобы разгромить движение и действительно спихнуть его в пропасть бандитизма. Пленных махновцев беспощадно расстреливали, их родственников — отцов, матерей и жен — истязали и нередко казнили, имущество неизменно грабили, дома разрушали и т. д. Все это делалось в массовом размере. Нужна была сверхчеловеческая воля, героические усилия, чтобы при наличии таких ужасов со стороны власти широкая повстанческая масса удержалась на строго революционных позициях и в ожесточении не спустилась в пропасть действительного бандитизма. Однако эта масса ни на один день не потеряла мужества и ни на одну минуту не опустила революционного знамени. Для тех, кто наблюдал ее в этот тягчайший период, это было настоящим чудом и показателем того, как велика в трудовой массе вера в революцию, преданность ее вдохновенной идее»[141].

Начиная с лета 1920 года махновцам пришлось вести борьбу не только против частей Красной Армии, но и против всей большевистской системы, всех государственных сил большевиков в России и на Украине. С каждым днем борьба эта становилась все ожесточеннее. В таких условиях отряды повстанцев оказывались вынуждены — чтобы избежать столкновения со значительно превосходящими силами противника — удаляться от своих баз и осуществлять форсированные марши на тысячу и более километров. Им приходилось отступить то к Донбассу, то в Харьковскую или Полтавскую губернии.

Эти вынужденные перемещения широко использовались повстанцами в пропагандистских целях — каждое село, в котором махновцы задерживались на день или два, становилось их внимательной аудиторией.

Добавим, что исключительно тяжелое положение, в котором находилась Повстанческая армия, не мешало ей совершенствовать свою организацию.

После разгрома Деникина и возвращения повстанцев в свой район был создан «Совет революционных повстанцев (махновцев)». В него входили делегаты всех армейских частей, и он довольно регулярно проводил заседания, на которых обсуждались вопросы, не касавшиеся военных операций как таковых.

Летом 1920 года, в крайне нестабильной и тяжелой для армии ситуации этот орган стал слишком громоздким и не мог больше работать с пользой. Тогда его **заменяли более узким советом, в который вошли семь человек, избранных или одобренных всеми повстанцами. Этот совет подразделялся на три отдела: военных дел и операций, общей организации и контроля и культурно-просветительский**[142].

Глава V. Наступление Врангеля. Его разгром

Перейдем к четвертому акту: врангелевской экспедиции.

Бывший царский офицер барон Врангель сменил Деникина на посту главы белого движения. В областях, бывших вотчиной последнего — в Крыму, на Кавказе, Дону и Кубани, — он попытался собрать и объединить остатки деникинских войск. И это ему удалось. В итоге благодаря ряду мобилизаций под его командованием оказалась хорошо организованная и преданная армия — не в последнюю очередь из-за того, что губительная политика большевиков восстанавливала против их власти все более широкие слои населения.

Весной 1920 года Врангель начал вызывать серьезную обеспокоенность большевиков. Более хитроумный, чем его предшественник, он представлял реальную угрозу.

С середины лета он стал одерживать победы, медленно, но верно продвигаясь вперед. Вскоре его наступление поставило под угрозу весь Донецкий бассейн. Большевики увязли на польском фронте, где испытывали сильные затруднения, и Революция вновь оказалась в опасности.

Как и во время наступления Деникина, махновцы решили по мере сил и средств бороться против Врангеля. Они неоднократно нападали его отряды. Но всякий раз с тыла их атаковали большевики и вынуждали отступить.

В то же время советские власти не переставали клеветать и порочить махновцев. Так, например, продолжая называть их «бандитами» и «защитниками кулаков», **они повсюду распространяли измышления о союзе, якобы заключенном между Махно и Врангелем, а полномочный представитель правительства в Харькове Яковлев на пленарном заседании Екатеринославского Совета заявил, что правительство располагает письменными доказательствами такого союза. Для большевиков это были нормальные «средства политической борьбы»**[143].

Махновцы не могли безразлично взирать на все более грозное наступление Врангеля. Они считали, что его необходимо незамедлительно атаковать, не дав ему времени упрочить свои завоевания. Но как быть с коммунистами? Во-первых, они сковывали действия махновцев. Во-вторых, их диктатура была столь же губительна для свободы трудящихся, что и власть Врангеля.

Всесторонне изучив проблему, Совет повстанцев и штаб их армии решил, что по отношению к революции Врангель является «врагом № 1», и следует попытаться договориться с

большевиками.

Затем вопрос был вынесен на обсуждение массы повстанцев, и в ходе общего митинга они решили, что делом первостепенной важности является именно разгром Врангеля. Собрание довело свое мнение до сведения Совета и штаба.

Было решено предложить коммунистам прекратить враждебные действия по отношению к махновцам, чтобы совместными усилиями разгромить Врангеля.

В июле и августе эти предложения, сделанные от имени Совета и командующего Повстанческой армией, были спешно отправлены в Москву и Харьков. Они остались без ответа. Коммунисты продолжали свою кампанию против махновцев, ведя против них боевые действия и распространяя клеветнические измышления[144].

В сентябре коммунистам пришлось оставить Екатеринослав[145]. Врангель почти без боя захватил Бердянск, Александровск, Гуляй-Поле, Синельниково и другие населенные пункты.

Только тогда полномочная делегация Центрального Комитета **Коммунистической партии во главе с неким Ивановым прибыла в Старобельск (Харьковской губернии), где в тот момент стояли лагерем махновцы, для ведения с ними переговоров о совместных действиях против Врангеля**[146].

Переговоры состоялись здесь же, в Старобельске. Они завершились предварительным военным и политическим соглашением между махновцами и **советской властью. Это соглашение было отправлено в Харьков, где должно было быть окончательно доработано и утверждено.**

С этой целью, а также для поддержания постоянной связи со штабом большевиков, в Харьков отправились Буданов и Попов[147].

Между 10 и 15 сентября 1920 года пункты соглашения были доработаны и утверждены обеими сторонами[148].

Этот исторический документ заслуживает того, чтобы привести его полностью. Он весьма поучителен. Более того, события, последовавшие за его заключением, нельзя понять и оценить по достоинству, не зная всех его положений.

«Условия предварительного военно-политического соглашения между советским правительством Украины и Революционной повстанческой армией Украины (махновцев).

Раздел I — Политическое соглашение.

1. Немедленное освобождение и прекращение преследований в дальнейшем на территории советских республик всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против советского правительства.

2. Полнейшая свобода агитации и пропаганды, как устно, так и печатно, махновцами и анархистами своих идей и пониманий без призыва к насильственному ниспровержению советского правительства и с соблюдением военной цензуры. В деле издания махновцы и анархисты как революционные организации, признанные советской властью, пользуются техническим аппаратом советского государства, подчиняясь правилам техники издания.

3. Свободное участие в выборах советов, право махновцев и анархистов вхождения в таковые и свободное участие в подготовке созыва очередного 5-го всеукраинского съезда советов, имеющего быть в декабре с. г.

По поручению совет. Правительства У.С.С.Р. *Я. Яковлев.*

Уполномоченные Совета и командования рев. повст. Армии Украины (махновцев): *Куриленко, Попов.*

Раздел II — Военное соглашение.

1. Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) входит в состав вооруженных сил Республики как партизанская, в оперативном отношении подчиняясь высшему командованию Красной Армии; сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей Красной Армии.

2. Революционная повстанческая армия Украины (махновцев), продвигаясь по советской территории, фронту и через фронты, не принимает в свои ряды частей Красной Армии и дезертировавших из таковых.

Примечание:

а) Встретившиеся и примкнувшие к Революционной повстанческой армии в тылу Врангеля красные части и отдельные красноармейцы из таковых по встрече с частями Красной Армии подлежат возвращению в последнюю.

б) Оставшиеся в тылу Врангеля повстанцы и местное население, вновь вступающее в ряды Повстанческой армии, остаются в последней, хотя бы прежде и были мобилизованы в Красную Армию.

3. О состоявшемся соглашении Революционная повстанческая армия Украины (махновцев), в целях уничтожения общего врага белогвардейщины, доводит до сведения идущей за ней трудовой массы путем соответствующих воззваний с призывом о прекращении военных действий против сов. власти, причем в целях достижения большего результата сов. правительство должно также немедленно опубликовать о состоявшемся соглашении.

4. Семьи Революционной повстанческой армии махновцев, проживающие на территории Советской Республики, в льготах приравниваются к семьям красноармейцев и получают от совет. правительства Украины соответствующие документы.

Подписали: Командующий Южфронтом *Фрунзе*.

Члены Реввоенсовета Южфронта: *Бела Кун, Гусев*. Уполномоченные Совета и командования Повстанческой армии махновцев — *Куриленко, Попов*»[149].

Кроме трех вышеприведенных пунктов политического соглашения представители Совета и командования махновской армии предложили советскому правительству четвертый пункт:

«Четвертый пункт политического соглашения.

Представительство Совета и командования армии махновцев, в дополнение к трем первым пунктам, представило советской власти четвертый пункт политического соглашения:

Ввиду того, что одной из главных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся у себя на местах, Повстанческая армия махновцев выдвигает четвертый пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действий махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономная и федеративная (договорная) связь с государственными органами советских республик»[150].

На практике имелось в виду предоставление повстанцам-махновцам двух или трех районов на Украине для свободного проведения ими своего социального эксперимента при сохранении федеративных отношений с СССР[151].

Хотя этот особый пункт не был включен в единое целое с подписанным соглашением, махновцы, естественно, придавали ему очень большое значение.

Любопытная деталь: после заключения соглашения с махновцами большевики вынуждены были от имени Наркомата по военным и морским делам объявить, что Махно никогда не поддерживал отношений с Врангелем и что подобные утверждения властей являлись ошибочными, основанными на неверной информации и т. п. Эти заявления были опубликованы под заголовком «Махно и Врангель» в «Пролетарии» и других харьковских газетах около 20 октября 1920 года.

Предлагаем читателю внимательно прочитать текст соглашения. Он обнаружит в нем две противоположные тенденции: государственническую, отстаивающую традиционные прерогативы и привилегии власти; и *народную, революционную*, отстаивающую традиционные требования угнетенных масс.

Весьма показательно, что первый пункт соглашения — касающийся «политических» вопросов, где идет речь о естественных правах трудящихся, — содержит исключительно махновские предложения. В этом отношении советская власть вела себя подобно всем тираниям: стремилась ограничить сформулированные махновцами требования, торгуясь за каждое слово, делая все возможное, чтобы урезать права трудового народа, без которых невозможно его подлинное освобождение.

Под разными предлогами советские власти долго задерживали публикацию заключенного соглашения.

Махновцы понимали, что это не означает ничего хорошего.

Видя двуличие советской власти, они решительно заявили, что пока соглашение не опубликовано, Повстанческая армия не будет его выполнять.

Только после такого прямого давления Советское правительство наконец приняло решение опубликовать текст заключенного соглашения. Но сделало это по частям. Сначала был опубликован раздел II (военное соглашение), затем, через какое-то время, раздел I (политическое соглашение). Подлинный смысл документа терялся. Большинство читателей не поняли его, а именно этого и добивались большевики.

Что касается особого политического раздела (четвертого), украинские власти отделили его от соглашения под предлогом, что об этом им необходимо **специально посоветоваться с Москвой.**

Махновцы наносят первое поражение Врангелю. Его полный разгром.

Около 20 октября махновская армия выступила против Врангеля[152].

Линия фронта протянулась от Синельниково через Александровск и Пологи к Бердянску. Наступление шло по направлению к Перекопу[153].

В первых же боях между Пологами и городом Ореховым значительная часть врангелевских сил под командованием генерала Дроздова была разгромлена, 4 тысячи белогвардейцев попали в плен[154].

Три недели спустя весь район был освобожден от врангелевских войск. Они отступили в Крым[155].

В конце ноября махновцы и красноармейцы уже стояли у Перекопа.

Несколько дней спустя, когда Красная Армия блокировала Перекоп, часть повстанцев, починяясь приказу штаба, передислоцировалась на тридцать километров левее перешейка и ступила на лед Сивашского залива. Впереди двигалась конница под командованием Марченко (партизана-анархиста родом из Гуляй-Поля), за ней следовал полк пулеметчиков во главе с Кожиным (революционным партизаном, очень способным командиром). Наступающих встретил ожесточенный непрерывный огонь противника. Многие из них погибли в бою. Но храбрость и упорство нападающих сломили сопротивление врангелевских войск. Они пустились в бегство. Тогда другая часть махновцев под командованием Семена Каретникова (также партизана-анархиста из Гуляй-Поля) **двинулась прямо на Симферополь, который был взят штурмом 13-14 ноября. Одновременно Красная Армия форсировала Перекоп[156].**

Не подлежит сомнению, что своей переправой через Сиваш махновцы внесли значительный вклад во взятие Перекопского перешейка, считавшегося неприступным, что вынудило Врангеля отступить вглубь полуострова с целью избежать окружения.

Предприятие Врангеля бесславно завершилось. Остатки его войск спешно грузились на корабли на южном побережье Крыма и бежали за границу.

Выше мы говорили, что после оставления Екатеринослава и второго конфликта с большевиками, за которым последовало наступление Врангеля, условия войны вновь помешали творческой работе трудящихся масс в повстанческом районе. Однако для села Гуляй-Поле нам следует сделать исключение.

Отметим, что Гуляй-Поле, хотя и считалось селом, на самом деле являлось скорее городом, и довольно **крупным. Конечно, в то время его население состояло в основном из крестьян. Но в нем насчитывалось от 20 до 30 тысяч жителей**[157]. Имелось несколько начальных и две средних школы. Город жил насыщенной жизнью, и население его считалось передовым. В нем проживало немало представителей интеллигенции — учителей, врачей и т. д.

Хотя в ходе жестоких боев с Деникиным, большевиками и Врангелем Гуляй-Поле несколько раз переходило из рук в руки; хотя советское правительство, в нарушение заключенного соглашения, фактически блокировало район и вставляло всевозможные палки в колеса стремившимся к свободе трудящимся, активное ядро махновцев, остававшееся в Гуляй-Поле, очень энергично вело конструктивную работу с помощью энтузиастов из народа.

Прежде всего эти люди занялись организацией местного свободного Совета трудящихся. Он призван был заложить основы новой — хозяйственной и общественной — жизни района, основанной на принципах свободы и равенства безо всякой «политической» власти. С этой целью жители Гуляй-Поля провели ряд предварительных собраний и образовали Совет, который действовал в течение нескольких недель. Затем он был ликвидирован большевиками.

Одновременно Совет повстанцев разработал и опубликовал проект «Положения о вольном Совете».

С другой стороны, велась активная работа в области школьного образования и народного просвещения. Она имела огромное значение, так как нападения различных армий нанесли здесь большой урон. Учителя, долгое время не получавшие зарплаты, разбежались кто куда. Школьные здания были заброшены.

Как только позволили обстоятельства, махновцы и все население Гуляй-Поля приступили к восстановлению системы образования.

Для нас особенно важны *основные идеи*, на которых оно базировалось.

1. За образованием и просвещением молодого поколения обязаны следить *сами трудящиеся*;

2. Школа должна быть не только источником необходимых знаний, но также призвана воспитывать *сознательного и свободного человека*, способного вести борьбу за подлинно гуманное общество, жить и работать в нем;

3. Для выполнения обеих этих задач школа должна быть независимой, то есть отделенной от церкви и *государства*;

4. Образованию и просвещению молодежи надлежит быть делом тех, кто имеет к этому склонность, способности, обладает достаточными знаниями и другими необходимыми качествами. Разумеется, все должно происходить под реальным и постоянным контролем трудящихся.

В Гуляй-Поле было несколько интеллигентов — сторонников принципов Свободной школы Франсиско Феррера[158]. Они объединились и немедленно приступили к созданию весьма интересной образовательной системы.

Расходы по содержанию учительского коллектива всех школ села и его окрестностей взяли на себя крестьяне и рабочие.

Возникла смешанная комиссия, состоявшая из крестьян, рабочих и учителей, наделенная всеми полномочиями, как хозяйственными, так и педагогическими, в деле просвещения.

За рекордное время эта комиссия разработала план организации свободного образования, вдохновленный идеями Франсиско Феррера.

Одновременно были созданы специальные курсы для взрослых.

Начали функционировать курсы «политической» — или, скорее, социальной и идеологической — грамотности.

Многие учителя, ранее оставившие свою работу и даже покинувшие Гуляй-Поле, узнав о произошедшем, вернулись в классы. В село приехало несколько специалистов, живших в других местах.

Народное просвещение возродилось на новых основах.

Отметим также возобновление интересных театральных постановок под влиянием новых идей.

Весь этот творческий порыв масс был грубо прерван очередным неожиданным нападением большевиков, которое произошло *26 ноября 1920 года*.

Это был пятый и последний акт драмы.

После всего произошедшего никто из махновцев не верил в революционную лояльность большевиков. Повстанцы знали — только угроза врангелевского наступления вынудила последних заключить союз с Махно. И были уверены, что как только опасность минует,

советское правительство не замедлит под любым предлогом начать новую кампанию против Махновщины. Никто не верил ни в прочность, ни в долговременность союза. Но все сходились на том, что согласие продлится месяца три или четыре, а за это время можно провести энергичную пропаганду идей махновского и анархического движений.

Последняя надежда не оправдалась.

Само соблюдение соглашения большевистским правительством вызывало обоснованные подозрения. Большевики совершенно не стремились честно и последовательно выполнять его условия. Лишь отдельные махновцы и анархисты были отпущены на свободу. Правительство всеми возможными средствами препятствовало идеологической работе анархистов.

Поглощенные решением военных задач, махновцы какое-то время не могли уделять внимание такой ненормальной ситуации.

Однако на Украине деятельность анархистов возобновилась. Велась пропаганда. Вновь выходили газеты.

Интерес и симпатии трудового народа к анархистским идеям и движению оказался выше всех ожиданий. Выйдя из московской тюрьмы и возвратившись на Украину, я был удивлен, увидев, как в нашу харьковскую штаб-квартиру на вечерние собрания приходили целые толпы народа. Каждый раз мы вынуждены были оставлять за дверью несколько сот человек, которым не хватало места. И несмотря на наступившие холода, многие стояли снаружи, прислушиваясь к каждому слову выступавших, доносившемуся через приоткрытую дверь.

Вскоре ряды украинских анархистов пополнились активистами, приехавшими из России, где большевики практически не выполняли заключенное с Махно соглашение.

Движение ширилось с каждым днем.

Такое положение вещей могло лишь разгневать большевиков и ускорить их ответные действия.

Махновцы очень рассчитывали на результаты «четвертого раздела» политического соглашения. Особенно настаивали они на скорейшем рассмотрении его большевиками и принятия ими окончательного решения. Для них было крайне важно, чтобы те признали право рабочих и крестьян на хозяйственное и общественное самоуправление.

Представители махновцев требовали, чтобы советские власти наконец сделали выбор: либо подписали данный раздел, либо честно объяснили, почему не желают этого делать.

Постепенно вокруг этого вопроса сосредоточилась вся пропаганда анархистов. К середине ноября «четвертый раздел» стал привлекать всеобщее внимание и обещал в будущем стать проблемой первостепенной важности. Но именно этого большевики стремились ни в коем случае не допустить.

В ту пору в Харькове был запланирован Съезд анархистов, призванный определить дальнейшие направления деятельности в новых условиях.

Тогда же стало известно об окончательном разгроме Врангеля.

И тогда же Ленин начал тайно готовить новое наступление на махновцев и анархистов, отправлять секретные телеграммы, о которых анархистов — слишком поздно — предупредил их сторонник-телеграфист.

«Как только в Гуляй-Поле прибыла из полевого штаба телеграмма о том, что Каретник с Повстанческой армией уже в Крыму и пошел на занятие Симферополя, помощник Махно, Григорий Василевский, воскликнул: «Конец соглашению! Ручаюсь чем угодно, что через неделю большевики будут громить нас». Это было сказано 15 или 16 ноября, а 26 ноября большевики предательски напали на махновское командование и махновские войска в Крыму, на Гуляй-Поле, захватили махновское представительство в Харькове, разгромили и арестовали там же всех анархистов, а также анархистов и анархические организации по всей Украине»[159].

Глава VI. Третья и последняя война большевиков с махновцами и анархистами. Разгром Повстанческой армии

Так началась третья и последняя война большевиков против махновцев, анархистов и трудящихся масс Украины, которая завершилась — после девяти месяцев неравной и беспощадной борьбы — вооруженным подавлением свободного движения.

В очередной раз взяла верх грубая сила, основанная на лжи и обмане.

Об этом последнем акте драмы мы расскажем подробно.

Разумеется, большевистское правительство не замедлило объяснить, почему нанесло свой вероломный удар.

Оно заявило, что махновцы и анархисты готовили заговор и массовое восстание против власти Советов; обвинило Махно в отказе отправиться на кавказский фронт и мобилизации крестьян для борьбы против советской власти; утверждало, что вместо борьбы с Врангелем в Крыму махновцы нападали на арьергарды Красной Армии и т. д.

Само собой, все эти объяснения были абсолютно лживыми. Но постоянно повторяя их и не давая слова махновцам и анархистам, большевикам удалось заставить поверить в них очень многих, как за границей, так и в СССР.[160]

Ряд фактов позволяет нам установить истину.

1. 23 ноября 1920 года в Пологах и Гуляй-Поле махновцы арестовали девять большевистских шпионов, состоявших на службе в 42-й стрелковой дивизии Красной Армии, которые

признались, что были посланы в Гуляй-Поле руководителем службы контрразведки с целью выяснить места жительства Махно, членов его штаба, командиров Повстанческой армии и членов Совета. После этого агенты должны были тайно оставаться в Гуляй-Поле и ждать вступления в село частей Красной Армии, чтобы сообщить им, где искать данных лиц. Если же неожиданное прибытие красноармейцев вынудило бы последних скрыться, шпионам предписывалось выследить их. По их данным, нападения на Гуляй-Поле следовало ожидать 24–25 ноября.

Тогда Совет революционных повстанцев и командование армии отправили Раковскому, в то время председателю Совета народных комиссаров Украины, а также Реввоенсовету в Харьков подробное сообщение об этом заговоре с требованием: 1) немедленно арестовать и отдать под суд военного совета командира 42-й дивизии и других лиц, замешанных в заговоре; 2) запретить красноармейским частям проход через Гуляй-Поле, Пологи, Малую Токмачку и Туркеновку, дабы избежать любых неприятных инцидентов.

От харьковского правительства был получен следующий ответ: «заговор», должно быть, является простым недоразумением; тем не менее, советская власть для выяснения дела создает комиссию и предлагает штабу армии махновцев прислать в эту комиссию двух человек.

Ответ был передан по прямому проводу из Харькова в Гуляй-Поле 25 ноября.

На следующее утро П. Рыбин, секретарь Совета революционных повстанцев, вновь по прямому проводу обсуждал этот вопрос и все спорные моменты с Харьковом. Большевистские власти Харькова заверили его, что дело 42-й дивизии, безусловно, будет улажено к полному удовлетворению махновцев, и добавили, что вопрос о разделе 4 политического соглашения вот-вот решится самым наилучшим образом.

Разговор с Рыбиным состоялся в 9 часов утра 26 ноября. Но *еще за шесть часов до этого* представители махновцев в Харькове, а также все анархисты города и окрестностей были арестованы.

Ровно два часа спустя после разговора с Рыбиным по прямому проводу Гуляй-Поле было со всех сторон обложено красноармейскими соединениями и подверглось ожесточенному обстрелу.

В тот же день и час подверглась атаке махновская армия в Крыму. Здесь большевикам удалось — хитростью — захватить членов ее штаба вместе с командующим, Семеном Каретниковым; все они были казнены.

2. В то время я находился в Харькове вместе с представителями махновской армии и не подозревал о том, что замышлялось вокруг нас. 25 ноября мне было поручено отправиться к Раковскому, чтобы непосредственно из прямых уст получить ответ: что конкретно происходит с разделом 4 политического соглашения.

Раковский принял меня очень сердечно. Он пригласил меня занять место возле его рабочего стола. Сам, удобно расположившись в кресле и небрежно поигрывая красивым ножом для

разрезания бумаги, с улыбкой заявил мне, что переговоры между Харьковом и Москвой по поводу раздела 4 вот-вот завершатся, следует, судя по всему, со дня на день ожидать положительного решения.

А в тот момент, когда он таким образом разговаривал со мной, в ящике стола, за которым мы сидели, уже лежал приказ возбудить «дело» против анархистов и махновцев.

В тот же вечер я выступал с докладом об анархизме в Харьковском сельскохозяйственном институте. Зал был переполнен, и собрание закончилось очень поздно, около часу ночи. Вернувшись к себе, я еще продолжил работу над статьей для нашей газеты и лег спать около половины третьего. Почти тотчас меня разбудил шум, смысл которого был совершенно ясен: выстрелы, звон оружия, шаги на лестнице, удары кулаком в дверь, крики и оскорбления. Я понял. У меня было только время одеться. В мою комнату громко стучали: «Открой или мы вышибем дверь!» Как только я отворил задвижку, меня грубо схватили, увели и бросили в подвал, где находилось уже несколько десятков человек. Такого было «положительное решение» по разделу 4.

3. На другой день после нападения на Гуляй-Поле, 27 ноября, махновцы обнаружили у пленных красноармейцев прокламации «Вперед, на Махно!» и «Смерть Махновщине!», опубликованные политотделом 4-й армии, без даты. Пленные сказали, что получили эти прокламации 15 или 16 ноября. В них содержался призыв бороться против Махно, обвиняемого в нарушении политического и военного соглашения, отказе отправиться на кавказский фронт, подготовке мятежа против Советской власти и т. д.

Это доказывает, что все обвинения были сфабрикованы и отпечатаны заранее, когда Повстанческая армия еще воевала в Крыму и занимала Симферополь, а представители махновцев спокойно работали в Харькове и других местах в согласии с советской властью.

4. В октябре и ноябре 1920 года, то есть в то время, когда обсуждалось и заключалось политическое и военное соглашение между большевиками и махновцами, последние выявили две попытки большевиков подослать к Махно наемных убийц.

Совершенно очевидно, что такая серьезная операция тщательно готовилась заранее, и разработка ее требовала по меньшей мере двух недель.

В этом деле — которое большевики считали решающим — речь шла не просто о предательском нападении на махновцев, но о детально и тщательно проработанном плане. Были даже предусмотрены средства усыпить бдительность махновцев, ввести их в заблуждение обманными гарантиями безопасности, лживыми обещаниями и т. д. Не подлежит сомнению, что все это требовало длительной подготовки.

Такова правда о разрыве соглашения между махновцами и Советской властью.

Эта правда, впрочем, находит подтверждение и в некоторых советских документах.

Приведем приказ Фрунзе, в то время командующего Южным фронтом. Одного этого документа достаточно, чтобы разоблачить предательство большевиков и опровергнуть всю

их ложь и уловки:

«Приказ командарму Повстанческой т. Махно.

Копия командармам Южного фронта.

№ 00149. Полевой штаб, г. Мелитополь. 23 ноября 1920 г.

В связи с окончанием боевых действий против Врангеля, ввиду его уничтожения, революционный военный совет Южфронта считает задачу партизанской армии законченной и предлагает реввоенсовету повстанческой армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения красной армии.

Существование повстанческой армии с особой организацией более не вызывается боевой обстановкой. Наоборот, существование наряду с частями красной армии отрядов с особой организацией и задачами приводит к совершенно недопустимым явлениям...[161] И поэтому реввоенсовет южного фронта предлагает реввоенсовету повстанческой армии:

- 1) Все части бывшей повстанческой армии, находящиеся в Крыму, немедленно ввести в состав четвертой армии, реввоенсовету которой поручается их переформирование.
- 2) Упроформ в Гуляй-Поле расформировать и бойцов влить в запасные части по указанию командарма запасной.
- 3) Реввоенсовету повстанческой армии принять все меры к разъяснению бойцам необходимости проводимой меры.

Подписали: Командующий Южфронтом *М. Фрунзе*, член реввоенсовета *Смилга*, нач. полев. Штаба армии *Каратыгин*. [162]»

Пусть читатель вспомнит историю соглашения между советским правительством и махновцами.

Подписанию соглашения предшествовали переговоры между полномочными представителями махновцев и большевистской делегацией во главе с коммунистом Ивановым, прибывшей специально с этой целью в лагерь повстанцев в Старобельск. Переговоры продолжились в Харькове, где представители махновцев в течение трех недель работали вместе с большевиками, чтобы сделать соглашение приемлемым для обеих сторон. Каждый раздел тщательно рассматривался и обсуждался.

Окончательную редакцию соглашения одобрили обе стороны, то есть *Советское правительство и район революционных повстанцев* в лице Совета революционных повстанцев Украины. Оно было скреплено подписями той и другой стороны.

В соответствии с духом соглашения, ни один из его разделов не мог быть аннулирован или изменен без согласия обеих сторон.

Однако приказ Фрунзе нарушал не только первый раздел военного соглашения, но и само соглашение в целом.

Приказ Фрунзе доказывает, что большевики никогда не принимали соглашение всерьез; что, разрабатывая его, они играли гнусную комедию; что соглашение было всего лишь надувательством, маневром, ловушкой, чтобы бросить махновцев против Врангеля, а затем уничтожить их.

Главное, что при всей своей грубоватой «честности» — или наивности — приказ Фрунзе служил тем же целям. Действительно:

1. Одновременно с приказом № 00149 4-я крымская армия получила приказ выступить против махновцев всеми имеющимися в распоряжении вооруженными силами в случае отказа повстанцев повиноваться;

2. Ни штабу Повстанческой армии, остававшемуся в Гуляй-Поле, ни махновской делегации в Харькове об этом приказе сообщено не было. Махновцы узнали о нем лишь через три или четыре недели после нападения большевиков из газет, случайно попавших им в руки. Этот странный факт легко объясним. Большевики, тайно готовившие неожиданное нападение на повстанцев, не хотели заранее встревожить их, посылая такой документ: тогда их план полностью бы провалился. Подобный приказ предостерег бы всех махновцев, и нападение большевиков неизбежно было бы отражено. Советская власть понимала это. Вот почему она до последнего момента сохраняла тайну.

3. Но, с другой стороны, ей необходимо было любым путем оправдать агрессию. Вот почему приказ Фрунзе был опубликован в газетах лишь после нападения и разрыва. Впервые его напечатала *15 декабря 1920 года* харьковская газета «Коммунист». *Номер был помечен задним числом.*

Целью подобных махинаций было застигнуть махновцев врасплох, уничтожить их и затем объявить эту акцию, имея на руках соответствующие бумаги, совершенно «законной».

Как мы уже говорили, нападение на махновцев сопровождалось массовыми арестами анархистов по всей Украине. Это было сделано с целью не только окончательно подавить всякую свободную мысль и деятельность анархистов, но и удушить малейшие проявления протеста, уничтожить в зародыше всякую попытку объяснить народу подлинный смысл событий.

Не только сами анархисты, но и их родные и знакомые, даже те, кто интересовался их литературой, арестовывались.

В Елисаветграде в тюрьму были брошены пятнадцать ребят в возрасте от 15 до 18 лет. Правда, впоследствии вышестоящие власти Николаева (губернского центра) выразили свое недовольство, заявив, что им нужны «настоящие анархисты», а не дети. Но никто из подростков не был немедленно освобожден.

В Харькове преследования анархистов приняли невиданные размеры. На них анархистов проводились облавы. Одна такая ловушка была устроена в книжной лавке «Свободное Братство»; всякого, кто приходил купить книгу, хватали и отправляли в ЧК. Арестовывали даже тех, кто читал газету «Набат», выходявшую легально и развешанную на стенах лавки.

Большевикам не удалось поймать одного из харьковских анархистов, Григория Цесника, и они бросили в тюрьму его жену, совершенно далекую от политики. Узница объявила голодовку, требуя немедленного освобождения. Тогда большевики заявили, что если Цесник хочет увидеть свою жену на свободе, он должен всего лишь явиться в ЧК. Цесник, тяжело больной, так и поступил — и был арестован.

Мы говорили, что штаб и командующий махновской армией в Крыму, Семен Каретников, были предательски арестованы и сразу же казнены.

Марченко, командующему конницей, окруженной многочисленными отрядами 4-й Красной Армии, все же удалось с боем прорваться через Перекопские укрепления. Днем и ночью, форсированным маршем его люди — точнее то, что от них осталось — добирались до Махно (которому, как мы вскоре увидим, вновь удалось ускользнуть от большевиков), находившемуся в маленькой деревне Керменчик.

До повстанцев уже донесся слух о том, что махновцам удалось успешно выбраться из Крыма, и они с радостью ожидали возвращения товарищей.

Наконец 7 декабря галопом прискакал верховой, сообщивший, что отряд Марченко прибудет через несколько часов.

Находившиеся в Керменчике махновцы в радостном волнении отправились встречать героев.

Каково было их разочарование, когда они, наконец, увидели вдалеке медленно приближающуюся небольшую группу всадников.

Вместо мощного полуторатысячного кавалерийского отряда из пекла возвращалась лишь горстка в 250 человек. Во главе ехали Марченко и Тарановский (другой выдающийся командир Повстанческой армии).

— Имею честь доложить вам о возвращении Крымской армии, — с горькой иронией произнес Марченко.

У нескольких повстанцев достало сил улыбнуться. Но Махно был мрачен. Вид жалких остатков его превосходной кавалерии причинил ему жестокую боль. Он молчал, пытаясь сдержать чувства.

— Да, братцы, — добавил Марченко, — только теперь мы узнали, кто такие коммунисты.

Немедленно было созвано общее собрание. На нем рассказали о событиях в Крыму. Так стало известно, что командующий армией Каретников, получивший приказ большевистского

штаба отправиться в Гуляй-Поле якобы для участия в военном совете, был предательски арестован по дороге; что Гавриленко, начальник штаба Крымской армии, а также все члены этого штаба и многие командиры, были обмануты тем же манером. Всех их немедленно расстреляли. Комиссию по культуре и пропаганде, заседавшую в Симферополе, арестовали безо всякой военной хитрости.

Так победоносная Крымская Повстанческая армия были предана и уничтожена большевиками, своими вчерашними союзниками.

После ареста из Харькова меня перевели в московскую тюрьму ВЧК. Однажды меня вызвал к себе Самсонов, начальник «Секретно-политического отдела ВЧК».

Вместо допроса он устроил со мной идейную дискуссию. Так нам удалось поговорить о событиях на Украине.

Я без обиняков высказал ему все, что думал о поведении большевиков по отношению к махновскому движению, назвал их действия подлыми.

— Ах! — живо отреагировал он. — Это вы называете «подлостью»? Вы неисправимо наивны. Это лишь говорит о том, что мы, большевики, многому научились с начала революции и стали настоящими умелыми государственными деятелями. Мы уже не дадим себя провести; пока нам был нужен Махно, мы сумели извлечь выгоду из союза с ним, а когда перестали нуждаться в его услугах — или, точнее, когда он начал мешать нам, — смогли окончательно избавиться от него.

Хотя Самсонов не отдавал себе в этом отчета, своими последними словами — которые мы подчеркнули — он полностью признал истинные причины поведения большевиков и всех их махинаций. Эти слова следует хорошо запомнить всем, кто продолжает упорствовать в своем непонимании подлинной природы государственного коммунизма.

Последний смертельный бой Власти и Революции (ноябрь 1920-го — август 1921 года).

Нам остается кратко рассказать о последних и самых драматичных событиях смертельной борьбы между Властью и Революцией.

Читатель уже мог увидеть, что, несмотря на тщательность подготовки и внезапность нападения, Махно и на этот раз ускользнул от большевиков.

26 ноября, в тот момент, когда Гуляй-Поле было окружено красноармейскими соединениями, в нем находился лишь небольшой особый отряд из 250 всадников во главе с самим Махно.

С этой горсткой людей, ничтожной по численности, но в отчаянии готовой на все, Махно — хотя он едва оправился от болезни и жестоко страдал от ран (**последней из которых была перебитая лодыжка**) — бросился в атаку. Ему удалось опрокинуть кавалерийский полк Красной Армии, шедший к Гуляй-Полю со стороны Успеновки. Так он вырвался из окружения^[163].

Тотчас он занялся организацией отрядов повстанцев, прибывавших к нему отовсюду, а также частей красноармейцев, оставивших большевиков и присоединившихся к нему.

Ему удалось сформировать отряд в тысячу всадников и полторы тысячи пехотинцев, с которым он перешел в контратаку.

Неделю спустя он вновь был хозяином Гуляй-Поля, заставив отступить 42-ю дивизию Красной Армии и захватив около 6 тысяч пленных. (Из них примерно две тысячи заявили о своем желании вступить в Повстанческую армию; остальные были освобождены в тот же день после участия в большом народном митинге.)[164]

Три дня спустя Махно нанес новый серьезный удар большевикам под **Андреевкой. В течение суток он вел бой с двумя дивизиями Красной Армии и одержал победу, захватив еще от 8 до 10 тысяч пленных. Они так же были немедленно освобождены; все желающие записались добровольцами в Повстанческую армию** [165].

Затем Махно последовательно нанес еще три удара Красной Армии: под Комаром, Царевоконстантиновкой и в окрестностях Бердянска. Большевистская пехота сражалась неохотно и пользовалась любой возможностью сдаться в плен.

«Пленных красноармейцев тотчас же отпускали, советуя им ехать на родину и не служить в руках власти орудием угнетения народа. Но ввиду того, что махновцы тут же двигались дальше, все отпущенные пленные через 5–6 дней вновь оказывались в своих частях. Советвласть организовывала особые комиссии, которые специально занимались сбором отпущенных махновцами красноармейцев. Таким образом, для махновцев в этой борьбе создавался заколдованный круг, из которого они не могли найти разумного выхода. Положение советвласти было проще: согласно постановлению «Особой комиссии по борьбе с махновщиной», всех захваченных махновцев расстреливали на месте».[166]

Некоторое время махновцам казалось, что им сопутствует победа, что достаточно разбить две или три большевистские дивизии, и значительная часть Красной Армии присоединится к ним, а остальные ее отряды отступят на север.

Но вскоре крестьяне из различных уездов сообщили, что большевики не довольствуются одним преследованием Повстанческой армии и размещают во всех захваченных селах целые полки, в основном кавалерийские. По сообщениям других крестьян, большевики концентрируют в различных местах значительные вооруженные силы.

Действительно, вскоре несколько пехотных и кавалерийских дивизий окружили Махно в Федоровке, к югу от Гуляй-Поля. Бой продолжался без передышки с двух часов ночи до четырех дня. Пролагая себе путь по территории, занятой противником, Махно направился на северо-восток. Но три дня спустя он вновь вынужден был принять бой возле деревни Константин, ему противостояла многочисленная конница и мощная артиллерийская батарея, взявшие его в тиски. От нескольких пленных командиров Махно узнал, что ему предстоит иметь дело с четырьмя армейскими корпусами, двумя кавалерийскими и двумя смешанными, и большевистское командование ставит перед собой цель взять его в кольцо с

помощью нескольких дивизий, идущих на соединение со своими. Эти сведения полностью совпадали с сообщениями, полученными от окрестных крестьян, а также с наблюдениями и выводами самого Махно.

Становилось ясно, что разгром двух или трех красных соединений не имеет никакого значения перед лицом огромной армии, брошенной против повстанцев, чтобы разбить их любой ценой.

Речь уже не шла о *победенад* большевистскими войсками — необходимо было избежать окончательного разгрома Повстанческой армии.

Армия эта, сократившаяся до менее чем 3 тысяч бойцов, была вынуждена ежедневно вести бои против противника, в несколько раз превосходящего ее численностью и оружием. В подобных условиях катастрофа уже не вызывала сомнений.

Тогда Совет революционных повстанцев решил временно оставить южный район, предоставив Махно полную свободу в выборе направления общего отступления.

«Гению Махно было предъявлено величайшее испытание. Казалось совершенно невозможным выйти из той массы войск, которая со всех сторон вцепилась в группу повстанцев. Три тысячи бойцов-революционеров были окружены войском в 150000 человек. Махно ни на минуту не потерял мужества и вступил в героическое единоборство с этими войсками. Окруженный со всех сторон красными дивизиями, он, как сказочный герой, шел, отбиваясь направо, налево, вперед и назад. Разбив несколько красноармейских групп и взяв в плен свыше 20000 красноармейцев, Махно пошел было на восток, к Юзовке, где, как его предупредили юзовские рабочие, ему был устроен сплошной военный заслон, но вдруг круто повернул на запад и пошел фантастическими, ему одному ведомыми путями. Сторонясь дорог, армия сотни верст двигалась по снежным полям, руководимая каким-то изумительным способом и умением ориентироваться в снежной пустыне. Этот маневр дал возможность армии махновцев увернуться от сотен орудий и пулеметов, смыкавшихся вокруг нее, и в то же время разбить на Херсонщине под с. Петрово две бригады 1-й конной армии, считавших, что местопребывание Махно находится за сто с лишним верст от них.

Борьба растянулась на несколько месяцев с непрерывными, шедшими день и ночь боями.

В Киевской губернии армия махновцев попала в период гололедицы в такую изуродованную скалистую местность, что пришлось бросить всю артиллерию, снабжение и почти все тачанки.[167] И в это же время ко всей колоссальной массе войск, повисших на Махно, неожиданно добавились еще две кавалерийские дивизии червонного казачества, стоявшие на западной границе. Все пути были отрезаны. Местность — могила: скалы и крутые балки, покрытые льдом. Двигаться можно было лишь невыносимо медленно. А со всех сторон невыносимый артиллерийский и пулеметный огонь. Никто не видел выхода и спасения. Но в то же время никто не хотел позорно разбегаться. Все решили умирать вместе, один рядом с другим.

Невыразимо тяжело было глядеть в это время на горсть повстанцев, окруженных скалами, небом и вражеским огнем, преисполненных вдохновенной решимости биться до последнего

и в то же время уже обреченных. Боль, отчаяние и особенная грусть охватывали все существо. Хотелось крикнуть на весь мир, что совершается величайшее преступление, что убивается и гибнет героическое в народе — то, что он рождает только в героические эпохи.

Махно с честью вышел из этого страшного испытания. Он дошел до Галиции, поднялся затем к Киеву, недалеко от него переправился обратно через Днепр, спустился в Полтавщину и Харьковщину, вновь поднялся на север к Курску и, перейдя железную дорогу между Курском и Белгородом, оказался в новой, более легкой обстановке, оставив далеко позади себя многочисленные кавалерийские и пехотные дивизии красных»[168].

Попытка пленить его армию провалилась.

Но неравный поединок между горсткой махновцев и армиями Советского государства был далек от завершения.

Большевистское командование продолжало преследовать свою цель: захватить основное ядро Махновщины и уничтожить его. Со всей Украины стягивались красные дивизии, чтобы обнаружить и блокировать Махно.

Вскоре вокруг героической горстки революционеров вновь сомкнулось железное кольцо, и возобновился смертный бой.

Чтобы рассказать о последнем акте драмы, предоставим слово самому Махно и приведем здесь его письмо — написанное после того, как он покинул Россию, — адресованное Аршинову, которое тот цитирует в своей книге. В нем замечательно описаны последние судороги борьбы:

«Как только ты уехал, дорогой друг, через два дня я занял город Корочу (Курск. губ.), выпустил несколько тысяч экземпляров «Положения о Вольных Советах» и сейчас же взял направление через Вапнярку и Донщину на Екатеринославщину и Таврию. Ежедневно принимал ожесточенные бои — со второй конной армией, специально брошенной против меня большевистским командованием. Конечно, ты нашу конницу знаешь — против нее большевистская, без пехоты и автоброневиков, никогда не устраивала. И я, правда, с большими потерями, но удачно расчищал перед собою путь, не меняя своего маршрута. Наша армия каждым днем доказывала, что она есть подлинно народная революционная армия — по создавшимся внешним условиям она логически должна была бы таять, а она росла и людьми, и богатым военным снаряжением.

На пути этого направления в одном из серьезных боев наш особый полк (кавалерийский) потерял убитыми более 30-ти человек, наполовину из них командиры. В числе последних наш милый старый друг, юноша по возрасту, старик и герой в боях, командир этого полка Гаврюша Троян. Пуля сразила его наповал. С ним же рядом Аполлон и много других славных и верных товарищей умерло.

Не доходя до Гуляй-Поля, мы встретились с большими свежими нашими силами под командой Бровы и Пархоменко. Затем на нашу сторону перешла 1-я бригада 4-ой дивизии конной армии Буденного во главе с самим бригадным Маслаком. Борьба с властью и

произволом большевиков разразилась еще ожесточеннее.

В первых числах марта[169] Брова и Маслак были выделены мною из армии, которая находилась при мне, в самостоятельную Донскую группу и отправлены на Дон и Кубань. Выделена была группа Пархоменко и отправлена в район Воронежа (сейчас Пархоменко убит, во главе остался анархист из Чугуева). Выделена была группа сабель в 600 и полк пехоты Иванюка под Харьков.

В это же время наш лучший товарищ и революционер Вдовиченко в одном бою был ранен, вследствие чего его с некоторой частью пришлось отправить в район Новоспасовки для излечения. Там он был выслежен одним большевистским карательным отрядом и при отстреле он и Матросенко[170] застрелились. При этом Матросенко совсем, а у Вдовиченко пуля осталась в голове ниже мозга. И когда коммунисты взяли его и узнали, что он есть Вдовиченко, дали ему скорую помощь и таким образом на время спасли от смерти. Вскоро после этого я имел от него сведения. Он лежал в Александровске в больнице и просил забрать его как-либо оттуда. Его страшно мучили, предлагая отречься от махновщины через подпись какой-то бумаги отречения. Он с презрением все это отверг, несмотря на то, что в это время еле-еле мог говорить, и поэтому был накануне расстрела, но расстреляли его или нет, мне не удалось выяснить.

Сам я за это время сделал рейс через Днепр под Николаев, а затем оттуда обратно через Днепр по-над Перекопом направился в свой район, где должен был встретиться кое с какими своими частями. У Мелитополя коммунистическое командование устроило мне ловушку. Назад на правый берег Днепра ходу уже не было. Пошел лед по Днепру. Поэтому мне самому пришлось сесть на лошадь[171] и руководить маневром боя. От одной части я уклонился от боя, другую своими разведывательными частями заставил сутки стоять развернутым фронтом в ожидании боя и этим временем сделал переход в 60 верст, разбил на рассвете 8-го марта третью часть большевиков, стоявшую у Молочного озера, и через стрелку между Молочным озером и Азовским морем вышел на простор в районе Верхнего Токмака. Здесь я откомандировал Куриленко в район Бердянск-Мариуполь руководить в этом районе делом повстания. Сам отправился через Гуляй-Поле в район Черниговщины, откуда от нескольких уездов у меня была от крестьян делегация, чтобы заглянул в их район.

В пути моя группа, т. е. группа Петренко в 1500 сабель и из двух пехотных полков, находившихся при мне, была остановлена и сжата со всех сторон сильными большевистскими частями. Здесь опять-таки пришлось мне самому руководить контратакой. Контратака была удачна. Мы разбили врага вдребезги, массу взяли в плен людей, оружия, орудий и коней. Но спустя два часа нас снова атаковали свежие и сильные части противника. Каждодневные бои настолько втянули людей в бесстрашие за жизнь, что отваге и героизму не было пределов. Люди с возгласом: «Жить свободно или умереть в борьбе!» — бросались на любую часть и повергали ее в бегство. В одной сверхбезумной по отваге контратаке я был в упор пронизан большевистской пулей в бедро через слепую кишку навывлет и свалился с седла. Это послужило причиной нашего отступления, так как чья-то неопытность[172] крикнула по фронту: «Батько убит!».».

12 верст меня везли, не перевязывая, на пулеметной тачанке, и я совершенно было сошел кровью. Не становясь на ногу, совершенно не садясь, я без чувств лежал, охраняемый и доглядаемый Левой Зиньковским. Это было 14-го марта. В ночь против 15-го марта возле меня сидели все командиры группы, члены штаба армии во главе с Белашом и просили подписать приказ разослать по сто, по 200 бойцов к Куриленко, к Кожину и другим, которые самостоятельно руководили восстаниями в определенных районах. Приказ этот имел целью отправить меня с особым полком в тихий район до времени, пока я вылечусь и сяду в седло. Приказ я подписал и разрешил Забудько выделить легкую боевую группу и в указанном районе действовать самостоятельно, не теряя со мною связи. А на рассвете 16-го марта части уже были разосланы, кроме особого полка, оставшегося при мне. И в это время на меня наскочила 9-ая кавалерийская дивизия и в течение 13-ти часов преследовала нас 180 верст. В с. Слобода возле Азовского моря мы заменили лошадей и в 5 часов покормили людей и лошадей...

17-го марта на рассвете мы направились в сторону Новоспасовки и, пройдя верст 17, натолкнулись на другие свежие кавалерийские части большевиков, которые шли по следам Куриленко и, потеряв след последнего, напали на нас. Прогнав нас, нуждающихся в отдыхе и не способных на сей день к бою, верст 25, совсем начали наседать. Что делать? В седло я сесть не могу, я никак на тачанке не сижу, я лежу и вижу, как сзади в 40–50 саженях идет взаимная неопишуемая рубка. Люди наши умирают только из-за меня, только из-за того, что не хотят оставить меня. Но в конце концов гибель очевидна и для них, и для меня. Противник численно в 5–6 раз больше, и бойцы его свежие и свежие подсакивают. Смотрю — ко мне на тачанку цепляются люיסисты[173], что были и при тебе возле меня. Их было пять человек под командой Миши из села Черниговки Бердянского уезда. Поцепившись, они прощаются со мной и тут же говорят: «Батько, вы нужны делу нашей крестьянской организации. Это дело дорого нам. Мы сейчас умрем, но смертью своей спасем вас и всех, кто верен вам и вас бережет; не забудьте передать нашим родителям об этом». Кто-то из них меня поцеловал, и больше я никого из них возле себя не видел. Меня в это время Лева Зиньковский на руках переносил из тачанки на крестьянские дроги, которые повстанцы достали (крестьянин куда-то ехал). Я слышал только пулеметный треск и взрывы бомб, то люисисты преграждали путь большевикам. За это время мы уехали версты 3–4 и перебрались через речонку. А люисисты там умерли.

После мы заехали на это место, и крестьяне села Сатродубовки Мариупольского уезда показали нам в поле могилку, в которой они, крестьяне, похоронили наших люисистов. И по сию пору, вспоминая этих простых честных крестьян-борцов, я не могу удержаться от слез. Я все же должен сказать тебе, дорогой мой друг, что это меня как бы вылечило. В тот же день к вечеру я сел в седло и вышел из этого района.

В апреле месяце я связался со всеми своими частями и тем, которые были недалеко от меня, велел сгруппироваться на Полтавщине. К маю месяцу я сгруппировал на Полтавщине Фому Кожина и Куриленко. Это составило более 2000 сабель одной конницы и несколько полков пехоты. Решено было пойти на Харьков и разогнать земных владык из партии коммунистов-большевиков. Но последние не спали. Они выслали против меня боле 60-ти автоброневиков, несколько дивизий конницы, целую армию пехоты. Бой с этими частями длился несколько недель.

Спустя месяц после этих боев там же, на Полтавщине, в одном бою погиб Щусь. Последнее время он был начальником штаба в группе Забудько и очень хорошо и честно работал.

А еще спустя месяц погиб Куриленко. При переходе нашей армии через линию железной дороги он своей группой прикрывал армию, почему, размещая части, он оставался с дежурным взводом, сам лично наблюдал за разъездами. В одном хуторе его схватила кавалерия Буденного, и он там погиб.

18-го мая 1921 г. конная армия Буденного передвигалась из района Екатеринослава на Дон для подавления крестьянского восстания, руководимого нашими товарищами Бровой и Маслаком — командиром 1-ой бригады дивизии армии Буденного, перешедшего со всей бригадой на нашу сторону.

Наша сводная группа под руководством Петренко-Платонова, при которой находился я и главный штаб, стояла в 20–15 верстах от маршрута, по которому двигалась армия Буденного. Это соблазнило Буденного, ибо он хорошо знал, что я нахожусь всегда при сводной группе. Поэтому он приказал начавточасти № 21, двигавшейся в это время туда же на Дон для подавления восстания трудового крестьянства, сгрузить 16 автоброневиков и оцепить предместье с. Ново-Григорьевки (Стременное). Сам Буденный с частями 19-ой кавалерийской дивизии (бывшей дивизии «внус») через поля и дороги пришел в с. Ново-Григорьевку ранее, чем это предполагал начальник автобронечастей, объезжавший речонки и овраги и расставлявший у дорог сторожевые автоброневики. Бдительный глаз наших наблюдателей это вовремя заметил, что дало нам возможность подготовиться, и как раз в то время, когда Буденный подходил к нашему расположению, мы бросились ему навстречу.

В одно мгновение гордо несшийся впереди Буденный бросил своих соратников и, гнусный трус, обратился в бегство.

Кошмарная картина боя развернулась тогда перед нами. Красные части, пришедшие на нас, состояли из бывших войск внутренней охраны, с нами на крымском фронте не были, нас не знали и, следовательно, были обмануты, что они идут против «бандитов», что воодушевляло их гордость — от бандитов не отступать.

Наши же друзья повстанцы чувствовали себя правыми и считали долгом во что бы то ни стало разбить их и разоружить.

Бой был, какие редко до того и после бывали. Он завершился полным поражением Буденного, что послужило разложению армии и бегству из нее красноармейцев.

После этого мною был выделен отряд из сибиряков под командой т-ща Глазунова, который был всем хорошо снабжен и отправился в Сибирь.

В первых числах августа 21 года по большевистским газетам мы читали об этом отряде, что он появился в Самарской губернии. Больше о нем не слыхали.

Все лето 21-го года мы не выходили из боев.

Засуха и неурожай в Екатеринославской, Таврической, частью Херсонской и Полтавской губ., а также на Дону, заставили нас передвинуться частью на Кубань и под Царицын и Саратов, а частью на Киевщину и Черниговщину. На последней все время вел бои тов. Кожин. При встрече с нами он передал мне целые кипы протоколов черниговских крестьян, которые гласят полную поддержку нам в борьбе за вольный советский строй.

Я лично с группами Забудько и Петренко сделал рейс до Волги, обогнул весь Дон, встретился со многими нашими отрядами, связал их между собою и азовской группой (бывшая Вдовиченко).

В начале августа 21 года, ввиду серьезных ранений у меня, решено было временно выехать мне с некоторыми командирами за границу, на излечение.

В это время тяжело были ранены наши лучшие командиры — Кожин, Петренко и Забудько...

13-го августа 1921 г. я с сотней кавалеристов взял направление к берегам Днепра и 16-го августа того же года на рассвете при помощи 17-ти крестьянских рыболовческих лодок между Орликом и Кременчугом переплыл Днепр. В тот же день был шесть раз ранен, но не тяжело.

По пути движения и на правом берегу Днепра мы встречали многие наши отряды, которым освещали цель нашего выезда за границу, и от всех слышали одно: «Уезжайте, вылечите Батько и возвращайтесь снова к нам на помощь...» 19-го августа, в 12-ти верстах от Бобринца мы наткнулись на расположенную по реке Ингулец 7-ю красноармейскую кавалерийскую дивизию. Поворот назад грозил нам гибелью, т. к. один кавалерийский полк заметил нас справа и устремился отрезать нам путь назад. Вследствие чего я попросил Зиньковского посадить меня на лошадь. В мгновение ока, обнажив шашки и с криком «ура» бросились мы в деревню и вскочили в расположение пулеметной команды упомянутой кавдивизии. Захватив 13 пулеметов «Максима» и три — «Люйса», мы двинулись дальше.

В то время, что мы брали пулеметы, вся кавалерийская дивизия выскочила из села Николаевки и ближайших хуторов в поле и, опомнившись, перешла в контратаку. Мы, таким образом, оказались в мешке. Однако не потеряли духа. Сбив с нашего пути 38-ой полк 7-ой кавдивизии, мы затем шли на протяжении 110 верст, отбиваясь от непрерывных атак этой дивизии, и в конце концов ушли от нее, правда, потеряв 17 человек лучших наших товарищей.

22 августа со мной снова лишняя возня — пуля попала мне ниже затылка с правой стороны и навывлет в правую щеку. Я снова лежу в тачанке. Но это же ускоряет наше движение. 26-го августа мы принимаем новый бой с красными, во время которого погибли наши лучшие товарищи и бойцы — Петренко-Платонов и Иванюк. Я делаю изменение маршрута и 28 августа 1921 г. перехожу Днестр. Я — за границей...»[174]

Так в конце 1921 года завершилась великая народная драма Украины, драма, составляющая часть истории *народа* — а не партий, властей и систем угнетения, — о которой, однако (или же по этой самой причине) даже не *подозревают* за пределами России,[175] правда заботливо скрывается всякими патентованными «сверхчеловеками» и их приспешниками.

Ибо историческая истина сбросила бы всех этих пигмеев с их глиняных пьедесталов, точно так же, как *Подлинная Народная Революция* вскоре навсегда обратит в пыль всех «сверхчеловеков» у власти, кем бы они ни были. Тогда придут те, кто узнает и осмелится, наконец, написать *подлинную историю* народов.

Используя многочисленные армии, не останавливаясь перед самыми жестокими репрессивными мерами, коммунистическое правительство быстро подавило и рассеяло последние отряды махновцев, оставшиеся на Украине.

Разумеется, оно также покончило с сопротивлением последних петлюровских групп на юго-западе страны, с многочисленными отрядами крестьян, стихийно поднявшимися против новых господ или «ушедших в партизаны» из страха беспощадной расправы.

Махно с горсткой верных товарищей бежал за границу. Ему больше не суждено было увидеть свою родину.

Большевики подчинили своей диктатуре всю страну.

Глава VII. Судьба Махно и некоторых его товарищей.

Эпилог

Эпилогом нашей работы послужит рассказ о финальных репрессиях и судьбе отдельных махновцев.

Несомненно, третья и последняя война большевиков против махновцев была и войной *против всего украинского крестьянства.*

Речь шла не только об уничтожении Повстанческой армии, но и об окончательном покорении *всей этой мятежной массы*, лишившем ее малейшей возможности взяться за оружие и возродить движение. Большевики стремились подавить *в зародыше* всякий дух сопротивления.

Красноармейские дивизии методично прочесывали все села повстанческого района, убивали крестьян, зачастую — показательный факт — после доносов местных кулаков.

Сотни крестьян были расстреляны в Гуляй-Поле, Новоспасовке, Успеновке, Малой Токмачке, Пологах и других селах.

Иногда жаждавшие крови чекисты убивали жен и детей повстанцев.

Репрессиями руководил Фрунзе, главнокомандующий Южным фронтом. «Необходимо в два счета покончить с Махновщиной», — писал он в своем приказе накануне карательной акции. И вел себя как солдафон, верный слуга своих господ, поступая с «*мужицкой сволочью*» подобно завоевателю, «господину», сея вокруг себя смерть и горе.

А теперь о судьбе основных вдохновителей народного движения на Украине[176].

Семен Каретников, бедный гуляй-польский крестьянин. Работал батраком. Ему удалось лишь год проучиться в школе. Анархист с 1907 года, принял участие в движении с самого его начала. Неоднократно проявлял себя как способный военачальник. Был несколько раз ранен в боях с Деникиным. Член Совета революционных повстанцев Украины, один из лучших командующих Повстанческой армии. В 1920 году часто заменял Махно на посту главнокомандующего. Руководил экспедиционным корпусом, отправленным в Крым на борьбу с Врангелем. После разгрома последнего был вызван большевиками якобы на военный совет, но предательски захвачен в пути и расстрелян в Мелитополе. Его вдова

осталась одна с малолетними детьми.

Марченко. Выходец из семьи бедных гуляй-польских крестьян. Школу не окончил. Анархист с 1907 года (как Махно и Каретников), один из зачинателей повстанческого движения. Несколько раз был ранен в боях с деникинцами. В 1919–1920 гг. командовал махновской конницей и входил в Совет революционных повстанцев. Погиб в январе 1921 года под Полтавой в бою с красными. Был женат.

Григорий Василевский. Сын бедного крестьянина из Гуляй-Поля. Получил начальное образование. Стал анархистом еще до февральской революции, стоял у истоков махновского движения. Личный друг Махно, не раз заменял его на посту командующего. Погиб в декабре 1920 года под Киевом в бою с красными. Был женат, имел несколько детей.

Борис Веретельников. Крестьянин из Гуляй-Поля. Впоследствии — рабочий-литейщик в том же селе, затем на Путиловском заводе в Петрограде. Бывший эсер, в 1918 году стал анархистом. Выдающийся оратор и организатор, активный участник русской Революции. В 1918 году вернулся в Гуляй-Поле и занялся революционной пропагандой. Позднее вступил в Повстанческую армию, выказал недюжинные способности в военном деле и некоторое время был начальником ее штаба. В июне 1919 года во главе спешно сформированного отряда выступил против Деникина, подходившего к Гуляй-Полю. Отряд был полностью окружен, его командир сражался до конца и погиб вместе со своими товарищами. Был женат, имел детей.

Петр Гавриленко. Гуляй-польский крестьянин, стал анархистом во время революции 1905–1906 гг. Будучи командующим III корпусом повстанцев-махновцев, сыграл большую роль в разгроме Деникина в июне 1919 года. В 1921 году начальник штаба Крымской армии. После победы над Врангелем был вместе с Каретниковым предательски схвачен большевиками и расстрелян в Мелитополе.

Василий Куриленко. Крестьянин из Новоспасовки, получил начальное образование. Анархист с 1917 года. Талантливый народный пропагандист, обладавший прекрасными личными качествами, он проявил себя также как один из лучших командиров Повстанческой армии. Был не раз ранен, одержал ряд побед над деникинцами. Погиб в стычке с красными летом 1921 года. Был женат.

Виктор Белаш. Крестьянин из Новоспасовки. Получил начальное образование. Анархист. До 1919 года командовал одним из махновских полков. Талантливый стратег, он стал начальником штаба Повстанческой армии и разработал ряд удачных планов сражений. В 1921 году захвачен большевиками. Его дальнейшая судьба нам неизвестна[177].

Вдовиченко. Крестьянин из Новоспасовки. Анархист. Образование начальное. Один из активнейших участников революционного повстанческого движения, командовал особым отрядом махновцев. Внес значительный вклад в победу над Деникиным у Перегоновки в сентябре 1919 года. В 1921 году взят в плен большевиками, с негодованием отверг их предложение о сотрудничестве. Дальнейшая судьба нам неизвестна[178].

Петр Рыбин (Зонов). Токарь, родом из Орловской губернии. Участник революции 1905 года, эмигрировал в Америку, где активно участвовал в революционном движении русских эмигрантов. В 1917 году вернулся в Россию, обосновался в Екатеринославе, где принял участие в народной реорганизации промышленности и транспорта. Вначале, как специалист по профсоюзного движению, сотрудничал с большевиками. Но в 1920 году осознал, что дальнейшее сотрудничество невозможно, ибо, на его взгляд, большевики действовали вразрез с подлинными интересами рабочих и крестьян. Осенью 1920 года он присоединился к махновскому движению, отдав ему все свои силы и знания. В 1921 году в Харькове был арестован ЧК и расстрелян[179].

Калашников. Сын рабочего. Получил образование, до революции был унтер-офицером царской армии. В 1917 году стал секретарем анархистской ячейки Гуляй-Поля. Позднее вступил в Повстанческую армию и выдвинулся на командные посты. В 1919 году был одним из главных организаторов восстания красноармейцев в Новом Буге, когда махновские полки, временно вошедшие в армию большевиков, получили приказ возвратиться в Повстанческую армию и увлекли за собой ряд красных частей. В 1920 году погиб в бою с красными. Был женат, имел ребенка.

Михалев-Павленко. Сын крестьянина из Центральной России. В 1917 году член петроградской группы анархистов. В начале 1919 года приехал в Гуляй-Поле. Получил хорошее профессиональное образование, организовал и возглавил инженерные и саперные части Повстанческой армии. 11 или 12 июня 1919 года, находясь в бронепоезде, сражавшемся против войск Деникина, был вместе со своим товарищем Бурбыгой предательски схвачен по приказу Ворошилова (командовавшего XIV большевистской армией) и казнен 17 июня в Харькове.

Макеев. Рабочий из Иваново-Вознесенска (Московской губернии). Член местной группы анархистов. В конце апреля 1919 года вместе с 35 товарищами приехал в Гуляй-Поле. Вначале занялся пропагандой. Затем вступил в Повстанческую армию, вошел в ее штаб. Погиб в бою с деникинцами в ноябре 1919 года.

Щусь. Бедный крестьянин из села Большая Михайловка, служил матросом на царском флоте. В начале Революции стал одним из первых и наиболее активных повстанцев на юге Украины. С группой партизан вел ожесточенную борьбу против австро-германцев и гетмана. Позднее присоединился к Повстанческой армии, занимал в ней различные командные посты. В июне 1921 года был смертельно ранен в бою с красными.

Исидор Лютый. Один из беднейших крестьян Гуляй-Поля. Маляр. Анархист и близкий друг Махно, с самого начала участвовал в повстанческом движении. Погиб в сражении с деникинцами под Перегоновкой в сентябре 1919 года.

Фома Кожин. Крестьянин-революционер. Способный командир отряда пулеметчиков Повстанческой армии, сыграл большую роль в боях с Деникиным и Врангелем. В 1921 году во время боя с красными был тяжело ранен. Дальнейшая судьба нам неизвестна[180].

Братья Лепетченко Иван и Александр. Гуляй-польские крестьяне. Анархисты. Сражались с гетманом, активно участвовали во всех действиях махновской армии. Александр Лепетченко был схвачен большевиками и расстрелян в Гуляй-Поле весной 1920 года. Судьба его брата нам неизвестна.

Братья Нестора Махно Григорий и Савва. Активные участники восстания. Григорий погиб в сентябре 1919 года в бою с деникинцами. Савва, старший из братьев, был арестован большевиками в Гуляй-Поле — не в бою, а в собственном доме — и расстрелян.

Назовем еще некоторых активных участников движения: *Буданов*, рабочий-анархист (судьба неизвестна); *Чернокнижный*, учитель (судьба неизвестна); братья *Чубенко*, рабочие (судьба неизвестна); *Данилов*, крестьянин (судьба неизвестна); *Середа*, крестьянин (тяжело ранен в бою с врангелевцами, помещен в госпиталь большевиками до их разрыва с Махно, после этого разрыва, в марте 1921 года, был ими вероломно расстрелян); *Гаркуша* (убит в 1920 году); *Коляда* (судьба неизвестна); *Клейн* (судьба неизвестна); *Дерменджи* (судьба неизвестна); *Правда* (судьба неизвестна); *Бондарец* (убит в 1920 году); *Брова* (убит); *Забудько* (убит); *Петренко* (убит); *Маслак* (судьба неизвестна); *Троян* (убит); *Голик* (судьба неизвестна); *Чередняков* (расстрелян); *Доценко* (судьба неизвестна); *Коваль* (судьба неизвестна); *Пархоменко* (убит); *Иванюк* (убит); *Тарановский* (убит); *Попов* (расстрелян); *Домашенко* (судьба неизвестна); *Тыхенко* (судьба неизвестна); *Бурыма* (судьба неизвестна); *Чумак*, *Крат*, *Коган* и многие другие[181].

Все эти люди, как и тысячи безвестных бойцов, вышли из среды трудового народа; все они проявили себя в революции и отдали свои силы и даже жизнь подлинному делу трудящихся. Это дело стало для них всем. Остальное — личная жизнь, семьи, скудное имущество — уже не имело значения. Надо было обладать наглостью, бесстыдством, подлостью большевиков — этих выскочек гнусной породы «государственных деятелей», — чтобы называть народное революционное движение во имя высоких целей «кулацким мятежом» и «бандитизмом».

Расскажем еще об одном случае, одиозном по сути своей.

Богуш, русский анархист, эмигрировавший в Америку, в 1921 году возвратился в Россию, высланный из США вместе с другими эмигрантами[182].

Во время заключения соглашения между махновцами и большевиками он находился в Харькове. Наслышанный о Гуляй-Поле, Богуш захотел отправиться туда, чтобы на месте изучать Махновщину. Увы! В Гуляй-Поле он провел на свободе лишь несколько дней. Сразу же после разрыва соглашения ему пришлось возвратиться в Харьков. Там он был арестован ЧК и в марте 1921 года расстрелян.

Эта казнь допускала лишь одно объяснение: большевики не хотели оставлять в живых человека, имевшего связи с границей и знавшего правду о нападении на махновцев, которую он мог рассказать за пределами России.

Что касается самого *Нестора Махно*, в августе 1921 года он оказался за **границей** — **сначала в Румынии. Там он был интернирован вместе со своими товарищами, однако ему удалось переправиться в Польшу, где его арестовали и отдали под суд за**

ущерб, якобы нанесенный им интересам Польши на Украине. Он был оправдан^[183] и уехал в Данциг, где вновь оказался в заключении. Выйдя с помощью товарищей на свободу, он окончательно поселился в Париже.

Тяжело больной, страдая от многочисленных ран, не зная языка страны и с трудом приспособляясь к новой обстановке, столь отличной от той, к которой **привык на родине, Махно жил трудно, как в материальном, так и в душевном плане. Его жизнь за границей была, по сути, лишь медленной и мучительной агонией, с которой он не в силах был бороться. Груз этих тяжких лет заката ему помогали нести друзья**^[184].

Иногда он становился деятельным. В часы досуга писал историю своей борьбы и Революции на Украине. Но закончить этот труд ему было не суждено. Воспоминания обрываются концом 1918 года. Мы уже писали, что они вышли в трех томах: первый, на русском и французском, появился при жизни автора; второй и третий, только на русском, после его смерти.

Его здоровье быстро ухудшалось. Он умер в больнице Тенон в июле 1935^[185] года.

После кремации урна с его прахом была захоронена на кладбище Пер-Лашез.

У него остались вдова и дочь.

Прежде чем завершить последнюю главу этой книги, мне необходимо выполнить двойной долг: с одной стороны, опровергнуть *клевету* — большевистскую и не только, — которую использовали и используют до сих пор для того, чтобы извратить смысл народного движения, опорочить Повстанческую армию и лично Махно; с другой, отметить *действительные слабые стороны, недостатки* Махновщины и ее руководителей.

Мы говорили о том, какие усилия предпринимали большевики, чтобы представить махновское движение как *бандитизм* и Махно как опасного бандита.

Приведенные в этой книге документы позволят читателю, надеюсь, самостоятельно вынести суждение о подобных низостях. Сказанного уже достаточно.

Однако необходимо подчеркнуть некоторые факты, которые придали этой версии *правдоподобный вид*, способствовали ее распространению и утверждению в умах людей. Большевики очень ловко сумели этим воспользоваться.

Прежде всего отметим, что, несмотря на массовый масштаб, махновское движение по ряду причин осталось в определенных границах, словно в закрытом сосуде, в изоляции от остального мира.

Ему, движению *самих* народных масс, были абсолютно чужды всякие проявления парадности, шума, саморекламы, «прославления» и т. д. Оно не осуществляло никаких «политических» акций, не выдвинуло никакой «правлящей элиты», не зажгло ни одной «звезды».

Как подлинное *движение* — всегда конкретное, живущее полной *жизнью*, а не бумажками или подвигами «гениальных, выдающихся вождей», — оно не имело ни времени, ни возможности, ни даже желания собирать, увековечивать «для потомства» свои идеи, документы, акты. От него осталось мало вещественных следов. Его подлинные лозунги нигде не были записаны. Документы практически не сохранились, а то, что осталось, малоизвестно.

Окруженное беспощадными врагами, непрерывно подвергавшееся атакам партии власти, удушенное безликой силой «государственных деятелей» и их окружения, потерявшее, наконец, более 90 % своих лучших представителей, это движение неизбежно было обречено остаться в тени.

Нелегко проникнуть в самую его суть. Когда тысячи скромных героев революционной эпохи забыты навсегда, остается практически неизвестным и махновское движение, героическая эпопея украинских трудящихся. И в теперешних условиях я не уверен даже, что это очень краткое исследование когда-нибудь получит продолжение в виде обширного труда, достойного темы.

Конечно, большевики прекрасно использовали отсутствие информации, чтобы представить движение так, как им было выгодно.

И вот еще один важный момент:

Во время междоусобной борьбы на Украине — запутанной, беспорядочной, полностью дезорганизовавшей жизнь страны — расплодились вооруженные формирования, состоявшие из деклассированных и разочаровавшихся элементов, руководимые всякого рода авантюристами, грабителями и «бандитами». Эти отряды не брезговали определенным «камуфляжем»: их члены зачастую носили черные повязки и охотно называли себя «махновцами», в зависимости от обстоятельств. Естественно, это приводило к досадной путанице.

Разумеется, подобные отряды не имели ничего общего с махновским движением.

Разумеется также, что сами махновцы сражались с такими бандами и громили их.

Разумеется, наконец, что большевики прекрасно сознавали различия между повстанческим движением и вооруженными бандами без стыда и совести. Но подобная путаница наилучшим образом отвечала их интересам, и, будучи «опытными государственными деятелями», они не стеснялись ее использовать.

Добавим, к слову, что махновцы весьма заботились о репутации своей армии. Они внимательно наблюдали — что было совершенно естественно — за поведением каждого бойца и, в целом, вели себя корректно по отношению к населению. Они не держали у себя тех, кто по своему умственному и нравственному уровню не поднялся до участия в движении.

Доказательством служит эпизод, имевший место в Повстанческой армии после разгрома авантюриста Григорьева (лето 1919 года).

Этому бывшему царскому офицеру удалось вовлечь в довольно массовый мятеж против большевиков — мятеж реакционный, погромный и отчасти проникнутый духом разбоя — несколько тысяч молодых украинских крестьян, в большинстве своем несознательных и обманутых. Трудящиеся массы, быстро распознав подлинную суть движения, оценили авантюру по справедливости и помогли махновцам и большевикам положить ей конец.

В июле 1919 года в деревне Сентово Махно и его товарищи разоблачили Григорьева на публичном собрании, куда последний был приглашен. Грубый, невежественный и совершенно не понимавший умонастроений махновцев, он выступил первым и произнес речь, проникнутую реакционным духом. Махно ответил ему так, что тот понял: все пропало, остается прибегнуть к оружию. В ходе короткой стычки он и его охранники были убиты.

Тогда возникло предложение, чтобы молодые григорьевцы, подавляющее большинство которых, несмотря ни на что, было настроено революционно вопреки своему лидеру, вступили, если пожелают, в махновскую Повстанческую армию.

Но позднее почти всех новобранцев пришлось распустить по домам. Ибо эти вояки, несознательные и приобретшие дурные привычки за время пребывания в отряде Григорьева, не в состоянии были достичь морального уровня бойцов-махновцев. Разумеется, последние считали, что со временем их удастся перевоспитать. Но в сложившейся тогда ситуации заниматься ими не было возможности. И, чтобы не нанести ущерб доброму имени Повстанческой армии, их из нее исключили.

Относительно махновского движения в целом и Махно лично распространялась самая гнусная клевета. Ее повторяли как многочисленные авторы всех направлений, так и всякого рода болтуны. Одни делали это намеренно. Другие — большинство — повторяли ее, не утруждая себя проверкой «слухов» и детальным изучением фактов.

Говорилось же о том, что махновцы и лично их лидер были проникнуты духом *антисемитизма*, преследовали и убивали евреев, поощряли и даже устраивали погромы. Наиболее осторожные упрекали Махно в «скрытом» антисемитизме, в том, что он терпимо относился, «закрывал глаза», если не симпатизировал совершаемым «его бандами» нападениям на евреев.

Мы могли бы десятки страниц заполнить *неопровержимыми* доказательствами лживости подобных измышлений. Процитировать статьи и прокламации Махно и Совета революционных повстанцев против того позора для человечества, коим является антисемитизм. Рассказать о том, что Махно и его сторонники всегда возмущались, узнавая о малейших проявлениях антисемитских настроений (со стороны отдельных, заблуждавшихся личностей) в армии и среди населения. (Махно без колебаний, немедленно реагировал на подобные явления, как поступил бы любой гражданин, столкнувшись с несправедливостью, преступлением или откровенным насилием.)

Одной из причин казни махновцами Григорьева были его антисемитизм и массовый еврейских погром, организованный им в Елисаветграде, который привел к гибели около 3 тысяч человек.

По той же причине были исключены из Повстанческой армии вступившие в нее поначалу григорьевцы, которым их бывший лидер внушил антисемитские настроения.

Мы могли бы привести здесь целый ряд аналогичных фактов, процитировать подлинные документы, опровергающие то, что утверждалось клеветниками и разделялось бессовестными людьми. Кое-что приводит в своей книге Петр Аршинов. Мы не считаем нужным повторять это еще раз и уделять особое место данной теме — что заняло бы слишком много места. Впрочем, все сказанное о характере движения не оставляет камня на камне от подобного обвинения.

Отметим лишь несколько общих истин:

- 1) В махновской армии довольно значительную роль играли революционеры еврейского происхождения.
- 2) Несколько членов Культпросвета были евреями.
- 3) Кроме многочисленных бойцов-евреев в различных отрядах Повстанческой армии, имелась артиллерийская батарея и пехотный полк, состоявшие исключительно из евреев.
- 4) Еврейские колонии на Украине дали многих бойцов махновской армии.
- 5) В целом многочисленное еврейское население Украины принимало активное участие в движении, оказывало ему братскую поддержку. Жители еврейских сельских колоний в районах Мариуполя, Бердянска, Александровска и т. д. участвовали в общих собраниях крестьян, рабочих и партизан; посылали своих делегатов в районный Военный революционный совет.
- 6) *Богатые и реакционно настроенные* евреи, разумеется, страдали от действий махновской армии, но не *как евреи*, а исключительно как контрреволюционеры, наравне с реакционерами нееврейского происхождения.

Что я считаю необходимым привести здесь, так это свидетельство выдающегося еврейского писателя и историка Чериковера, с которым у меня несколько лет назад в Париже была возможность обсудить все эти вопросы.

Чериковер не является ни революционером, ни анархистом. Он просто скрупулезный, кропотливый, объективный историк. Многие годы он изучал преследования евреев, погромы в России и опубликовал фундаментальные, точные и тщательно документированные исследования на эту тему. Из многих стран мира поступали к нему свидетельства, документы, рассказы, фотографии и т. д. Он выслушивал сотни показаний, официальных и неофициальных. И тщательно проверял все собранные факты, прежде чем ввести их в научный оборот.

Вот что он дословно ответил на мой вопрос, известно ли ему что-нибудь в точности о поведении махновской армии и самого Махно по отношению к еврейскому населению:

— Я, — сказал он, — действительно неоднократно обращался к этому вопросу. Вот к какому выводу я пришел в настоящий момент на основе изучения собранных свидетельств: армия — всегда армия, какой бы она ни была. *Всякая* армия неизбежно совершает предосудительные и неблагоприятные поступки, ибо физически невозможно контролировать и отслеживать поведение каждой личности в этой массе людей, оторванных от здоровой и нормальной жизни, оказавшихся в обстановке, способствующей проявлению дурных инстинктов, требующей применения насилия и, очень часто, позволяющей безнаказанность. Вы, разумеется, знаете это не хуже меня. Махновская армия не являлась исключением из правила. Она также совершала время от времени предосудительные акты. Но — для вас это имеет значение, и я рад, что могу заявить вам со всей уверенностью: *в целом* поведение армии Махно несопоставимо с поведением других армий, действовавших в России в 1917–1921 годах. Могу привести вам два факта:

1) Бесспорно, что из всех этих армий, включая Красную, армия Махно лучше всего вела себя по отношению к гражданскому населению в целом и к евреям в частности. Я имею на сей счет множество неопровержимых свидетельств. Процент *обоснованных* жалоб на махновскую армию по сравнению с остальными незначителен.

2) Не будем говорить о погромах, якобы организованных или поощряемых Махно. Это либо клевета, либо ошибка. Ничего подобного не имело места.

Что же касается махновской армии как таковой, я получал информацию на этот счет. Но, по меньшей мере, до сего дня, каждый раз, когда я хотел проверить факты, я был вынужден констатировать, что в данное время *ни один махновский отряд не мог находиться в указанном месте*, армия была далеко. Проверая факты, я *всякий раз* убеждался: когда совершался погром, поблизости не действовало никакого *махновского* отряда. *Ни разу* я не смог обнаружить присутствия какой-либо махновской части в месте, где происходил еврейский погром. Следовательно, погромы не были делом рук махновцев.

Это свидетельство, абсолютно точное и беспристрастное, имеет важнейшее значение.

Оно, в числе прочего, подтверждает факт, о котором мы уже говорили: наличие банд, которые, творя всякого рода злодеяния и не брезгуя грабежами во время еврейских погромов, прикрывались именем «махновцев». Лишь тщательное исследование позволило установить истину. И нет никакого сомнения, что в отдельных случаях само население оказывалось введенным в заблуждение.

И вот важный факт, о котором необходимо всегда помнить читателю.

«Махновское» движение не являлось единственным массовым революционным движением на Украине. Это было лишь самое значимое, самое сознательное, более всего народное и революционное движение. Другие движения — менее массовые, хуже организованные — возникали тут и там вплоть до того дня, когда последний свободный голос был удушен большевиками: таково, например, движение «зеленых», о котором писала зарубежная

печать и которое часто путают с махновским движением.

Не столь ясно сознающие, в отличие от повстанцев из Гуляй-Поля, свои подлинные задачи, бойцы различных вооруженных формирований часто совершали достойные сожаления эксцессы. И зачастую последствия подобного поведения испытывало на себе движение махновское (чего только ему ни приписывали!).

Большевики, в числе прочего, упрекали махновцев в том, что те не смогли положить конец существованию «этих беспорядочных банд», объединить их в единое движение, организовать и т. д. Подобный упрек служит примером большевистского лицемерия. На самом деле большевистское правительство более всего беспокоило именно возможность объединения всех народных революционных сил Украины под эгидой махновского движения. И большевики сделали все возможное, чтобы ему воспрепятствовать. После этого упрекать махновцев в том, что они не добились объединения, — все равно, что упрекать человека за то, что он не может ходить со связанными ногами.

Махновцы, несомненно, объединили бы в итоге под своими знаменами все революционные народные движения страны. Тем более, что в каждом из этих движений внимательно прислушивались к тому, что происходило в махновском лагере, ибо считали махновское движение самым значительным и сильным. Так что не махновцы несут ответственность за невыполнение этой задачи, что могло бы резко изменить ход событий.

Вообще махновские повстанцы — как все население свободного района и не только — не обращали никакого внимания на национальность трудящихся.

С самого начала «Махновщина» являлась движением масс бедняков всех национальностей, проживавших в районе. Большинство, разумеется, составляли украинские крестьяне. От 6 до 8 процентов насчитывали трудящиеся из Великороссии. Затем шли греки, евреи и другие.

«Крестьяне, рабочие и повстанцы! — читаем мы в махновской листовке, выпущенной в мае 1919 года. — Вы знаете, что в страшной пропасти бедноты прозябают одинаково рабочие всех национальностей: и русские, и евреи, и поляки, и немцы, и армяне, и т. д. [...] Вы знаете, как много честных, искренних евреев-борцов революции погибает за свободу России в течение всего нашего освободительного движения.

Революция и честь трудящихся обязывает нас крикнуть громко, так, чтобы содрогнулись все темные силы реакции, о том, что мы ведем борьбу с одним общим врагом — с капиталом и властью, одинаково угнетающей тружеников: русских, поляков, евреев и т. д. Мы должны объявить всюду, что нашим врагом являются эксплуататоры и поработители разных наций: и русский фабрикант, и немецкий заводчик, и еврейский банкир, и польский помещик... Буржуазия всех стран и национальностей объединилась для жестокой борьбы против революции, против трудящихся масс всего мира и всех национальностей».[186]

Махновское движение, созданное угнетенными и построенное на естественном союзе трудящихся, с самого начала было проникнуто глубоким чувством братства всех народов. Ни разу не воззвало оно к национальным или «патриотическим» чувствам. Борьба махновцев

против большевизма велась исключительно во имя прав и интересов людей труда. Национальные предрассудки не имели на Махновщину никакого влияния. Никто и никогда не интересовался национальностью бойцов, не беспокоился из-за этого.

Впрочем, подлинная Революция вносит глубокие изменения в личность и массы. При условии, что осуществляют ее *сам народ*, при условии его полной *свободы дискуссий и действий*, при условии, что ничто не мешает ему идти своим путем, порыв революционных масс безграничен. И тогда можно видеть, с какой простотой и легкостью этот естественный порыв сметает все предрассудки, искусственные понятия, эти призраки, насаждавшиеся тысячелетиями — национальные, властные, религиозные.

Большевики выдвигают против Махно и повстанческого движения еще одно обвинение: они утверждают, что Махно являлся если не «бандитом», то, по меньшей мере, авантюристом вроде Григорьева, хотя и обладал большим умом, хитростью и «блеском». Они заявляют, что Махно преследовал в движении личные цели, прикрываясь «анархической» идеологией; вел себя как «царек», наплевав на различные комитеты, комиссии и советы; осуществлял на самом деле беспощадную личную диктатуру, а участвовавшие в движении идейные активисты обманывались, по наивности или сознательно; что он окружил себя камарильей «командиров», тайком совершавших отвратительные акты насилия, предававшихся разврату; что Махно покрывал подобные действия и сам участвовал в них под носом у «идеологов», которых в глубине души презирал и над которыми насмехался так же, как над их идеями, и т. д.

Здесь мы касаемся деликатной проблемы. Ибо имеются факты, придающие этой версии *правдоподобие*, чем успешно воспользовались большевики.

Одновременно мы должны рассмотреть некоторые *реальные недостатки и слабости* движения и его вождя: их глубокое исследование необходимо ради интересов дела.

Выше мы уже вкратце перечислили слабые стороны движения. Также упоминались и отдельные личные недостатки Махно.

Петр Аршинов в своей работе также уделил этому несколько строчек.

Мы считаем, что одних общих рассуждений здесь недостаточно. Необходимо остановиться подробнее на отдельных моментах.

Тщательно исследуя махновское движение, нужно выделять три категории недостатков:

Во-первых, недостатки общего порядка. Они не зависели от воли участников движения, и нельзя ставить их им в вину. Это: необходимость вести почти непрерывные бои, перемещаясь с места на место, нигде не задерживаясь подолгу и, следовательно, не имея возможности последовательно проводить конструктивную работу; существование армии, которая неизбежно становилась все более профессиональной; отсутствие в районе восстания мощного и организованного рабочего движения, которое могло бы оказать ему поддержку; нехватка интеллектуальных сил на службе движения.

Во-вторых, некоторые недостатки индивидуального характера, в которых опять же нельзя никого винить: недостаток образования, теоретических и исторических знаний — то есть, неизбежно, слабая способность к обобщению и анализу — у вдохновителей движения. Добавим сюда же излишнее доверие махновцев к коммунистическому государству и его методам.

И последнее, личные недостатки Махно и его ближайших товарищей. Их как раз можно было избежать.

Что касается двух первых категорий, мы не видим необходимости подробно останавливаться на них после всего, что уже было сказано в этой книге.

Существует, однако, аспект, который заслуживает нашего внимания: это длительное существование *армии*.

Всякая армия, какой бы она ни была, является *злом*. Даже свободная и народная, состоящая из добровольцев и созданная для защиты благородного дела, представляет *опасность*. Став постоянной, она неизбежно отдаляется от народа и мирного труда; теряет привычку к здоровой трудовой жизни; постепенно, незаметно — и это тем более опасно — становится сборищем бездельников с антиобщественными, авторитарными, «диктаторскими» наклонностями; приобретает вкус к *насилию*, то есть *грубой силе*, причем тогда, когда подобные средства противоречат цели, которую она, как думается, защищает.

Особенно подобным недостаткам подвержены командиры. Но и масса бойцов все чаще следует за ними, почти неосознанно, даже когда они не правы.

Таким образом, в конечном счете всякая постоянная армия имеет тенденцию к превращению в орудие несправедливости и угнетения. Она забывает о своей первоначальной роли и начинает считать себя «самоценной».

Действительно, даже в здоровой и благоприятной атмосфере вдохновители и военные руководители движения должны обладать исключительно высокими духовными и нравственными личными качествами, которым не страшны никакие испытания и искушения, чтобы удалось избежать подобного зла, заблуждений, трудностей, опасностей.

Обладали ли Махно и другие организаторы движения и Повстанческой армии такими качествами? Сумели ли они не поддаться распушенности и упадку? Избавили ли армию и движение от зрелища «банкротства вождей»?

Мы с сожалением должны констатировать, что *нравственные* качества Махно и многих его друзей и соратников не оказались в полной мере на высоте задачи.

Во время своего пребывания в армии я часто слышал, что некоторые командующие — в основном речь шла о Куриленко — в нравственном плане больше, чем Махно, подходили для руководства движением. Иногда добавлялось, что по своим военным способностям тот же Куриленко, например, ни в чем не уступал Махно и даже превосходил его широтой взглядов. Когда я спрашивал, почему после этого Махно сохранял свои полномочия, мне отвечали, что

за некоторые черты характера масса больше любит и уважает Махно; что его лучше знают, он пользуется абсолютным товарищеским доверием, и это очень важно для движения; что он «проще», «смелее», настоящий «товарищ» и «крестьянин» и т. д. (Я не был знаком с Куриленко и ничего не могу о нем сказать.)

Во всяком случае, Махно и многим его друзьям не хватало сознания определенных нравственных обязательств, чтобы всегда оставаться на уровне своих задач.

Здесь мы подходим к действительным слабостям движения и личным недостаткам его вдохновителей, слабостям и недостаткам, позволившим большевикам придать видимость правдоподобия своим измышлениям; слабостям и недостаткам, которые нанесли большой ущерб движению и его репутации.

Не следует строить иллюзий. Было бы неразумным представлять махновское движение абсолютно безгрешным, а его вдохновителей — *героями* без страха и упрека.

«Махновщина» — дело рук людей. Как и всякое человеческое творение, она имела свои светлые и *теневые* стороны. Необходимо рассмотреть последние, чтобы остаться беспристрастными и правдивыми, а главное, чтобы лучше понять целостную картину и извлечь из нее полезные выводы.

Для начала процитируем Петра Аршинова:

«В личности Махно, — пишет он, — ярко проявлены черты большого человека — ум, сила воли, смелость, энергия, активность. В соединении эти черты создавали могучий облик и возвышали Махно даже в революционной среде.

Однако у Махно была недостаточная теоретическая подготовка, недостаточные исторические и политические знания. Поэтому он часто не справлялся с революционно-теоретическими построениями или просто упускал их из виду.

Широкое движение революционного повстанчества нуждалось в своих социально-революционных формулах. Махно, при недостатке теоретических знаний, не всегда удавалось сделать выводы обобщающего характера. При том положении, которое он занимал в революционном повстанчестве, это отражалось на всем движении.

Мы того мнения, что, обладая Махно большими знаниями по истории и общественно-политическим вопросам, революционное повстанчество вместо некоторых поражений имело бы ряд выдающихся побед, которые сыграли бы колоссальную — быть может, решающую роль в дальнейшей судьбе всей русской революции»[187].

Совершенно справедливо. Но это еще не все.

«В самой личности Махно была, кроме того, черта, которая ослабляла его сильные стороны — это временами проявлявшаяся в нем доля беззаботности. Перед лицом серьезнейших требований момента этот человек, полный энергии и настойчивости, вдруг становился несвоевременно беспечным и не проявлял в полной мере того проникновенного отношения к

задаче дня, которое требовалось общим положением.

Так, победы махновцев над контрреволюцией Деникина осенью 1919 г. не были максимально использованы и развиты до размеров общеукраинского повстанья, хотя обстановка для этого была очень благоприятная. Причинами этому, наряду с прочими, были, в некоторой степени, увлечение минутой победы, спокойствие и беспечность, с которыми руководители повстанчества совместно с Махно расположились в освободившемся районе, не отдав должного внимания быстро надвигавшемуся с севера большевизму».[188]

Совершенно верно. Но опять-таки не все.

Слова Аршинова о «беззаботности» нуждаются в пояснении. Ибо, с одной стороны, беззаботность очень часто являлась следствием иного рода слабости, а с другой, эти личные недостатки часто вызывали у Махно упаднические настроения, от которых, вне сомнения, страдало все движение[189].

Парадоксальность личности Махно заключалась в том, что человек этот, обладавший силой воли и незаурядным характером, не мог противостоять некоторым слабостям и искушениям, которые брали верх над ним и разделялись многими его друзьями и соратниками. (Иногда эти последние неблагоприятно влияли на него, а он не мог решительно возразить.)

Его самым большим недостатком было, конечно, *злоупотребление алкоголем*. Он пил все больше и иногда оказывался в довольно жалком состоянии.

Пьянство затрагивало в основном его нравственные качества. Физически он оставался крепким. Но под воздействием алкоголя становился злым, возбужденным, несправедливым, невыносимым, грубым. Не раз во время своего пребывания в армии я уходил от него в отчаянии, не в силах добиться от этого человека ничего разумного из-за его ненормального состояния, причем необходимо было срочно принимать важные решения! А иногда такое состояние становилось для него почти... «нормальным»!..

Вторым недостатком Махно и многих его друзей — не только командиров — было их отношение к женщинам. Выпив, эти люди совершали недопустимые — одиозные, другого слова нет — поступки, вплоть до оргий, в которых были вынуждены участвовать некоторые женщины.

Нет нужды говорить, что такой разврат оказывал деморализующее воздействие на тех, кто об этом знал. Страдала и репутация командования.

Подобное поведение неизбежно влекло за собой другие эксцессы и злоупотребления. Под воздействием алкоголя Махно переставал отвечать за свои действия — он терял контроль над собой. Тогда революционный долг подменялся *личными капризами*, зачастую сопровождавшимися насилием; затем произвол, абсурдные выходки, безрассудства, «диктаторские замашки» командующего армией странным образом сменялись спокойствием, размышлениями, предвидением, личным достоинством, самоконтролем, уважением к другим и общему делу — качествами, которые *всегда должны* присутствовать у такого человека, каким был Махно.

Неизбежным результатом этих заблуждений явилось усиление «воинственных настроений», приведшее к образованию своего рода «военной клики» или «камарильи» вокруг Махно. Эта клика порой позволяла себе принимать решения, не принимая в расчет мнения Совета и других учреждений. Она не всегда верно оценивала ситуацию и с презрением относилась ко всему, что ее окружало. Она все больше отдалялась от массы бойцов и трудового населения.

В подтверждение своих слов приведу случай, которому сам был свидетелем.

Однажды вечером, когда в Совете разбиралась жалоба на неподобающее поведение некоторых командиров, на его заседание пришел Махно. Он был пьян, то есть крайне перевозбужден. Он достал револьвер, направил его на присутствующих, переводя поочередно с одного человека на другого, и начал их грубо оскорблять. А затем вышел, не желая слушать никаких объяснений.

Даже если бы жалоба была недостаточно обоснована, на такой ответ тоже можно было пожаловаться.

Я мог бы привести и другие подобные факты.

Однако не будем сгущать краски, чтобы не возникло необходимости в дополнительном освещении событий.

Прежде всего, как писал Аршинов,

«Махно рос и развивался вместе с ростом и развитием русской революции. С каждым годом он становился сосредоточеннее. В 1921 году он был гораздо опытнее и глубже, чем в 1918-1919 гг»[190].

Затем, недостойные поступки Махно и некоторых его товарищей были все же явлениями *отдельными*, спорадическими и в целом компенсировались многочисленными и бесспорными подвигами. Не следует усматривать «линию поведения» в том, что являлось всего лишь заблуждением.

Важно то, что это не было рассчитанными, постоянными, жесткими действиями *правительства*, опиравшегося на силы принуждения и ставившего себя во главе движения. В общей *свободной* среде, в широком *сознательном* народном движении зло являлось лишь *частным* случаем, не могущим отравить весь организм.

И действительно, как среди командующих, так и в массе повстанцев быстро возникло серьезное сопротивление злоупотреблениям Махно и его «клики». Не раз они смело противостояли Махно, давая ему ясно почувствовать свое неподобающее поведение. К его чести нужно сказать, что обыкновенно он соглашался с замечаниями и пытался следовать им. «При рассмотрении личности Махно, — справедливо пишет П. Аршинов, — нельзя упускать из виду крайне неблагоприятную обстановку, окружавшую его с детских лет: почти полное отсутствие около него грамотных людей, дефицит практического опыта и руководства в социально-революционной борьбе»[191].

Самым важным была *общая атмосфера* движения. В конечном итоге, главную роль играла *масса*, а не Махно и командиры. Масса действовала независимо, была полностью свободна во взглядах и поведении. Можно не сомневаться, что в такой *атмосфере свободного движения* деятельность массы выправила бы недостатки «вождей».

Именно для того, чтобы стало возможным такое сопротивление злоупотреблениям отдельных личностей, «локализация» зла, полная свобода мнений и действий трудящихся масс должна быть основным, неотъемлемым завоеванием Революции.

За время моего пребывания на Украине я неоднократно наблюдал простую и здоровую реакцию масс — *свободных масс* — на недостойное поведение некоторых «вождей»! И я не раз думал: «Не «вожди», не «командиры», не профессиональные революционеры, не «элита» *делают* подлинную Революцию, а *революционные массы*. В этом Истина... и Спасение. Роль вдохновителя, подлинного «вождя», истинного революционера, «элиты» заключается в том, чтобы помочь массе остаться на высоте ее задач!»

Пусть революционеры задумаются об этом!

Так что не следует преувеличивать слабости махновского движения до размеров, которые те приняли под пером большевиков. Последние сознательно раздували и искажали отдельные ошибки с целью дискредитировать все движение. Впрочем, большевистские вожди знали, о чем говорили — по собственному опыту.

Но не подлежит сомнению, что некоторые ошибки и недостатки ослабили движение.

Кто знает, какой оборот приняли бы события — несмотря на все препятствия и затруднения, — если бы движение с самого начала руководилось более прозорливо, более последовательно, короче, достойно его задач?

«Усилия, проявленные махновцами в борьбе с деникинщиной, были колоссальны. Героизм и полугодовая борьба их за последний период были у всех на виду. Во всем обширном освобожденном районе они были единственными, кто производил революционный гром в стране и уготовил могилу деникинской контрреволюции. Так широкие массы городов и сел понимали происшедшие события.

Это обстоятельство создало у многих махновцев уверенность в том, что теперь они надежно застрахованы от провокации коммунистов определенным мнением крестьян и рабочих; что для Красной Армии, шедшей в севера, станет теперь ясной вся клевета коммунистической партии в отношении махновцев; что на новый обман и провокацию партии Красная Армия не поддастся, а наоборот — побратается с махновцами при первой встрече. Больше того — оптимизм некоторых махновцев доходил до того, что они считали невероятным, чтобы при создавшемся общемахновском уклоне масс коммунистическая партия рискнула на новый заговор против свободного народа.

В соответствии с такими настроениями махновцев шла их военная и революционная деятельность. Они ограничились занятием части днепровского и донецкого районов и не стремились продвинуться и закрепиться в северном направлении, считая, что характер

встречи с Красной Армией, когда последняя подойдет, укажет, какой тактики надо будет держаться в отношении ее.

С другой стороны, часть работников придерживалась того мнения, что не следует особенно увлекаться военной областью дела, хотя бы и революционной; что необходимо главное внимание направить в рабочую и крестьянскую массу, повернуть ее на путь революционного строительства. Съезды крестьян и рабочих — уездные, районные, окружные — вот ближайшая практическая задача дня. С этого следует начать помощь революции, вывод ее из большевистского тупика.

И оптимизм махновцев, и их соображения о необходимости прежде всего положительной работы в районе сами по себе были хороши, но они не находились в строгом соответствии с создавшейся на Украине обстановкой и поэтому не дали положительных результатов.

[...]

Уничтожение деникинской контрреволюции осенью 1919 г. являлось одной из главных задач махновщины в русской революции. Эту задачу махновцы выполнили полностью. Но задача эта не исчерпывала всей исторической миссии, возложенной на махновцев русской революцией в этот период. Освобожденная от Деникина революционная страна нуждалась в немедленной охране по всей своей территории. Без этой охраны страна и революционные возможности, которые перед ней открылись с уничтожением деникинщины, могли быть каждый день раздавлены государственными армиями большевиков, спешно устремившихся на Украину за отступающим Деникиным.

[...]

Никогда, ни при каких условиях [большевизм], по самой природе своей, не согласился бы на свободное, открытое существование такого низового народного движения, как махновщина. Несмотря на какое бы то ни было общественное мнение рабочих и крестьян, большевизм при первом соприкосновении с этим движением принял бы все меры для его уничтожения. Следовательно, махновцы, попав в центр народных событий на Украине, должны были заранее обезопасить себя с этой стороны.

[...]

Несомненно, в круг исторических задач махновщины осенью 1919 г. входило создание революционной армии таких размеров, которые позволили бы революционному народу защищать свою свободу не только в отдельном замкнутом районе, но по всей территории украинского повстания.

В момент напряженной войны с деникинцами это было не легким делом, но исторически необходимым и вполне возможным, так как большая часть Украины пылала в то время повстанием и психологически группировалась вокруг махновцев. В район махновщины направлялись повстанческие части не только с юга, но и севера Украины, например — повстанческая дивизия Бибика, занимавшая Полтаву. И даже из Великодержавии в ряды махновцев устремлялись красноармейские части, желавшие под знаменем махновщины

бороться за социальную революцию. Укажем на многочисленный отряд красных частей под командованием Огаркова, шедший на соединение с махновцами из Орловской губернии, принимавший по дороге многочисленные бои с большевистскими войсками и с войсками Деникина и все-таки достигший в конце октября 1919 г. Екатеринослава, где находились махновцы.

Знамена махновщины поднимались по всей Украине. Не хватало необходимых организационных шагов, чтобы всю многочисленную, рассредоточенную в разных местах Украины боевую силу слить в одну мощную революционно-народную армию, которая стала бы надежным стражем на подступах к революционной территории.

Сила такой армии, защищающей широкую революционную территорию, а не тесный район ее, явилась бы самым убедительным аргументом для большевиков, любящих на все накладывать свою руку.

Однако увлечение победой и доля беззаботности помешали махновцам создать вовремя такую силу. Поэтому с первых же дней прихода на Украину Красной Армии махновцы вынуждены были сосредоточиться в тесном Гуляй-Польском районе. Это явилось большим военным промахом, которым воспользовались большевики и все тяжелые последствия которого махновцы, а с ними и вся украинская революция, в недалеком будущем понесли на себе»[192].

Хотя мы не можем согласиться с автором этих строк по всем пунктам, он, на наш взгляд, верно отметил, что по причине ряда серьезных недостатков возникли огромные непредвиденные проблемы и не были выполнены основные задачи движения.

В заключение этой последней главы — которую считаю самой важной и познавательной — мне хотелось бы обратиться к тем, кто в силу своих убеждений, сложившейся ситуации или по другим причинам уже сейчас ставит перед собой задачу содействовать организации народного движения, вдохновлять его и помогать ему.

Пусть они не ограничатся простым прочтением этой эпопеи украинских народных масс! Пусть задумаются над ней. Пусть поразмыслят о слабостях и ошибках народной Революции: из них следует извлечь полезные уроки.

Задача будет нелегка. Кроме иных, требующих немедленного разрешения проблем, кроме других трудностей, которые следует предвидеть и по возможности предупредить заранее, им необходимо будет найти способ совместить защиту *подлинной* Революции при помощи вооруженной силы с тем, чтобы избежать зла, которое несет в себе насилие.

Пусть же они задумаются над этим и постараются уже сейчас выработать основные принципы своей будущей деятельности!

Время торопит. Выводы, возможно, потребуются сделать быстрее, чем нам сейчас представляется.

Глава VIII. Завет махновщины трудящимся мира

В завершение приведем слова Петра Аршинова, с которыми мы полностью солидарны:

«Рассказанная здесь история далеко не представляет повстанческое движение во всем его объеме. Мы рассказали — крайне неполно — историю лишь одного, главного его потока, зародившегося в Гуляй-Польском районе.

[...]

И если бы мы могли проследить по всей Украине эти многочисленные ответвления махновщины, рассказать о каждом из них, связав их вместе и осветив общим светом, то у нас получилась бы грандиозная картина: многомиллионный революционный народ борется под знаменем махновщины за одну основную идею революции — свободу и равенство.

[...]

Мы надеемся, что более полное исследование по истории махновского движения будет со временем произведено.

[...]

Махновщина постоянна и бессмертна.

Там, где трудящиеся массы оберегают себя от порабощения, где растят любовь к независимости, накапливают свою классовую волю, они всегда будут создавать свои социальные исторические движения, действовать от себя. Это и есть сущность махновщины.

[...]

Кровавая трагедия русских крестьян и рабочих не может пройти бесследно. Больше, чем что-либо, практика социализма в России доказала, что у рабочих классов нет друзей, но лишь враги, жаждущие захватить их труд. Социализм с избытком доказал, что он стоит в рядах этих врагов. Эта мысль с каждым годом все прочнее и прочнее входит в сознание масс.

— Пролетарии мира, идите вглубь к себе и там ищите и творите правду: больше вы ее нигде не найдете.

Там заповедывает нам русская революция»[193].

Имена

Александр I Павлович (1777–1825) — Российский император в 1801–1825. Вступил на престол после убийства отца, Павла I. Правление Александра I началось с либеральных реформ (указ «О вольных хлебопашцах», учреждение министерств и др.), завершилось реакционным режимом аракчеевщины. Вплоть до 1815 Россия, управляемая Александром I, вела ряд войн против наполеоновской Франции и ее союзников; попытки Александра I непосредственно руководить военными действиями в 1805 и 1812 гг. приводили к поражениям русской армии. Один из организаторов и лидеров «Священного Союза», направленного на подавление революционных и национально-освободительных движений в Европе.

Александр II Николаевич (1818–1881) — Российский император в 1855–1881. Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., развитие промышленности и капиталистических отношений, рост крестьянского движения вынудили Александра II отменить крепостное право в 1861 г., а затем провести еще целый ряд реформ в области управления, военном деле и т. д. После подавления Польского восстания 1863–1864 гг. либерализм и курс на реформы уступили место консервативно-охранительной политике. Во время правления Александра II в России зародилось и расширялось революционное движение, одним из проявлений которого стала серия покушений на Александра II, (с 1866 до 1881). Убит народовольцами.

Александр III Александрович (1845–1894) — Российский император в 1881–1894. Правление Александра III характеризуется политикой «контрреформ», ограничивавших проведенные его отцом, Александром II, буржуазные реформы, и усилением полицейского режима.

Алексей Николаевич (1904–1918) — Сын и наследник императора Николая II. Расстрелян вместе с царской семьей в 1918 г.

Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1938) — Советский военный и партийный деятель. Член РСДРП с 1902 г. Окончил Владимирское юнкерское училище, офицер, организатор и руководитель социал-демократических военных организаций. В 1905 дезертировал из армии и перешел на нелегальное положение. Активный участник революции 1905–1907, приговаривался к смертной казни за участие в вооруженных восстаниях, бежал из Севастопольской тюрьмы в 1907. Меньшевик-партиец, с 1914 межрайонец. Член РСДРП(б) с 1917. Участник Октябрьского восстания 1917 в Петрограде, член и секретарь Петроградского ВРК. С конца 1917 член коллегии по военным и морским делам при СНК, командующий войсками Петроградского военного округа. В 1918–1924 один из крупнейших советских военачальников, командир ряда армий, групп войск, фронтов, член РВСР (1918–1923), начальник Политуправления РККА (1922–1924), член коллегии Наркомата военных дел (1918–1923), Наркомата труда (1920). Осенью 1923 поддержал левую оппозицию, и в 1924 снят с занимаемых должностей. Находился на дипломатической

работе: полпред СССР в Чехословакии, Литве, Польше. В 1927 заявил о разрыве с оппозицией. В 1934–1936 прокурор РСФСР. С осени 1936 генеральный консул в Барселоне (Испания), руководил репрессиями против ПОУМ и анархистов. В 1937 отозван в СССР, назначен наркомом юстиции РСФСР, вскоре арестован. В 1938 осужден и расстрелян.

Аралов Семен Иванович (1880–1969) — Советский военный и государственный деятель. Член РСДРП, меньшевик-интернационалист (в 1918 перешел в РКП(б)); в 1917 г. зам. председателя и председатель армейского комитета 3 армии Западного фронта, поддержал Октябрьскую революцию. Делегат 2 Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. С января 1918 в РККА: член РВСР, член РВС 12 армии и Юго-Западного фронта. После Гражданской войны заместитель командующего Украинским военным округом, впоследствии — на дипломатической работе.

Архипов Николай Иванович (1891-?) — Матрос Балтийского флота. В 1920 исключен из РКП(б) (по некоторым данным, присоединился к анархистам). Один из лидеров Кронштадтского восстания 1921, член и заместитель председателя ВРК. После подавления восстания бежал в Финляндию, в ноябре 1921 нелегально вернулся на родину в Вологодскую губернию, где был арестован чекистами. Освобожден в обмен на согласие работать в ЧК. В 1923 находился на родине под подпиской о невыезде. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Аршинов Петр Андреевич (1886–1938) — Деятель российского и международного анархического движения. Рабочий-слесарь. В 1904 вступил в РСДРП, руководил большевистской организацией на ж/д станции Кизил-Арват в Средней Азии, редактор нелегальной газеты «Молот». В конце 1906, скрываясь от полицейских преследований, вернулся на родину в Екатеринослав, где присоединился к анархистам-коммунистам. Организатор террористических актов в Екатеринославе и Александровске. 7 апреля 1907 застрелил начальника Александровских железнодорожных мастерских Василенко (увольнявшего рабочих-стачечников), был арестован и приговорен военно-полевым судом к смертной казни. До приведения приговора в исполнение бежал из тюрьмы (22 апреля 1907). В 1907–1910 участвовал в деятельности анархических групп за границей (в Париже) и в России (Москва, Брянск и др.), был арестован в 1909, бежал из тюрьмы. В августе 1910 задержан австрийскими пограничниками при транспортировке оружия и литературы, выдан России и приговорен к 20 годам каторжных работ. Освобожден 2 марта 1917 г. Один из лидеров и секретарь «Федерации Анархических Групп Москвы», член редакции газеты «Анархия» (1917–1918). Арестован ЧК при разгроме ФАГМ 12 апреля 1918 г., вскоре освобожден, после чего участвует в создании и деятельности «Союза идейной пропаганды анархизма». В апреле 1919 по приглашению Н. Махно приехал в Гуляй-Поле, стал председателем культурно-просветительского отдела Военно-революционного Совета и штаба бригады Махно, редактор газеты «Путь к Свободе» (1919–1920). С этого времени является одним из идеологов махновского движения, с краткими перерывами, когда работал в организациях КАУ «Набат» в Екатеринославе и Харькове. Занимал должности заведующего отделом печати культпросветотдела, председателем культпросветотдела, редактор газет «Путь к Свободе» и «Повстанец» (1920). В январе 1921 по поручению ВРС повстанцев оставил движение и выехал за границу (в Берлин), где в 1923 г. издал книгу «История махновского движения. 1918–1921 гг». Активный участник «Группы русских

анархистов в Германии», член редакции журнала «Анархический Вестник» (1923–1924). После распада Группы переехал в Париж, где с 1925 вместе с Махно издает журнал «Дело Труда». К началу 1926 г. Аршинов и Махно разработали проект «Организационной Платформы Всеобщего союза анархистов», вызвавший оживленную дискуссию в российском и международном анархическом движении. В конце 1920-х Аршинов работает над созданием интернациональной организации сторонников Платформы, в связи с чем подвергался преследованиям со стороны французских властей. В 1931 призвал анархистов пересмотреть отношение к «диктатуре пролетариата» и к СССР, вскоре вернулся в СССР, где заявил об окончательном разрыве с анархизмом и признании роли ВКП(б). Арестован и расстрелян в 1938.

Байков Василий Григорьевич — Заведующий обозом Управления Старокрепости (Кронштадт). Член Кронштадтского ВРК в марте 1921. После подавления восстания бежал в Финляндию, присоединился к ПСР. К 1945 жил в Хельсинки, работал портным.

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) — Выдающийся деятель международного революционного движения, теоретик анархизма, философ. Участник революции 1848–1849 в Праге, Богемии, Саксонии. Арестован и дважды приговаривался к смертной казни, двенадцать лет провел в одиночных камерах тюрем Германии, Австрии, России. В 1861 г. бежал из Сибири за границу. Член Международного Товарищества Рабочих (1 Интернационал) с 1864, лидер анархического течения в Интернационале, после раскола МТР в 1872 г. — лидер Антиавторитарного Интернационала. Участвовал в восстаниях во Франции (1870), Испании (1873), Италии (1874).

Балмашев Степан Валерианович (1881–1902) — Студент, член Боевой организации ПСР. 2 апреля 1902 г. застрелил министра внутренних дел Д. Сипягина. Казнен.

Барон Фаня Анисимовна (? — 1921) — Жена известного анархо-синдикалиста Арона Барона (Канторовича), активная участница интернационального анархического движения в США в 1912–1917, неоднократно арестовывалась американскими властями. В 1917 вернулась в Россию, работала в КАУ «Набат» в Киеве, Екатеринославе, Одессе, Харькове, а также в Москве; летом 1920 находилась в махновском движении. Арестована Харьковской ЧК 25 ноября 1920 г., в январе 1921 переведена в Москву, в апреле 1921 в Рязань. 10 июля 1921 бежала из Рязанской тюрьмы с группой анархистов. Участвовала в подпольной анархической деятельности в Москве. Арестована ЧК 17 августа 1921, расстреляна 30 сентября 1921 как анархистка подполья.

Белаш Виктор Федорович (1893–1938) — Из крестьян села Новоспасовка Бердянского уезда. Член Новоспасовской группы анархистов-коммунистов с 1908, лидер группы в 1911–1918. Паровозный машинист. Участник Октябрьского восстания 1917 г. в Туапсе. Организатор анархического подполья в Приазовье во время германо-австрийской оккупации 1918 г. В декабре 1918 присоединился к махновскому движению, бессменный начальник штаба бригады и дивизии Махно, РПАУ. Лидер части махновцев, стремившихся к сотрудничеству с Советской властью для совместной борьбы против белой контрреволюции, инициатор заключения военно-политического соглашения между РПАУ и Совнаркомом УССР в сентябре 1920 г. Арестован ЧК на Кубани 23 сентября 1921 г. Находился в камере

смертников Харьковской тюрьмы ЧК-ГПУ, в 1923 освобожден на поруки легальных анархистов. Участвовал в подпольной деятельности «Конфедерации Анархистов Украины Набат», в связи с чем был арестован в 1930. В 1930-х работал инструктором по тарифным вопросам правления треста «Югосталь» (Харьков). Арестован НКВД 16 декабря 1937. 24 января 1938 умер во время допроса. В 1930 начал писать книгу воспоминаний о махновском движении, законченную сыном Александром — «Дороги Нестора Махно» (Харьков, 1993).

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) — Российский общественный деятель. литературный критик, публицист, философ, революционный демократ.

Беркман Александр (1870–1936) — Деятель международного анархического движения. Родился в Вильно, в 18 лет эмигрировал в США, где присоединился к анархо-коммунистам (группа «пионеры Свободы»). В 1892 г. совершил покушение на стального магната Фрика, жестоко подавившего стачку. До 1906 находился в тюрьме, после освобождения снова активный участник анархического движения в США. В 1917 арестован за антивоенную пропаганду, грозила смертная казнь. В декабре 1919 выслан в РСФСР. Один из организаторов «Всероссийской Федерации Анархистов» (1920), некоторое время примыкал к «советским анархистам». Под влиянием Кронштадтского восстания и усиления репрессий против анархического движения встал в открытую оппозицию советской власти. В декабре 1921 вынужден эмигрировать в Берлин. Один из организаторов международной помощи преследуемым анархистам России и других стран, секретарь Берлинской секции Фонда помощи при Международном Товариществе Рабочих, с 1927 член «Французского комитета взаимопомощи», редактор бюллетеней этих организаций. Покончил жизнь самоубийством в связи с тяжелой болезнью.

Бибик — Командир дивизии Южного фронта РККА. Осенью 1919 дивизия самовольно ушла с фронта и с боями пробилась в Украину, соединившись с махновцами. В ноябре 1919 — начале января 1920 участвует в боях против белых как командир Первой повстанческой дивизии РПАУ.

Богданов Павел (1892–1921) — Рабочий мастерских Морского интендантства (Кронштадт). Член ревтройки в мастерских во время Кронштадтского восстания 1921. Расстрелян по приговору ЧК 22 марта 1921.

Богущ (?-1921) — Рабочий-металлист, активист анархо-синдикалистского «Союза русских рабочих в США». В декабре 1919 выслан американскими властями в РСФСР. Работал в советских учреждениях в Харькове. В ноябре 1920 посетил Гуляй-Поле, вскоре арестован ЧК. Расстрелян в марте 1921.

Бондарец Лука Никифорович (1892–1920) — Рабочий-столяр. Член Новоспасовской группы анархистов-коммунистов с 1910 г. Участник Первой мировой войны, рядовой. Осенью 1918 присоединился к повстанческому движению против режима гетмана Скоропадского, помощник командира Новоспасовского отряда. С января 1919 участвует в махновском движении: командир батареи, 8-го Заднепровского полка бригады Махно (январь-июнь 1919), командир пехотного полка (сентябрь 1919-январь 1920), начальник кавалерии (май-июнь 1920) РПАУ, член и начальник культпросветотдела Совета Революционных Повстанцев

РПАУ (июнь 1920). Убит в бою с красными 25 июня 1920.

Брова (?-1921) — Рабочий-слесарь. Анархист-коммунист с 1904. Участник Первой мировой войны, матрос. С июня 1918 командир Дибровского повстанческого отряда (Екатеринославская губерния), осенью 1918 присоединился к махновскому движению. Бессменный член, боевой командир и организатор новых частей РПАУ. С января 1921 начальник штаба повстанческого отряда Маслака, с февраля — созданной на его основе «Кавказской Повстанческой Армии». В 1921 вел партизанскую борьбу на Северном Кавказе, в конце года убит засланными в отряд чекистами.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — Российский и советский военный деятель. Генерал царской армии. Участник Первой мировой войны: командующий армией, Юго-Западным фронтом, в 1917 недолго был Верховным главнокомандующий, затем военным советником Временного правительства. В 1920 добровольно вступил в РККА, инспектор кавалерии Наркомата военных дел, состоял для особо важных поручениях при РВСР.

Буданов Авраам (1886-?) — Рабочий-шахтер. Анархист-коммунист с 1905. Участник Гражданской войны с начала 1918 г. Член КАУ «Набат» с момента ее основания. В мае 1919 присоединился к махновскому движению. С сентября 1919 член Военно-Революционного Совета повстанцев (летом 1920 — начальник культпросветотдела Совета), боевой командир РПАУ, в т. ч. начальник штаба 1-го Донского корпуса (сентябрь 1919-январь 1920). Член дипломатической миссии ВРС, которая вела переговоры с СНК УССР о заключении и условиях военно-политического соглашения между повстанцами и советской властью осенью 1920. 25 ноября 1920 арестован ЧК в Харькове. В январе 1921 переведен в Москву, в апреле 1921 в Рязанскую тюрьму, откуда бежал 10 июля 1921 с группой анархистов. Вернулся в Украину, командовал партизанским отрядом в Донбассе. В начале 1922 пленен красными. Позже освобожден, работал на заводе в Мариуполе, руководил подпольной группой КАУ «Набат». В 1928 группа Буданова арестована ОГПУ при попытке перейти от агитационно-пропагандистской работы к повстанческой борьбе, изъято оружие.

Буденный Семен Михайлович (1883–1973) — Советский военный деятель, Маршал Советского Союза (1935). Участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер. С лета 1917 председатель полкового и зам. председателя дивизионного комитета в Минске. С начала 1918 командир Красной армии, организатор кавалерийских частей, командир кавалерийской дивизии, корпуса, 1-й Конной армии (1919–1923). Член РКП(б) с 1919. В 1924–1937 инспектор кавалерии РККА, в 1937–1941 командующий войсками Московского военного округа, с 1940 первый заместитель наркома обороны СССР. В 1941–1942 командовал рядом фронтов. Член ЦК ВКП(б) в 1939–1952, затем кандидат в члены ЦК. Член ВЦИК с 1920, член ЦИК СССР с 1922, член Президиума Верховного Совета ССР с 1938.

Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) — Российский государственный деятель, министр внутренних дел в 1905–1906 гг.

Бурбыга (?-1919) — Петроградский рабочий, анархист-коммунист с 1919. В начале 1919 приехал в Украину, присоединился к махновскому движению. Член Военно-Революционного Совета, адъютант, затем младший помощник начальника штаба бригады Махно. Арестован

12 июня 1919 в Синельниково в числе членов штаба бригады, 17 июня 1919 расстрелян в Харькове по приговору Чрезвычайного ревтрибунала Донбасса.

Бурксер Адриан Самойлович (1883-?) — Капитан царской армии, исполняющий обязанности начальника, с декабря 1920 помощник начальника артиллерии крепости Кронштадт. После подавления Кронштадтского восстания 1921 г. бежал в Финляндию.

Бурыма Ефим — Крестьянин-батрак. Анархист с 1918, участник махновского движения. Начальник подрывной команды при штабе РПАУ. В августе 1921 интернировался в Румынии, жил здесь к 1928.

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — Советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1906, большевик. Член Московского Комитета РСДРП в 1908–1910, дважды арестовывался. В 1911 бежал за границу, где выдвигается в число теоретиков большевистской партии. Весной 1917 вернулся в Россию, член Московского Комитета РСДРП(б). В августе 1917 на 6-м съезде партии избран в ЦК РСДРП(б) (член ЦК до 1934), в 1924–1929 член Политбюро ЦК. Один из руководителей Октябрьского восстания в Москве. В 1917–1929 ответственный редактор газеты «Правда». В начале 1918 был лидером «левых коммунистов», последовательно выступал против большинства ЦК по вопросу о Брестском мире, в феврале 1918 вышел из ЦК и редакции «Правды» (вернулся на эти посты в конце 1918). В 1919–1929 член Исполкома Коминтерна. С 1921 последовательный защитник нэп и сторонник эволюционного пути к социализму. Взгляды Бухарина легли в основу генеральной линии партии в 1924–1927 гг., в эти же годы он являлся одним из главных идейных оппонентов «Левой», а затем «Новой оппозиции». В конце 1920-х выступил против сворачивания нэп, после чего объявлен идеологом «правого уклона» в ВКП(б). В ноябре 1929 исключен из Политбюро ЦК, выведен из Исполкома Коминтерна и редакции «Правды». В 1929–1932 член Президиума ВСНХ, в 1932–1934 член коллегии Наркомата тяжелой промышленности, с 1934 член редакции газеты «Известия». В 1934 переведен из членов в кандидаты в члены ЦК. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Арестован в 1937 по делу «антисоветского правотроцкистского блока», расстрелян.

Бюхнер Людвиг (1824–1899) — Немецкий физиолог, популяризатор естественных наук. Сторонник вульгарного материализма и социал-дарвинизма.

Вальк Владислав Антонович (1884–1921) — Мастер кронштадтского лесопильного завода. Член РСДРП с 1905 г., меньшевик. Участник Кронштадтского восстания 1921, член Кронштадтского ВРК. Пленен при подавлении восстания, расстрелян.

Василевский-Чайковский Григорий Семенович (1889–1921) — Из крестьян, сын Гуляй-Польского кулака. Анархист-коммунист с 1910. Участник махновского движения с первых его дней. Адъютант Махно (1918-начало 1919), сотрудник контрразведки бригады Махно (весна 1919), сотрудник контрразведки РПАУ (осень 1919), член Комиссии антимахновских дел (с лета 1920). Убит в бою с красными в январе 1921 г.

Васильев Павел Дмитриевич (1885-?) — Фельдшер по образованию, член РКП(б) с 1919. Председатель Кронштадтского Совета и его исполкома в 1919–1921 гг.

Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–1938) — Советский военный деятель. Офицер царской армии, полковник, командир 5-го латышского стрелкового полка. Во время Октябрьского восстания перешел на сторону большевиков, по поручению ВРК 12-й армии занял г. Валка, где находился штаб армии. В январе-феврале 1918 руководил действиями советских войск в борьбе против мятежа польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого. С апреля 1918 начальник Латышской стрелковой советской дивизии. Сыграл важную роль в подавлении выступления левых с. — ров 6–7 июля 1918 г. С июля 1918 командующий Восточным фронтом, в сентябре 1918 — июле 1919 первый Главнокомандующий Вооруженными Силами Советской Республики. В 1919–1921 член ВКСР, затем профессор Военной академии. Арестован в 1937, расстрелян.

Вдовиченко Трофим Яковлевич (1889–1921) — Крестьянин. С 1910 член Новоспасовской группы анархистов-коммунистов. Участник Первой мировой войны 1914–1918, полный Георгиевский кавалер, прапорщик. Председатель полкового комитета в 1917 г. С мая 1918 участвует в повстанческом движении против правительства гетмана Скоропадского. Осенью 1918 присоединился к махновщине. Один из известнейших и популярнейших махновских командиров: командир Новоспасовского полка бригады Махно (январь-июль 1919), командир 2-го Азовского корпуса РПАУ (сентябрь 1919-январь 1920), командир партизанского отряда (май-октябрь 1920), командир 2-й Азовской группы РПАУ (с ноября 1921), член Военно-Революционного Совета повстанцев с сентября 1919. В феврале 1921 г. ранен в бою с красными и оставлен на лечение в Новоспасовке, где арестован красным карательным отрядом в апреле. В мае 1921 г. расстрелян Александровской ГубЧК.

Веретельников Борис Васильевич (?-1919) — Рабочий-литейщик Путиловского завода (Петроград). Член ПСР, участник революции 1905–1907 гг. В 1914 мобилизован на воинскую службу, матрос Черноморского флота. В 1917–1918 член Севастопольского комитета ПЛСР. В феврале 1918 командирован в Гуляй-Поле, работал в агитационном отделе местного ревкома. Весной 1918 перешел к анархистам-коммунистам. В конце 1918 нелегально вернулся в Украину из России, вел подпольную борьбу против германо-австрийских оккупационных войск и правительства гетмана Скоропадского. Один из лидеров махновского движения, член Военно-революционного Совета повстанцев, помощник начальника штаба бригады Махно. Погиб в бою с белоказаками 22 мая 1919 г. при обороне Гуляй-Поля.

Вержа Марсель (1891–1920) — Активист французского рабочего и анархо-синдикалистского движения. Работал в профсоюзе металлистов. В 1919 входил в Парижский комитет 3-го Интернационала. В 1920 участвовал во 2-м конгрессе Коминтерна в Москве, на обратном пути во Францию пропал без вести вместе с тремя другими делегатами.

Вершинин Сергей Степанович (1896–1921) — Матрос, электрик линкора «Севастополь». Анархист. Один из руководителей Кронштадтского восстания 1921 г., член Временного ревкома и судового комитета. Инициатор разоружения и ареста большевиков на «Севастополе». Организовал отряд матросов-анархистов (около 300 чел.), во главе которого намеревался выступить на Петроград. 8 марта 1921 задержан правительственными войсками около Ораниенбаума, заявил, что направлен ВРК для переговоров, но был сразу арестован; в переговоры с Вершининым не вступили. 20 апреля 1921 приговорен к

расстрелу.

Вирен Роберт Николаевич (1856–1917) — Адмирал, участник русско-японской и Первой мировой войны. К 1917 главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор крепости Кронштадт. Убит восставшими матросами 1 марта 1917 г.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — Российский государственный деятель. Граф. Министр финансов (1892–1903), председатель Совета Министров (1905–1906). Проводил политику развития капитализма в России, поощрял привлечение иностранного капитала в экономику страны, сотрудничество крупной буржуазии с царским правительством. В период революции 1905–1907 выступил за политику сочетания уступок по отношению к требованиям либеральной буржуазии и репрессий против народного движения. С 1906 в отставке.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — Советский государственный, партийный и военный деятель. Член РСДРП с 1903 г., большевик. Участник революции 1905–1907 гг., Февральской и Октябрьской революций 1917 гг. В 1917 — председатель Луганского Совета, затем комиссар Петроградского ВРК. Активный участник Гражданской войны, командующий 14 армией, нарком обороны УССР, член ВРК 1-й Конной армии. Участвовал в подавлении Кронштадтского восстания В 1921–1925 командующий войсками ряда военных округов. С 1921 член ЦК, с 1926 член Политбюро (с 1952 Президиума) ЦК ВКП(б). В 1925–1934 нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР, в 1934–1940 нарком обороны СССР. Маршал Советского Союза (1935). С 1940 зам. Председателя СНК СССР, в 1946–1953 — зам. Председателя Совета Министров СССР. В 1941–1945 член Государственного Комитета Обороны, командующий фронтами на начальном этапе Второй мировой войны. В 1953–1960 председатель, затем член Президиума Верховного Совета СССР. В 1960 г. выведен из состава Президиума ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета, в 1961 — из ЦК КПСС как участник «антипартийной группы». С 1966 вновь член Политбюро ЦК КПСС. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Врангель Петр Николаевич (1878–1929) — Российский военный деятель. Генерал-лейтенант (1918), барон. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Участник белого движения на Юге России с августа 1918, командующий Добровольческой армией в декабре 1919 — январе 1920. В апреле 1920 г. сменил Деникина на посту главнокомандующего «Вооруженными силами Юга России» (затем Русская армия Крыма). В ноябре 1920, потерпев поражение в Крыму, бежал за границу. Организатор и руководитель «Русского общевоинского союза» (РОВС) с 1924 г. Умер в Брюсселе.

Гавриленко Петр (1888–1920) — Крестьянин. Анархист-коммунист с 1907 г. Участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер, штабс-капитан (1917). Активный участник махновского движения с 1918. В 1919 — командир батальона бригады Махно, командир 3-го Екатеринославского корпуса РПАУ, начальник командных курсов РПАУ. Сыграл выдающуюся роль в разгроме Деникина осенью 1919. В январе 1920 арестован ЧК, освобожден в октябре 1920 в соответствии с условиями военно-политического соглашения между махновцами и правительством УССР. Начальник Полевого штаба Крымской группы РПАУ. Арестован в Джанкое 26 ноября 1920, расстрелян 28 ноября 1920.

Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) — Священник, организатор «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Инициатор и руководитель шествия к царю 9 января 1905 г. Бежал за границу, пытался объединить революционные партии для совместной борьбы против самодержавия. Некоторое время состоял в ПСР. В эмиграции составляет революционные воззвания, поддерживает нелегальные контакты с лидерами закрытого правительства «Собрания», пишет воспоминания. Амнистирован в октябре 1905 г. К началу 1906 г. вступил в контакты с политической полицией, но споры о том, был ли Гапон предателем или неразборчивым в средствах революционным аферистом, продолжаются до сих пор. Весной 1906 о полицейских связях Гапона стало известно ПСР, и 10 апреля 1906 он был убит боевой дружиной с.-р. под руководством П. Рутенберга.

Гаркуша (?-1920) — Рабочий-металлист, анархист-коммунист в Новомосковске Екатеринославской губернии с 1917. Осенью 1918 участвует в организации восстания против власти гетмана Скоропадского, затем борется также против петлюровцев. Инициатор создания и лидер «Самарской организации анархистов-коммунистов» в Новомосковском и Павлоградском уездах. С апреля 1919 одним из первых анархистов начал вооруженную борьбу против советской власти. В октябре 1919 присоединился к РПАУ, командир полка. 23 сентября 1920 убит в бою с красными под Кутейниково.

Гитлер (Шикльгрубер) Адольф (1889–1945) — Германский политический и государственный деятель. Участник Первой мировой войны, унтер-офицер. С 1919 член Немецкой Рабочей Партии, с 1921 вождь (фюрер) созданной на ее основе Национал-Социалистической Рабочей Партии Германии (НСДАП), автор ее программы, базирующейся на крайнем национализме, антисемитизме и тоталитаризме... С 1933 рейхсканцлер Германии, с 1934 «фюрер и канцлер Германской империи» (Третьего Рейха), диктатор нацистского государства. Верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии в ходе Второй мировой войны. 29 апреля 1945 г. покончил жизнь самоубийством в обстановке военно-политического поражения Германии.

Глазунов (?-1921) — Анархист, участник Гражданской войны в Сибири с 1918. В 1920 командир полка 42-й стрелковой дивизии РККА, участвовал в кампании против генерала Врангеля. 26 ноября 1920 во главе своего полка выступил против советской власти и присоединился к РПАУ. В июле 1921 г. во главе анархического повстанческого отряда направлен штабом РПАУ в Сибирь для разворачивания повстанческого движения. Пропал без вести после августа 1921.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) — Выдающийся русский писатель, основоположник критического реализма в русской литературе.

Гольдман (Голдман) Эмма (1870–1940) — Деятельница международного анархического движения. В 1886 эмигрировала из России в США, вскоре присоединилась к анархистам-коммунистам (группа «Пионеры Свободы»). Сторонница тактики прямого действия, причастна к ряду террористических актов американских анархистов конца 19-начала 20 вв. Участвовала в международных конгрессах анархистов. С 1914 занимает интернационалистическую позицию по отношению к войне. Приветствовала Октябрьскую революцию 1917 в России, и в феврале 1918 арестована американским правительством за

антивоенную и пробольшевистскую агитацию. В декабре 1919 депортирована в РСФСР в составе большой группы американских (российского происхождения) анархистов. Примыкает к «советским анархистам»; одна из организаторов «Всероссийской Федерации Анархистов» (1920). Под влиянием Кронштадтского восстания 1921 и усилением репрессий против анархистов встала в оппозицию советской власти, в связи с чем в декабре 1921 вынуждена выехать из РСФСР. В 1922–1940 жила в Германии, Франции, Англии, Канаде, продолжая до конца жизни активное участие в анархическом движении как агитатор и автор работ по теории анархизма.

Голик Лев (?-1920) — Рабочий-токарь. Анархист-коммунист с 1917. Участник махновского движения с конца 1918 г. Начальник разведки бригады Махно (1919), начальник контрразведки РПАУ (1919–1920). Противник соглашений с советской властью, проводил террор как против белых офицеров и буржуазии, так и против большевиков. Во время Крымской кампании 1920 г. — член штаба Крымской группы РПАУ. Убит 30 ноября 1920 в бою с красными в Мелитопольском уезде.

Гольденвейзер А. А. — Еврейский общественный деятель, историк. Присяжный поверенный в Киеве. Эмигрировал из России во время Гражданской войны, опубликовал воспоминания о событиях революции и Гражданской войны в Украине.

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936) — Русский советский писатель, публицист, общественный деятель. Основоположник социалистического реализма. В 1890-х близок толстовцам, в связи с чем находился под негласным надзором. Первые литературные произведения публикует в 1892, и уже к 1900 получил широкую известность. С 1905 член РСДРП, большевик, финансировал партию и организовывал закупку оружия в ходе революции 1905–1907 гг. В 1906 эмигрировал, входил в фракцию «отзовистов», в группу «Вперед». В 1913 амнистирован, вернулся в Россию, издавал социалистический журнал «Заветы». Во время Первой мировой войны — интернационалист. В 1917–1918 редактор газеты «Новая жизнь», близок меньшевикам-интернационалистам, противник большевистского правительства. В 1921 эмигрировал, с 1924 жил в Италии. С конца 1920-х оправдывает и пропагандирует политику Сталина, в 1931 вернулся в СССР. В 1934 избран первым председателем правления Союза писателей СССР.

Григорьев Николай (Никифор) Александрович (1878 или 1885–1919) — Политический авантюрист времен Гражданской войны в Украине. Штабс-капитан царской армии. С 1917 близок Украинской ПСР, затем Украинской ПЛСР. В 1917–1918 подполковник армии УНР, командир ударного украинского полка. В 1918 полковник армии Украинской Державы гетмана Скоропадского. Осенью 1918 организует антигетманское восстание в Херсонской губернии, сторонник петлюровской Директории, «главный атаман повстанческих войск Херсонщины». В начале февраля 1919 выступил против Петлюры, присоединился к красной армии, предложив себя на пост председателя РВС Украинской Красной армии, но был назначен лишь командиром 1-й бригады 1-й Заднепровской дивизии. Весной 1919 бригада Григорьева (вскоре преобразованная в 6-ю украинскую стрелковую дивизию) взяла Херсон, Николаев и Одессу, за что был награжден орденом Красного Знамени. В начале мая 1919 поднял мятеж против большевистской власти, издал Универсал с призывами к установлению «диктатуры трудового народа» и советской власти, объявил себя «атаманом

партизан Херсонщины и Таврии». Выступление григорьевцев сопровождалось масштабными еврейскими погромами, в связи с чем в борьбе против мятежа участвовали и махновцы. К июню 1919 войска Григорьева разбиты красными. В июле 1919 пытался объединиться с Махно, получил пост главнокомандующего повстанческими силами. 27 июля 1919 убит махновцами как контрреволюционер и погромщик.

Гриневицкий Игнатий Иоахимович (1856–1881) — Член «Народной Воли». 1 марта 1881 бросил бомбу, убившую царя Александра 2, при этом погиб и сам.

Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давидович) (1874–1933) — Советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1896, большевик с 1903 г. Участник революции 1905–1907 и Октябрьского восстания в Петрограде 1917, секретарь Петроградского ВРК. Во время Гражданской войны член РВС армий и фронтов, комиссар Полевого штаба РККА. В 1921–1922 член ВВСР и начальник Политуправления РККА. В 1920–1923 кандидат в члены ЦК РКП(б). В 1923–1925 секретарь и член Президиума ЦКК, член коллегии наркомата РКИ. В 1925–1926 зав. отделом печати ЦК ВКП(б). С 1929 член Президиума ИККИ.

Гучков Александр Иванович (1862–1936) — Российский политический деятель, крупный капиталист. Основатель и руководитель партии октябристов («Союз 17 октября») с 1905–1906. Во время Первой мировой войны входил в «Прогрессивный блок», председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Особого совещания по обороне. 2 марта 1917 вместе с В. Шульгиным убедил Николая 2 отречься от престола. В марте-мае 1917 военный и морской министр первого состава Временного правительства. В 1918 эмигрировал.

Дантон Жорж Жак (1759–1794) — Деятель Великой французской буржуазной революции. Адвокат. В 1792–1793 министр юстиции революционного правительства, депутат конвента, член Комитета общественного спасения. Лидер умеренного крыла монтаньяров, осенью 1793 выступил против диктаторской политики якобинцев, был арестован, судим на открытом процессе и казнен.

Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882) — Английский ученый-естествоиспытатель. Автор работ по ботанике, зоологии, геологии, этнографии. Основные работы Дарвина — «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859), «Изменения домашних животных и культурных растений» (1868), «Происхождение человека и половой отбор» (1871) — стали началом эволюционного учения.

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — Российский военный и политический деятель. Генерал-лейтенант (1916). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Один из руководителей белого движения с момента корниловского мятежа 1917 г... С апреля 1918 командующий Добровольческой армией, с января 1919 главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России». После поражения белых, в марте-апреле 1920 передал командование ВСЮР генералу Врангелю и эмигрировал. С 1926 жил во Франции. Скептически относился к деятельности РОВС, противник союза с иностранными государствами в борьбе против советской власти, считая это изменой отечеству. Умер в США.

Денисов Тимофей Денисович (1887–1921) — Бывший офицер царской армии. Преподаватель трудовых школ в Кронштадте. Кандидат в члены РКП(б). Во время Кронштадтского восстания вышел из партии. Пленен и расстрелян.

Дерменджи (около 1880–1921) — Рабочий-электрик. Матросом броненосца «Потемкин» участвовал в революции 1905 г., в эмиграции присоединился к анархистам-коммунистам. Участник повстанческого движения в Украине с августа 1918. Командир отряда, командир полка бригады Махно... В 1919–1921 член Военно-Революционного Совета повстанцев, инспектор (позже начальник) связи РПАУ, с января 1921 помощник начальника штаба РПАУ по оперативной части. 19 августа 1921 убит в бою с красными в Херсонской губернии.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) — Деятель российского и польского революционного движения, советский государственный и партийный деятель. Социал-демократ с 1895, один из лидеров СДКПил. С 1906 член ЦК РСДРП как представитель польских социал-демократов. Участник революции 1905–1907, более 11 лет провел в царских тюрьмах и ссылках. В 1917 член Петроградского ВРК. С момента создания ВЧК (7 декабря 1917) ее бессменный председатель. Одновременно занимал должности наркома внутренних дел РСФСР (1919–1923), председатель Главного комитета по всеобщей трудовой повинности (1920), член Польского бюро ЦК РКП(б) и ВРК Польши (1920), нарком путей сообщения (1921–1924), особоуполномоченный ВЦИК и СТО в Сибири (1922). Председатель ГПУ (ОГПУ) с 1922. Председатель ВСНХ СССР (1924–1926). Член ЦК с 1917, член Оргбюро ЦК с 1921, член Политбюро ЦК РКП(б) с 1924.

Добролюбов (?-1919) — Член штаба бригады Махно в 1919. Член ПЛСР. Арестован в июне 1919, 17 июня 1919 расстрелян в Харькове.

Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) — Российский литературный критик, публицист, революционный демократ. Ведущий сотрудник журнала «Современник», в котором выступил как идеолог крестьянской революции и освободительного движения.

Долженко Иван — Анархист-коммунист со времени революции 1905–1907. Участник махновского движения с января 1919: член штаба бригады Махно, штаба РПАУ. Адъютант и личный друг начштаба РПАУ В. Белаша, вместе с которым после разгрома махновщины скрывался на Кубани. Арестован в середине сентября 1921 в станице Тихорецкой.

Домашенко Яков — Крестьянин. Анархист. Первый командир гуляй-польской «Черной Гвардии» (1917–1918). Участник махновского движения с лета 1918, штабной работник, некоторое время был комендантом штаба РПАУ. В августе 1921 в составе отряда Махно ушел в Румынию, где до 1923 находился в концлагере в Брашове. В сентябре 1923 арестован польскими властями в Варшаве вместе с Махно, обвинялся в связях с украинским советским правительством и шпионаже против Польши. Судебный процесс против Махно, Домашенко и др. окончился полным оправданием подсудимых (30 ноября 1923).

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) — Русский писатель. В молодости участвовал в социалистическом кружке М. Петрашевского, в связи с чем в 1849 арестован и приговорен к смертной казни, замененной четырехлетней каторгой. В 1859 вернулся в

Петербург, с этого времени в произведениях Достоевского отражается полное неприятие им идей социализма, революции, материализма.

Дурутти Буэнавентура (1896–1936) — Испанский анархист. Рабочий. В 1917 эмигрировал во Францию после участия во всеобщей стачке. В 1919 вернулся в Испанию, вошел в Национальную Конфедерацию Труда. Организатор и активный участник террористических актов в Барселоне. Неоднократно арестовывался испанскими и французскими властями. В июле 1936 сыграл решающую роль в разгроме франкистского мятежа в Барселоне, затем организовал колонну анархического антифашистского ополчения, участвовал в боях под Мадридом. Убит.

Дутов Александр Ильич (1879–1921) — Российский военный деятель. Полковник Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант (1919). В июне 1917 избран председателем Всероссийского казачьего съезда, в сентябре 1917 — атаманом и председателем правительства Оренбургского казачьего войска. С ноября 1917 руководит антибольшевистским движением оренбургских казаков. В 1918–1919 командующий Отдельной оренбургской казачьей армией, с 1919 походный атаман всех казачьих войск у Колчака. В 1920 бежал в Китай. Убит при попытке похищения чекистами.

Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) — Советский военный и государственный деятель. Член РСДРП(б) с 1912. Матрос Балтийского флота, арестован в 1915 за антивоенную агитацию. В 1917 председатель Центробалта, член Петроградского ВРК, участник Октябрьского восстания в Петрограде. В октябре 1917-марте 1918 член Комитета по военным и морским делам, нарком по морским делам. После разгрома красноармейских отрядов под командой Дыбенко германскими войсками под Нарвой и Псковом, дезертировал, некоторое время сотрудничал с анархистами, арестовывался советской властью. В мае 1918 оправдан народным судом, но исключен из партии. Арестован белой контрразведкой в Крыму, обменен на группу французских офицеров. С начала 1919 командует рядом дивизий Украинского и Южного фронтов, участвовал в подавлении Кронштадтского восстания и антоновщины. В 1922 восстановлен в РКП(б). С 1928 командует рядом военных округов. Командарм 2-го ранга (1935). Член РВС СССР и Военного Совета при наркомате обороны СССР. Член ЦИК СССР, Верховного Совета СССР. Арестован и расстрелян в 1938 г. по делу о «военном заговоре в РККА».

Евдокимов Григорий Еремеевич (1884–1936) — Советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1903, большевик. Неоднократно арестовывался царскими властями. Участник Гражданской войны и обороны Петрограда, начальник политотдела 7 армии. В 1920-х секретарь Петроградского совета профсоюзов, секретарь Ленинградского губкома партии (1925–1926). Участник «новой», затем «объединенной левой оппозиции», в 1927 исключен из ВКП(б). В 1928 восстановлен в партии, находился на хозяйственной работе. Вновь арестован в декабре 1934, осужден по делам «Московского центра» (1935) и «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (1936). Расстрелян.

Ежов Николай Иванович (1895–1940) — Советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП(б) с 1917. Участник Гражданской войны, комиссар частей Красной армии. В 1922–1927 на ответственной работе в партийных комитетах ряда областей. В 1927–1929

сотрудник аппарата ЦК ВКП(б). В 1929–1930 заместитель наркома земледелия СССР. В 1930–1934 заведующий Распредотделом и отделом кадров ЦК. С 1934 член ЦК и Оргбюро ЦК, заместитель председателя КПК ВКП(б). В 1935 секретарь ЦК, председатель КПК, член ИККИ. В 1936–1938 нарком внутренних дел, затем нарком водного транспорта СССР. Арестован в 1939, осужден и расстрелян.

Екатерина II Алексеевна (1729–1796) — Российская императрица (1762–1796). Внутренняя политика Екатерины 2 характеризуется укреплением дворянского землевладения и крепостничества, дворянско-бюрократической монархии, прикрывавшихся либеральными фразами. Внешняя политика была направлена на расширение границ Российской империи за счет Турции и Польши. В конце правления Екатерина 2 оказала активную поддержку европейским реакционным силам, боровшимся с французской революцией.

Железняков Анатолий Григорьевич (1895–1919) — Анархист-коммунист с 1915, матрос Балтийского флота. Преследовался царским и Временным правительством. Активный участник Октябрьского восстания в Петрограде, председатель ревкома 2-го балтийского флотского экипажа, член Военно-Морского ревкома. С января 1918 участвует в Гражданской войне в качестве руководителя революционного подполья в Одессе, члена штаба Донского фронта, командира отрядов и бронепоезда Красной армии. Убит в бою с белыми 26 июля 1919.

Желябов Андрей Иванович (1850–1881) — Революционер-народник, сын крепостного крестьянина. Был исключен из Новороссийского университета (Одесса) за участие в студенческом движении. Несколько раз арестовывался за участие в пропаганде в народе, отдан под суд и оправдан на «процессе 193-х». В начале 1879 вступил в общество «Земля и Воля», сыграл решающую роль в его расколе на народников («Черный Передел») и народолюбцев. По свидетельству близко знавших Желябова лиц, к этому времени он являлся не социалистом, а крайним радикалом, сторонником народной революции и установления республиканского правления. Фактический руководитель Исполкома «Народной Воли», организатор всех покушений народолюбцев на Александра 2. Арестован за несколько дней до убийства царя, потребовал приобщить себя к процессу цареубийц, рассчитывая открыто выступить с обоснованием программы «Народной Воли» на суде. Приговорен к смертной казни и повешен.

Жорес Жан (1859–1914) — Деятель французского социалистического движения. Историк, философ. Один из руководителей СФИО, депутат парламента с 1890-х гг., лидер парламентской фракции социалистов с 1902. Активный противник милитаризма. Убит 31 июля 1914 французским шовинистом.

Жоффри Жозеф (1852–1931) — Французский маршал. Участник Первой мировой войны, главнокомандующий французской армией (1914–1916). В 1916 смещен со своего поста в связи с неудачами французской армии.

Забудько (?-1921) — Крестьянин. Анархист-коммунист с 1917. Участник махновского движения с осени 1919. В 1920 — командир 3-й пехотной группы РПАУ. Убит в бою с красными 28 июня 1921.

Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) — Советский партийный, государственный деятель. Член РСДРП с 1901, большевик с 1903. Участник революции 1905–1907, член Петербургского комитета РСДРП. Член ЦК РСДРП с 1907. Председатель Петроградского Совета (1917–1926), председатель ВЦСПС (1918–1919), председатель Исполкома Коминтерна (1919–1926), член Политбюро ЦК РКП(б) (1921–1925). Лидер «новой» оппозиции (1925–1926), один из лидеров «объединенной оппозиции» (1927). В 1927 и 1932 исключался из ВКП(б) за фракционную деятельность (восстанавливался в 1928 и 1933). С 1928 — ректор Казанского университета, член правления Центросоюза, наркомата просвещения СССР. Арестован в декабре 1934. Судился по процессам «Московского центра» (1935) и «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (1936), расстрелян.

Зиньковский (Задов) Лев Николаевич (1893–1938) — Анархист-коммунист с 1912, рабочий. Отбыл каторгу. В 1917–1918 член Юзовского Совета. Участник Гражданской войны с конца 1917, начальник штаба отряда Черняка. Участник махновского движения с конца 1918. Помощник командира полка бригады Махно, помощник начальника контрразведки РПАУ, начальник контрразведки 1-го Донецкого корпуса РПАУ, член комиссии антимахновских дел при ВРС РПАУ. В 1921 ушел в Румынию вместе с Махно. В июне 1924 во главе группы бывших махновцев нелегально вернулся в СССР по заданию румынской разведки, в тот же день сдался ОГПУ. С декабря 1924 сотрудник ОГПУ-НКВД, к 1936 — оперуполномоченный Одесского УНКВД. Арестован 3 сентября 1937, расстрелян 25 сентября 1938.

Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917) — Российский государственный деятель. В первой половине 1860-х входил в народовольческие кружки, после ареста в 1885 поступил на службу в Охранное отделение. Помощник начальника (с 1889), начальник (с 1896) Московского охранного отделения. Начальник Особого отделения Департамента полиции (1902–1903). В 1903 уволен со службы и сослан во Владимир. В марте 1917 застрелился.

Иван 4 Васильевич Грозный (1530–1584) — Великий князь (с 1533), царь (1547–1584).

Иванов Андрей Васильевич (1888–1927) — Советский государственный деятель. Член РСДРП с 1906. Член Киевского ВРК во время Октябрьского (1917) и Январского (1918) восстаний. Член ЦИК и Президиума ЦИК Украины с 1918. Народный секретарь (нарком) внутренних дел УССР (1918–1920). С 1919 председатель Киевского, Харьковского, Одесского губисполкомов, член президиума и секретарь ВУЦИК, член ЦИК СССР.

Иванюк (?-1921) — Крестьянин. Анархист с 1917. Член Полтавской организации КАУ. Участник махновского движения с мая 1919, боевой командир. Убит в бою с красными 20 августа 1921.

Ильин (Ильин-Алексеев) Яков Ильич (1887–1921) — Член РКП(б) с 1918. Сотрудник Петроградского комитета продовольствия (1917–1919), комиссар крепости Кронштадт (1919), комиссар продовольствия и горкоммуны Кронштадта (1920–1921). В марте 1921 один из организаторов «Временного бюро Кронштадтской организации РКП». Расстрелян 24 марта 1921.

Кабанов Антон Семенович (1890–1921) — Член РКП(б) с 1918, председатель Совета профсоюзов Кронштадта. В марте 1921 член «Временного бюро Кронштадтской организации РКП». Расстрелян.

Калашников Александр (?–1920) — Анархист-коммунист, рабочий. Участник Первой мировой войны, прапорщик. Секретарь Гуляй-Польского Союза Анархистов (1917–1918). Участник махновского движения с ноября 1918: командир 7-го полка бригады Махно, командир 1-го Донского корпуса РПАУ (1919), член Военно-революционного Совета повстанцев и оперативного отдела ВРС (1920). Убит в бою с красными в июне 1920.

Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — Российский военный деятель. Генерал от кавалерии. Участник Первой мировой войны. Войсковой наказной атаман Войска Донского (1917). В октябре 1917 провозгласил независимость Области Войска донского, возглавил казаков Дона, Кубани и Терка, и начал борьбу против Советской власти. Потерпев поражение в борьбе с советскими войсками, застрелился 29 января 1918.

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) — Советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1898, большевик с 1905. Участник революции 1905–1907, член Петербургского комитета РСДРП. Кандидат в члены ЦК РСДРП(б) с 1912. Участник Февральской и Октябрьской революции 1917 в Петрограде. С 1919 председатель ВЦИК, с 1922 председатель ЦИК СССР. Член ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) с 1919, член Политбюро ВКП(б) с 1926. Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1938–1946.

Каляев Иван Платонович (1877–1905) — Член ПСР и Боевой организации ПСР с 1903. 4 февраля 1905 убил московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Казнен.

Каменев Лев Борисович (1883–1936) — Советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1901, большевик с 1903. Участник революции 1905–1907, член Большевицкого Центра, сотрудник ЦО «Пролетарий», «Правды», «Рабочей газеты», руководитель социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы. В 1917 представитель РСДРП(б) в Петроградском Совете и ВЦИК, председатель ВЦИК. Председатель Московского Совета (1918–1926), заместитель председателя (1922–1924), председатель СНК и СТО РСФСР и СССР (1924–1926), директор Института Ленина (1923–1926). Член ЦК (1919–1927) и Политбюро ЦК РКП(б) (1919–1925). Один из лидеров «новой» (1925–1926) и «объединенной левой оппозиции» (1927). Исключался из партии за фракционную деятельность в 1927 и 1932 гг., (восстанавливался в 1928 и 1933 гг.). Арестован в декабре 1934, судился по процессам «Московского центра» (1935), «Кремлевского дела» (1935) и «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (1936), расстрелян.

Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) — Советский военный деятель. Офицер царской армии, полковник (1917). Участник Гражданской войны, командующий Восточным фронтом (1918–1919), главнокомандующий вооруженными силами Республики (1919–1924). С 1924 инспектор, затем начальник Главного управления РККА, начальник штаба РККА, член РВС

СССР. В 1927–1934 заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя РВС СССР. С 1934 начальник Управления ПВО РККА. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Камков Борис Давидович (1885–1938) — Член ПСР с 1902. Арестовывался царскими властями. С 1917 член Петроградского комитета ПСР, Петроградского Совета и ВЦИК. Один из организаторов ПЛСР, член ЦК ПЛСР с 1917, председатель президиума ЦК ПЛСР (1918). С 1919 неоднократно арестовывался советскими властями, с 1921 находится в тюрьмах и ссылках. Расстрелян.

Карабет — Анархист, активный участник махновского движения в 1918–1920, боевой командир, член ВРС, секретарь 3-го съезда повстанцев.

Карелин Владимир Александрович (1891–1938) — Член ПСР с 1907. Руководитель Харьковской организации ПСР в 1917. Член ЦК ПЛСР с 1917, товарищ председателя президиума ЦК ПЛСР (1918). В декабре 1917-марте 1918 нарком государственного имущества. Участник Гражданской войны в Украине. С 1921 юрисконсульт советских учреждений в Харькове. Арестован в 1937. Расстрелян.

Каретник Семен Никитович (1893–1920) — Крестьянин. Анархист-коммунист с 1907. Участник махновского движения с августа 1918. Командир повстанческого отряда, член Военно-революционного штаба повстанцев (1918), командир батальона и начальник гарнизона Бердянска при бригаде Махно (1919), командир 2-го Гуляй-польского полка РПАУ (сентябрь-ноябрь 1919), командир 1-го Донецкого корпуса РПАУ (декабрь 1919-январь 1920), помощник командующего РПАУ (май-октябрь 1920), командующий Крымской группы РПАУ (октябрь-ноябрь 1920). Член ВРС повстанцев с весны 1919. Сыграл решающую роль в разгроме Врангеля осенью 1920. Арестован в Джанкое 26 ноября 1920, расстрелян 28 ноября 1920.

Кашен Марсель (1869–1958) — Деятель французского социалистического движения. Член Рабочей Партии Франции с 1891. Член руководства СФИО с 1905. Редактор, с 1918 директор газеты «Юманите». Депутат французского парламента с 1914, сенатор с 1935. С 1920 бессменный член ЦК и Политбюро ЦК Коммунистической партии Франции. Член Исполкома Коминтерна с 1924, член Президиума ИККИ с 1935. Участник Движения Сопротивления.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — Российский политический деятель. Юрист. Со времени революции 1905–1907 сочувствовал ПСР, арестовывался царскими властями, получил широкую известность как защитник на политических процессах. Депутат 4-й Государственной Думы (1912–1917), член и председатель фракции трудовиков. Председатель Верховного Совета российских масонов (с 1915). Участник Февральской революции 1917 г. Член ПСР с марта 1917. В 1917 член Исполкома Петроградского Совета и ВЦИК, член Временного правительства: военный и морской министр (май-октябрь 1917), председатель правительства (июль-октябрь 1917), Верховный главнокомандующий (август-октябрь 1917). Пытался организовать вооруженное подавление Октябрьского восстания, потерпев поражение, перешел на нелегальное положение, а в июне 1918 выехал за границу. Несмотря на резкую критику деятельности Керенского в 1917 со стороны многих с. — р-ов, до конца жизни оставался членом ПСР.

Кибальчич Николай Иванович (1853–1881) — Революционер, участник движения в народ 1870-х, судился по «процессу 193-х». С лета 1879 агент Исполкома «Народной Воли»; как талантливый ученый-химик, разрабатывал и изготовлял бомбы для совершения террористических актов. Арестован в 1881 и казнен по процессу цареубийц.

Кильгаст Федор Васильевич — Морской офицер, штурман. К 1921 заведующий Кронштадтским агентством. Участник Кронштадтского восстания 1921, член и секретарь Временного Ревкома. Вместе с другими членами Ревкома ушел в Финляндию. К 1945 жил в Хельсинки, работал столяром.

Клейн Александр (1891–1921) — Приказчик. Анархист-коммунист с 1917. Участник махновского движения с осени 1918: адъютант штаба повстанцев, командир пехотного полка бригады Махно, а затем РПАУ. Участник всех кампаний махновцев в 1918–1921. Убит в бою с красными в августе 1921.

Клукк фон — Германский генерал, командующий 1-й армией Западного фронта в 1914–1916.

Коваль (?-1922) — Участник махновского движения. Член ВРС повстанцев с февраля 1919. Боевой командир бригады Махно, РПАУ. Один из последних махновских партизанских командиров. Убит в феврале 1922.

Коган (Яковлев) (?-1919) — Рабочий, впоследствии крестьянин-колонист. Член ПЛСР. Активный участник махновского движения с конца 1918. Член и товарищ председателя ВРС повстанцев, вел обширную культурную и организационную работу. Летом 1919 перешел к анархистам, руководит партизанским отрядом. Тяжело ранен в Уманском бою (конец сентября 1919), оставлен в лазарете в Умани, где с приходом белых арестован и расстрелян.

Кожин Фома (?-1921) — Крестьянин. Анархист-коммунист с 1918. Участник махновского движения с декабря 1918: командир отряда, начальник пулеметной команды бригады Махно (начало 1919); член штаба партизанского отряда Махно (лето 1919); командир пулеметного полка РПАУ (с сентября 1919). Проявил качества великолепного тактика в кампаниях против белых (осень-зима 1919 и осень 1919) и красных (лето 1920), один из главных военных руководителей штурма белого Крыма в ноябре 1920. Весной-летом 1921 руководит действиями махновских партизанских отрядов в Донбассе. В июле 1921 тяжело ранен, под чужим именем помещен в больницу в Таганроге, умер во время операции.

Козловский Александр Николаевич (1864–1940) — Генерал-майор (1912). Участник первой мировой и гражданской войн. В Красной армии с августа 1918, командир артиллерийских частей. С декабря 1920 начальник артиллерии крепости Кронштадт. Во время Кронштадтского восстания 1921 осуществлял техническое руководство крепостной артиллерией, никакой политической роли не играл, но, как бывший царский генерал, был объявлен большевистской пропагандой «закулисным руководителем мятежа». После бегства в Финляндию долго был безработным, впоследствии преподавал в русской школе в Выборге, работал на заводе.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — Российский военный деятель, адмирал (1916). Участник русско-японской и первой мировой войн. Командующий Черноморским флотом (1916–1917), военный атташе за границей. В октябре 1918 прибыл в Омск, вскоре назначен военным министром Сибирского правительства, но уже 18 ноября 1918 г. произвел военный переворот, разогнав органы демократической антибольшевистской власти («Уфимская» Директория), и объявил себя «Верховным правителем Российского государства». Руководил белой контрреволюцией в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. Потерпел военное поражение летом-осенью 1919, арестован в ходе восстания в Иркутске, и по постановлению Иркутского ревкома расстрелян 7 февраля 1920.

Коляда Евдоким (?-1921) — Крестьянин. Анархист-коммунист с 1918. Участник антигетманского восстания в Украине осенью 1918, командир повстанческого отряда. В январе 1919 присоединился к махновскому движению. Член оперативного отдела штаба и начальник боеучастка бригады Махно (январь-июнь 1919), командир кавалерийской бригады РПАУ (сентябрь-декабрь 1919), член штаба РПАУ (1920–1921). В феврале 1921 убит в бою с красными.

Константин Павлович (1779–1831) — Великий Князь, сын императора Павла I. Варшавский наместник. Должен был наследовать престол после бездетного Александра I, но еще при его жизни отказался от своих прав в пользу младшего брата, Николая. Это решение было практически неизвестно за пределами императорской семьи, и ситуацию неразберихи, связанной с принесением присяги Константину или Николаю, попытались использовать декабристы, поднимая восстание 1825 г. Оставался наместником в Польше до 1830.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — Российский военный деятель. Генерал (1917), участник первой мировой войны. 19 июля 1917 назначен Временным правительством верховным главнокомандующим русской армии. В конце августа 1917 поднял мятеж, направленный против социалистических Советов и Временного правительства; выступление Корнилова было быстро подавлено, сам он арестован, но бежал из тюрьмы на Дон после Октябрьского восстания. С ноября 1917 организует на Дону белую Добровольческую армию, руководит ею в боях против Советской власти. Убит в апреле 1918 при штурме Екатеринодара.

Костин (?-1919) — Член ПЛСР. Участник махновского движения с начала 1919. Член полевого штаба бригады Махно. 12 июня 1919 арестован красными вместе с другими членами штаба, через несколько дней расстрелян по приговору Чрезвычайного военно-революционного трибунала.

Костромитинов Николай Петрович (1894-?) — Музыкант военного оркестра Кронштадта, участник восстания 1921 г.

Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) — Советский государственный и партийный деятель. Участник Гражданской войны. В 1936 окончил Ленинградский текстильный институт и за три года прошел путь от мастера до директора текстильной фабрики. Нарком текстильной промышленности (1939–1940), зам. председателя СНК СССР (1940–1946), председатель СНК РСФСР (1943–1946), зам. председателя Совета Министров СССР

(1946–1960), председатель Госплана (1959–1960), министр промышленности товаров народного потребления (1953–1954), первый заместитель председателя (1960–1964), председатель Совета Министров СССР (1964–1980). Член ЦК КПСС с 1939, кандидат (1946–1948, 1957–1960), член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС (1948–1952, 1960–1980). Депутат Верховного Совета СССР.

Кочкарев — Харьковский военный комиссар времен Гражданской войны.

Крат Филипп — Гуляй-Польский крестьянин. Анархист-коммунист с 1907. В 1917 был секретарем Гуляй-Польской группы анархистов, членом Совета крестьянских депутатов, делегат уездных съездов Советов. С конца 1918 участвовал в махновском движении. В 1919 — зав. хозяйственной частью РПАУ.

Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923) — Российский государственный деятель. Статс-секретарь, гофмейстер императорского двора, член Государственного Совета (1907–1917), товарищ министра финансов (1905–1908), Главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915), активный сторонник аграрной политики Столыпина. После Октябрьской революции один из организаторов «Правого центра» (Москва). В 1920 глава правительства Врангеля. С 1920 жил в Париже.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) — Основатель, идеолог и лидер российского и международного анархического движения. Ученый-энциклопедист с мировым именем, занимался географией, геологией, социологией, историей, биологией. В революционном движении участвовал с 1872, подвергался репрессиям российского и французского правительств. В 1917 вернулся в Россию после 41 года эмиграции. В последние годы жизни активной политической деятельности не вел.

Кузьмин Николай Иванович (1883–1939) — Советский военный и государственный деятель. Член РСДРП с 1903, большевик. Участник Октябрьской революции 1917. Член бюро Петроградского Комитета РКП(б) (1918). Участник Гражданской войны, член РВС ряда армий, военком Балтийского флота. С декабря 1920 пом. командующего флотом по политической части, с февраля 1921 комиссар Балтийского флота. В 1921–1925 находился на дипломатической работе. В 1925–1926 член РВС Туркестанского, Среднеазиатского военных округов, затем прокурор Военной Коллегии Верховного Суда СССР, начальник Управления военно-учебных заведений РККА, член РВС, начальник ПУР Сибирского военного округа. С 1934 на дипломатической, партийной, советской работе. Репрессирован.

Кун Бела (1886–1939) — Деятель венгерского и международного революционного движения. Член Социал-демократической партии Венгрии с 1902. Во время Первой мировой войны сдался в русский плен, направлен в лагерь военнопленных в Томск. В 1917 примкнул к большевикам. Участвовал в издании венгерской коммунистической газеты в Петрограде «Социалист-интернационалист» (1917–1918). Один из организаторов венгерских частей Красной армии. Председатель Венгерской группы РКП(б) и Федерации иностранных групп РКП(б) (1918). В ноябре 1918 нелегально вернулся в Венгрию, один из организаторов Коммунистической Партии Венгрии. В период существования Венгерской Советской Республики (1919) — нарком иностранных дел и нарком по военным делам. В 1920 вернулся

в РСФСР. Член РВС Южного фронта, председатель Крымского ревкома (1920–1921). Член ИККИ (1921–1937). Руководитель Заграничного Бюро КПВ (1925–1928). Репрессирован.

Куполов Александр Арсеньевич (1897-?) — Член ПСР. Старший лекарский помощник корабля Балтийского флота. Активный участник Кронштадтского восстания 1921, член ВРК. При подавлении восстания бежал в Финляндию. Сотрудничал в эмигрантской газете «Путь». В 1922 выслан финским правительством из страны, арестован ЧК. Согласился сотрудничать с ЧК и был освобожден (хотя реальной работы для органов не вел). Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Куриленко Василий Васильевич (1891–1921) — Крестьянин. Анархист-коммунист с 1910. Участник Первой мировой войны. В 1917 избирался председателем полкового комитета. В конце 1917 — начале 1918 был председателем Екатеринославского губвоенбюро. Летом 1918 организовал один из первых повстанческих отрядов в Северной Таврии. С конца того же года присоединился к махновскому движению, член оперативного штаба повстанцев-махновцев, начальник боеучастка. Командир 8-го полка бригады Махно (1919). За штурм Мариуполя награжден орденом Красного Знамени. Летом 1919 части Куриленко включены в состав 14 армии красных, командир полка, бригады, дивизии на Южном и Польском фронтах. Зарекомендовал себя великолепным тактиком кавалерийского боя. В феврале 1920, находясь в отпуске в связи с ранением, дезертировал и снова присоединился к махновщине. С мая 1920 — заместитель командующего армии, командир 2-й кавалерийской группы РПАУ, член Совета Революционных Повстанцев и начальник его административно-организационного отдела. Осенью 1920 входил в состав дипломатической комиссии повстанцев, подписал военно-политическое соглашение с правительством УССР. В последний период существования РПАУ был командиром самостоятельного повстанческого отряда, затем помощником командующего армии и командиром кавалерийской группы РПАУ. Убит в бою 8 июля 1921.

Лассаль Фердинанд (1825–1864) — Деятель германского рабочего и социалистического движения. Организатор и руководитель Всеобщего Германского Рабочего Союза (1863–1875). Сторонник ведения легальной политической борьбы за всеобщее избирательное право и организации производительных ассоциаций, что, по мнению Лассалья, в конечном итоге приведет к созданию «свободного народного государства».

Лашевич Михаил Михайлович (1884–1928) — Советский военный и партийный деятель. Член РСДРП с 1901, большевик с 1906. В 1917 секретарь, затем председатель фракции большевиков Петроградского Совета, член Петроградского комитета РСДРП(б). Участник Октябрьского восстания в Петрограде, член ВРК. Участник Гражданской войны: командующий ряда армией, член РВС Восточного и Южного фронтов (1918–1919). Командующий войсками Сибирского военного округа, председатель Сибревкома (1920–1925). Заместитель наркома по военным и морским делам, заместитель председателя РВС СССР (1925). В 1925 снят со всех постов как участник троцкистской оппозиции. С 1926 заместитель председателя правления КВЖД. Член ЦК в 1918–1919, 1923–1925, кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1927. В 1927 исключен из партии, в 1928 восстановлен.

Ленин Владимир Ильич (1870–1924) — Советский партийный и государственный деятель. Организатор, идеолог и бессменный руководитель партии большевиков. Председатель СНК и СТО РСФСР и СССР (1918–1924).

Лепетченко Александр Савельевич (1890–1920) — Гуляй-Польский крестьянин. Анархист-коммунист с 1907. Первый командир Гуляй-Польского отряда «Черной Гвардии» (1917–1918). Участник махновского движения с лета 1918. Личный адъютант Махно, сотрудник контрразведки бригады Махно, затем РПАУ. В январе 1920 арестован и расстрелян красными.

Лепетченко Иван Савельевич (?–1937) — Гуляй-Польский крестьянин. Анархист-коммунист с 1917. Участник махновского движения с лета 1918, находился на ответственных постах в повстанчестве вплоть до 1921. В 1925 по амнистии вернулся в СССР из Румынии. Арестовывался по обвинению в нелегальной анархической деятельности в 1931, 1935, 1937. Расстрелян.

Лепти Жюль (1889–1920) — Активист французского рабочего и анархо-синдикалистского движения. Работал в Федерации строительных рабочих. В 1920 участвовал во 2-м конгрессе Коминтерна в Москве, на обратном пути во Францию пропал без вести вместе с тремя другими делегатами.

Лефевр Раймон (1891–1920) — Французский писатель, журналист, историк. Участник Первой мировой войны, под воздействием которой отказался от своих прежних правых, националистических взглядов и перешел на позиции социализма и интернационализма. Член СФИО. В 1919 входил в Парижский комитет 3-го Интернационала. В 1920 участвовал во 2-м конгрессе Коминтерна в Москве, на обратном пути во Францию пропал без вести вместе с тремя другими делегатами.

Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878–1952) — Советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1901, большевик с 1903. Участник революции 1905–1907. С 1911 один из лидеров группы большевиков-примиренцев, выступивших против раскола РСДРП. В 1917 вышел из РСДРП(б), один из лидеров РСДРП(и), член ее ЦК (1918–1919). Секретарь ВЦСПС (1917–1918). В 1919 вместе с членами своей партии вступил в РКП(б). Один из организаторов Красного Интернационала профсоюзов (1921), генеральный секретарь Профинтерна (1921–1937). Директор Гослитиздата (1937–1939). Заместитель наркома (министра) иностранных дел (1939–1946). Заместитель начальника, начальник Совинформбюро (1941–1948). Кандидат в члены ЦК (1927–1939), член ЦК ВКП(б) с 1939. Член ИККИ (1920–1943). В 1949 арестован по делу «Еврейского антифашистского комитета», расстрелян.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — Советский государственный и партийный деятель. Социал-демократ с 1895, большевик с 1903, один из руководителей большевистской фракции РСДРП. С 1909 входил в левобольшевистскую группу «Вперед». В 1917 один из руководителей организации социал-демократов-«межрайонцев», в составе которой принят в РСДРП(б). Нарком просвещения (1917–1929), председатель Ученого комитета при ЦИК СССР (1929–1933), полпред в Испании (1933).

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — Российский политический и государственный деятель. Князь, крупный помещик. В 1905–1917 близок кадетам. Депутат 1-й Государственной Думы (1906). Председатель Всероссийского Земского союза, один из руководителей Союза земств и городов (Земгор). Глава Временного правительства в марте-июле 1917. После Октябрьской революции уехал из России, в эмиграции возглавлял Земгор и Русское политическое совещание (Париж).

Люксембург Роза (1871–1919) — Деятельница германского, польского и международного социалистического движения. Участвовала в основании Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы (1893). С 1898 жила в Германии, возглавляла левое крыло СДПГ, одновременно с 1902 входила в руководство СДКПил. Арестована в 1915 за антивоенную интернационалистскую деятельность. Освобождена в 1918 и приняла участие в создании Коммунистической партии Германии (1918). Убита группой офицеров контрреволюционеров.

Лютый Исидор («Петя») Ефимович (1893–1919) — Гуляй-Польский крестьянин. Рабочий-маляр. Анархист-коммунист с 1907. Участник Первой мировой войны. Участник махновского движения с августа 1918, адъютант и телохранитель Махно. Убит в Уманском бою с белыми 27 сентября 1919.

Макеев (?-1919) — Рабочий. Анархист-коммунист, один из лидеров Иваново-Вознесенской группы, агитатор и организатор. Участник Октябрьского восстания 1917 в Иваново-Вознесенске. В апреле 1919 вместе с 36-ю ивановскими анархистами приехал в Гуляй-Поле и присоединился к махновскому движению. Член ВРС повстанцев, участвовал в работе культпросветотдела. Осенью 1919 недолго был комендантом штаба РПАУ, затем командовал повстанческим отрядом в Кобеляцком уезде Харьковской губ. Погиб в бою с белыми в ноябре 1919.

Мамонтов Константин Константинович (1869–1920) — Российский военный деятель. Генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской войны командовал группой войск Донской армии, затем 4-м Донским конным корпусом. В августе-сентябре 1919 корпус Мамонтова совершил рейд по тылам войск красного Южного фронта. В декабре 1919 отстранен от командования корпусом в связи с поражением. Умер от тифа.

Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873–1923) — Российский политический деятель. Социал-демократ с 1891. Один из основателей и руководителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895). С начала 1900-х — один из крупнейших деятелей и идеологов РСДРП. Член редакции центральных органов РСДРП «Искра» (1901–1905), «Голос социал-демократа» (1907–1909). С 1903 — лидер и основной идеолог меньшевизма. Член Исполкома Петербургского Совета (1905). С 1907 становится ведущим деятелем течения меньшевиков-«ликвидаторов». Во время Первой мировой войны — интернационалист. В 1917 возглавлял левое крыло меньшевиков, после Октябрьской революции ставшее доминирующим в РСДРП. В 1918–1920 член ВЦИК и Московского Совета, критиковал большевиков за их антидемократизм и утопизм. В 1920 эмигрировал в Германию. С 1921 лидер Заграничной делегации РСДРП, основатель и редактор журнала «Социалистический вестник». Член ЦК РСДРП (1905–1906, 1917–1923), ОК РСДРП (1912–1917).

Маруся («Маруся Черная») (? — 1922) — Крестьянка. Анархистка. Участница махновского движения, к лету 1920 командовала махновским повстанческим отрядом, в конце 1920 кавалерийским полком РПАУ. По общепринятой версии, убита в бою с красными в Киевской губ. 20.08.1921. В конце 1920-х анархист В. Стрелковский записал рассказ жителей одного из сел Киевской области, в соответствии с которым Маруся была тяжело ранена, вылечена крестьянами, но сошла с ума от пыток, которым ее подвергли красные. В начале 1922 убита при невыясненных обстоятельствах.

Марченко Алексей Семенович (1893–1921) — Гуляй-Польский крестьянин. Анархист-коммунист с 1908. Участник Первой мировой войны. Участник махновского движения с июля 1918. Командир кавалерийского отряда, член военно-революционного штаба повстанцев (1918–1919). Член штаба бригады Махно (1919). Член ВРС (1919–1921). Командир 1-й кавалерийской, затем 1-й пехотной группы РПАУ (1920), осенью 1920 — командир Крымской группы РПАУ. В январе 1921 убит в бою с красными в Полтавской губ.

Маслак Г. С. (1877–1921) — Кубанский казак, бывший царский офицер. В Красной армии с ноября 1917. Участник Гражданской войны, командир кавалерийского полка, бригады, дивизии. Награжден двумя орденами Красного Знамени. К осени 1920 командовал бригадой в составе 1-й Конной армии. Установив связь с махновцами во время Крымской кампании, вел подготовку к антибольшевистскому восстанию Конармии и ее переходу на сторону махновщины. В январе 1921 заговор был раскрыт, в связи с угрозой ареста Маслак был вынужден начать восстание ранее намеченного срока, сумел увести к повстанцам лишь часть своей бригады. Объявил себя анархистом. С февраля 1921 утвержден командующим Кавказской Повстанческой Армии (махновцев), вел партизанскую борьбу против советской власти на Ставропольщине. К июлю 1921 армия Маслака была разбита, а в конце сентября 1921 сам он убит засланными в отряд чекистскими агентами.

Матросенко Антон (1888–1921) — Крестьянин. Анархист-коммунист с 1907. В 1918 участвовал в повстанческом движении против гетмана Скоропадского, в конце того же года присоединился к махновщине. Член культпросветотдела ВРС РПАУ, заведующий театральной секцией. Участвовал в боевых действиях. В апреле 1921 застрелился при аресте.

Махно Григорий Иванович (?-1920) — Гуляй-Польский крестьянин. Анархист-коммунист с 1907. В 1918 был начальником штаба бригады РККА на Царицынском фронте. Участник махновского движения с весны 1919. Член штаба бригады Махно, летом 1919 некоторое время был начальником штаба объединенных повстанческих войск Махно и Григорьева, затем — член штаба РПАУ. Пленен и расстрелян красными в январе 1920.

Махно Нестор Иванович (1888–1934) — Деятель российского и международного анархического движения. Гуляй-Польский крестьянин. По профессии — рабочий (слесарь, маляр). Анархист-коммунист с 1906. За участие в террористических актах несколько раз арестовывался царской полицией, в 1910 приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Освобожден Февральской революцией 1917. С марта 1917 — лидер анархического и революционного движения в Гуляй-Поле и районе, председатель Крестьянского Союза, позже преобразованного в Совет, председатель Совета профсоюза.

Входил в состав ревкомов в Александровске и Гуляй-Поле (начало 1918). С июля 1918 вел подпольную работу в Александровском уезде против германских оккупантов и власти гетмана Скоропадского; к августу 1918 организовал небольшой партизанский отряд, ставший ядром массового социально-революционного движения (махновщины). В ноябре 1918 Махно формально утвержден командиром повстанческих сил; к этому же времени повстанцы дали ему уважительное имя «Батько». В феврале 1919 махновцы, ведущие бои против петлюровцев и деникинцев, вошли в состав Красной армии в качестве 3-й Заднепровской бригады, командиром которой назначен Махно. За взятие Мариуполя был награжден советским командованием орденом Красного Знамени за № 4. Оппозиция махновцев большевистскому режиму привела в начале июня 1919 к разрыву союза и нападению красных войск на повстанческие части и районы; Махно ушел с поста комбрига и начал партизанскую войну одновременно против красных и белых. Тогда же, летом 1919, уничтожил остатки антисоветского движения атамана Григорьева. В сентябре 1919 Махно избран командующим РПАУ, — оставался на этом посту до 1921. Осенью-зимой 1919 РПАУ вела борьбу против Деникина, разгромив тыл белых и обеспечив их полный разгром Красной армией, а с начала 1920 снова повела войну против советской власти. В сентябре-ноябре 1920 недолго просуществовал новый военно-политический союз между махновцами и большевистским правительством, хотя сам Махно в эти месяцы активной роли не играл в связи с ранением. В августе 1921 в связи с разгромом повстанчества Махно ушел в Румынию с небольшим отрядом. В эмиграции жил в Румынии (1921–1922), Польше (1922–1924), Германии (1924–1925), Франции (1925–1934). Преследовался властями этих стран, сидел в польских и германских тюрьмах. С 1925 вел активную работу в «Группе русских анархистов за границей», затем в Федерации анархистов-коммунистов «Дело Труда». Соавтор (вместе с П. Аршиновым) проекта «Организационной платформы Всеобщего Союза Анархистов», вызвавшего оживленную дискуссию в российском и международном анархическом движении. Постоянный сотрудник газеты «Дело Труда». Участник международных конференций анархистов-коммунистов в 1927 и 1930. Умер в Париже 25 июля 1934.

Махно Савва Иванович (1885–1920) — Гуляй-Польский крестьянин. Участвовал в русско-японской войне. Анархист-коммунист с 1907. Командир отряда «Черной Гвардии» в начале 1918, участвовал в боях с казаками и петлюровцами. Участник махновского движения с ноября 1918. Работал в службах снабжения повстанчества, пройдя путь от рядового снабженца до помощника начальника снабжения РПАУ. Пленен и расстрелян красными 21 февраля 1920.

Межлаук Валерий Иванович (1893–1938) — Советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1907, член РСДРП(б) с 1917. Участник революционного движения в Харькове в 1917: член Совета, председатель агитационной комиссии Совета, член комитета РСДРП(б), член ВРК. В 1918–1920 губвоенком Казани, член областного комитета КП(б)У Донбасса, член Донецкого военного штаба, член РВС ряда армий и Южного фронта, нарком военных дел УССР. С 1920 на руководящей государственной и хозяйственной работе. Заместитель председателя ВСНХ и Госплана (1926–1934), заместитель председателя СНК и СТО СССР и председатель Госплана СССР (1934–1937), нарком тяжелой промышленности (1937). Член ЦК ВКП(б) (1934–1937). Репрессирован.

Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) — Российский политический деятель. Историк, публицист, сотрудник «Русского богатства», «Русских ведомостей». В 1906 кадет, с 1907 один из лидеров НСП. Соучредитель народнического издательства «Задруга» (1911), редактор журналов «Голос минувшего» (1913–1928), центральных органов НСП и ТНСП «Власть народа» (1917) и «Народный социалист» (1917–1918). Член и товарищ председателя ЦК ТНСП с 1917. После Октябрьской революции участвовал в антибольшевистской борьбе, входил в руководство «Союза возрождения России» и Тактического Центра. По делу Тактического Центра был приговорен ВЧК к расстрелу, замененному 10 годами тюрьмы. В 1921 был освобожден и в 1922 выслан из РСФСР. В эмиграции — член Заграничного Комитета ТНСП (с 1923), редактор журналов «На чужой стороне» (1923–1928), «Борьба за Россию» (1926–1930-е), «Возрождение» (1949–1954).

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — Российский политический деятель. Историк. За оппозиционную самодержавию деятельность подвергался репрессиям с 1890-х годов. Один из лидеров нелегальной буржуазно-демократической организации «Освобождение» (1902–1905). Организатор партии кадетов, с 1907 председатель ее ЦК и редактор ЦО «Речь». Депутат 3-й и 4-й Государственной Думы, лидер кадетской фракции. В первом составе Временного правительства (март-май 1917) министр иностранных дел, сторонник войны до победного конца; деятельность Милюкова в конце апреля 1917 привела к политическому кризису и вызвала его отставку. В конце 1917 бежал на Дон, активно сотрудничал с белогвардейцами. В 1920 эмигрировал. Редактор газеты «Последние новости» (1921–1941), — наиболее влиятельного эмигрантского издания. Член Российского общества Лиги Народов.

Мирбах Вильгельм (1871–1918) — Германский политический деятель. Граф. Дипломат. Посол Германии в РСФСР с апреля 1918. Убит левыми с.-р. 6 июля 1918, что стало сигналом к выступлению левых с.-р. в Москве.

Михаил Александрович (1878–1918) — Великий Князь, брат Николая 2. В 1915 — начале 1917 рассматривался оппозиционными правительственно-думскими кругами как кандидат на императорский трон вместо Николая. После отречения Николая 2, Михаил 3 марта 1917 отказался вступить на престол. Расстрелян осенью 1918 в порядке красного террора.

Михайлов Тимофей Михайлович (1859–1881) — Рабочий. Член «Народной Воли». Участник покушения на Александра 2. Арестован в начале марта 1881, казнен по процессу цареубийц.

Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — Российский общественный деятель. Социолог, публицист. Близок революционному движению с начала 1860-х. Ведущий идеолог либерального народничества. Редактор журналов «Отечественные записки», «Русское богатство».

Михалев-Павленко (?–1919) — Бывший офицер железнодорожных войск. Почтово-телеграфный работник. Анархист-синдикалист. Активный участник революционных событий в Петрограде в 1917–1919. Весной 1919 присоединился к махновскому движению, член штаба бригады Махно, член ВРС. Организатор и начальник инженерно-технических войск повстанчества. Арестован в июне 1919 и расстрелян в числе членов штаба бригады Махно.

Мокроусов Анатолий Васильевич (1887–1959) — Советский военный и хозяйственный деятель. Полковник (1943). Рабочий-шахтер. Анархист-коммунист с 1905, участник революций 1905–1907 и 1917. В 1917 служил матросом Черноморского флота, лидер Севастопольской группы анархистов. Участник Октябрьского восстания в Петрограде. Организатор и командир Черноморского отряда матросов-анархистов, во главе которого сражался с белогвардейскими и германскими войсками в Украине, на Дону и Северном Кавказе. В 1919 командир бригады РККА, в 1920 — командир Крымской Повстанческой армии. В 1921–1924 жил в организованной бывшими анархистами сельскохозяйственной коммуне под Симферополем. С 1924 на хозяйственной работе. Член ВКП(б) с 1928. Участник Гражданской войны в Испании, военный советник командующего Арагонским фронтом (1937–1939). Участник Второй мировой войны, командир партизанского отряда (1941–1942), командир 66-го гвардейского стрелкового полка (1943–1946).

Мошотт Якоб (1822–1893) — Германский ученый, философ, физиолог. Представитель «вульгарного материализма».

Муромцев С. А. (?-1910) — Российский политический деятель. Юрист, профессор. С конца 1890-х участвовал в оппозиционном буржуазно-демократическом движении, входил в нелегальную организацию «Освобождение». Один из основателей партии кадетов (1905), член ее ЦК. Председатель 1-й Государственной Думы (1906). Во время революции 1905–1907 рассматривался буржуазно-демократической оппозицией как кандидат на должность председателя Совета Министров.

Мюзам Эрих (1878–1934) — Деятель германского анархического движения. Рабочий. Пролетарский поэт. Активный участник революции 1919 в Баварии. При разгроме Баварской Советской Республики был арестован и приговорен к 15 годам тюрьмы. Освобожден по амнистии в конце 1924. Один из руководителей анархо-синдикалистского «Свободного рабочего союза». Арестован нацистами после их прихода к власти в 1933 и заключен в концлагерь в Ораниенбауме. Подвергался пыткам и издевательствам. Убит нацистами 9.07.1934 (по официальной версии — покончил с собой).

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — Российский политический деятель. Один из основателей партии кадетов, лидер ее левого крыла, стремившегося к сотрудничеству с народническим социализмом. Депутат 3-й и 4-й Государственной Дум. В 1917 был членом Временного правительства: министр путей сообщения, заместитель председателя Совета Министров, министр финансов. С июля 1917 организатор и руководитель Радикально-демократической партии. Во время Октябрьской революции 1917 — генерал-губернатор Финляндии. При советской власти работал в кооперации, был членом правления Центросоюза РСФСР и СССР (1921–1930), позже занимался преподавательской работой. Репрессирован.

Никифорова Мария Григорьевна (1885–1919) — Деятельница российского анархического движения. Из дворян, дочь офицера. В 1903–1905 член ПСР. С 1905 — анархистка-коммунистка. За участие в террористических актах в 1907 была арестована и приговорена к смертной казни, замененной на 20 лет каторги. 1.07.1909 бежала из Таганской каторжной тюрьмы вместе с группой заключенных. Участвовала в анархическом движении в США,

Испании, Франции. Во время террористического акта в Испании была тяжело ранена. Как представительница Парижской Федерации анархистов-коммунистов участвовала в 1-й Объединительной конференции русских анархистов-коммунистов за границей (28.12.1913-01.01.1914, Лондон). Во время Первой мировой войны окончила офицерскую школу, получила звание офицера французской армии, став единственной иностранкой-офицером во Франции, участвовала в боях на Салоникском фронте в Греции. В 1917 вернулась в Россию. Активная участница Июльского восстания в Петрограде против Временного правительства. Преследовалась властями летом-осенью 1917. К августу 1917 переехала в Александровск, где воссоздала Федерацию Анархистов, ставшую благодаря Никифоровой массовой организацией. Организатор и командир анархо-террористического отряда, идеолог безмотивного уничтожения всех государственных учреждений. Участвовала также в организации боевых групп анархистов-коммунистов в Екатеринославе, Одессе, Николаеве, Херсоне, Юзово, Мелитополе, Никополе, Горловке. В январе 1918 участвовала в установлении советской власти в Александровске и в боях с белоказаками, член городского ревкома. Как командир анархической «Вольной боевой дружины» участвовала в боях с белыми и германскими войсками в Украине, Крыму и на Царицынском фронте. В то же время с весны 1918 начались конфликты между Никифоровой и советскими властями: уже к началу марта она вышла из всех руководящих органов Александровского уезда как принципиальная противница власти, в апреле 1918 была арестована за самочинные реквизиции, но оправдана по суду, в мае 1918 боевой отряд Никифоровой был разоружен под Царицыном. Участвовала в подпольной антибольшевистской деятельности в Поволжье и в анархическом восстании в Саратове. В сентябре 1918 Никифорова была арестована и отправлена в Москву, где через месяц освобождена до суда на поруки А. Карелина и В. Антонова-Овсеенко. Вошла в состав Секретариата Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов, работавшего над объединением анархо-коммунистического движения России, но вскоре выехала в Украину, где участвовала в повстанческом движении. Перейдя нелегально линию фронта, в конце декабря 1918 вернулась в Москву, участвовала в 1-м Всероссийском съезде анархистов-коммунистов и вновь избрана в Секретариат ВФАК. После съезда вернулась в Украину, участвовала в боях против войск Директории УНР в Харьковской и Екатеринославской губерний; анархический отряд Никифоровой первым вошел в Екатеринослав 27 января 1919. В это же время (21-23 января 1919) в Москве проходил суд революционного трибунала по делу Никифоровой, на котором она была признана виновной в дискредитации советской власти, в неисполнении приказов местных органов, в массовых незаконных реквизициях и грабежах, — но учитывая ее революционные заслуги, трибунал ограничился запретом занимать командные должности на срок шесть месяцев. Обвинения в реквизициях и грабежах вскоре были сняты. Специальная комиссия Украинского советского правительства под председательством Пятакова выразила протест против этих решений, обвинила Никифорову в бандитизме и потребовала ее расстрела, — однако никаких последствий это не имело. В феврале 1919 Никифорова присоединилась к махновскому движению, в котором занималась культурно-просветительской деятельностью: организацией детских садов и детских коммун, созданием в Гуляй-польском районе трех школ, налаживанием медобслуживания населения. После разрыва большевиками военно-политического союза с махновщиной, организовала террористическую группу для действий против центральных фигур красного и белого правительств. Выехала в Крым для организации убийства генерала Деникина. В августе или сентябре 1919 была опознана на улице в Симферополе и арестована белой контрразведкой. Судилась в сентябре или октябре

1919 Севастопольским военно-полевым судом, приговорена к смертной казни. Повешена.

Николай 1 Павлович (1796–1855) — Российский император в 1825–1855. Правление Николая 1 характеризуется крайне реакционной внутренней и внешней и внутренней политикой: начав с подавления восстания декабристов, Николай 1 учредил политическую полицию («Третье отделение»), преследовал прогрессивных деятелей культуры (Пушкин, Лермонтов, Шевченко, Белинский и др.), жестоко подавил Польское восстание 1830–1831 гг. и Венгерскую революцию 1848–1849 гг., заслужив имя «европейского жандарма». Начавшаяся при нем Крымская война 1853–1856 гг. окончилась катастрофическим поражением России, показав слабость крепостнического самодержавного строя.

Николай 2 Александрович (1868–1918) — Российский император в 1894–1917. Крайне слабый и безвольный как личность, Николай 2 показал полную неспособность к управлению государством, проявившуюся в жестоких поражениях России в ходе русско-японской и Первой мировой войн, что вызвало недовольство им даже в среде монархистов. С трудом удержав власть в ходе революции 1905–1907 гг., Николай был свергнут Февральской революцией 1917. Расстрелян 17 июля 1918 в Екатеринбурге.

Николай Николаевич (1856–1929) — Великий Князь. Был Верховным главнокомандующим русской армии во время первой мировой войны. После 1917 эмигрировал. В 1920-х претендовал на титул российского императора, вел по этому поводу борьбу с В. Князем Кириллом Владимировичем.

Носарь — См. Хрусталеv-Носарь.

Озеров Яков Васильевич (?–1919) — Штабс-капитан царской армии. Член ПСР, затем Союза с.-р. — максималистов, участник революции 1905–1907. Был арестован, в 1908 бежал и эмигрировал. В 1917 вернулся в Россию, присоединился к ПЛСР, оставшись максималистом по убеждениям (позже член ССРМ). С конца 1917 — помощник военного комиссара Северного Кавказа. Весной-летом 1918 командир роты в отряде Курского Союза СРМ. Арестовывался чекистами в июле 1918. Позже был освобожден, вступил в Красную армию; в качестве военспеца участвовал в гражданской войне на Северном Кавказе. В марте 1919 назначен начальником штаба 3-й бригады 2-й Украинской Советской армии (комбриг Н. Махно) и быстро встал на идейные позиции махновского движения. Арестован чекистами 12 июня 1919 вместе с большинством членов штаба махновской бригады, и 17 июня 1919 расстрелян по приговору ревтрибунала.

Онипко Федор Михайлович (1880–1938) — Российский политический деятель. Депутат 1 Государственной Думы (1906), один из организаторов и лидеров Всероссийского Крестьянского Союза и Трудовой группы. Активный участник Кронштадтского восстания в июле 1906, был арестован и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Туруханский край. По пути в ссылку бежал за границу. В 1917 — генеральный комиссар Временного правительства на Балтийском флоте. С 1920 работал инструктором в учреждениях наркомата статистики. Репрессирован.

Орешин Иван Ефремович (1877-?) — Член ПСР. Заведующий трудовой школой и народным университетом в Кронштадте. Активный участник Кронштадтского восстания 1921, член ВРК. После подавления восстания жил в Финляндии.

Ососов Герасим Александрович (1892-после 1945) — Матрос Балтийского флота, машинист линкора «Севастополь». Анархист. Один из лидеров Кронштадтского восстания 1921. Член ВРК и заведующий его военно-оперативной частью, входил в редакцию «Известий Кронштадтского ВРК»; как член оперативной тройки участвовал в разработке плана действий повстанцев. После подавления восстания жил в Финляндии.

Павлов Петр Алексеевич — Рабочий минных мастерских крепости Кронштадт. Активный участник Кронштадтского восстания 1921, член ВРК. После подавления восстания был арестован.

Пархоменко (?-1921) — Брат красного комдива Александра Пархоменко. Рабочий. Анархист-коммунист с 1917. Участвовал в Гражданской войне в Украине и на Дону с осени 1917. В мае 1919 присоединился к бригаде Махно, был командиром роты, батальона, к лету 1920 — командир 9-го пехотного полка РПАУ. Как противник военно-политического соглашения с советской властью, в октябре 1920 вышел из РПАУ во главе своего полка. Присоединившись к антоновскому восстанию, вел партизанскую борьбу против красных в Тамбовской и Воронежской губерниях. Вскоре разошелся с руководителем повстанческого движения Антоновым, т. к. будучи анархистом, Пархоменко отказался поддержать лозунг Учредительного Собрания. В феврале 1921 снова присоединился к РПАУ, затем перешел в Кавказскую Повстанческую Армию Маслакова. В марте-апреле 1921 вел самостоятельную партизанскую борьбу против красных в Богучарском уезде. В начале мая 1921 штаб и ВРС РПАУ поручили Пархоменко войти в союз с повстанцами Антонова и возобновить действия в Воронежской губ., но к июлю 1921 отряд был разбит красными, а сам Пархоменко вскоре погиб в бою.

Патрушев Филипп Антонович (1891-?) — Матрос Балтийского флота, старший гальванер линкора «Севастополь». Анархист. Активный участник Кронштадтского восстания 1921, член ВРК. После подавления восстания был арестован.

Первушин Федор Хрисанфович (1880-1921) — Член РКП(б), комиссар труда Кронштадтского Совета. В марте 1921 г. — член Временного бюро Кронштадтской организации РКП(б), выступившего с поддержкой антибольшевистского восстания. Арестован при подавлении восстания, расстрелян.

Перепелкин Петр Михайлович (1891-1921) — Бывший пекарь, с 1912 — матрос Балтийского флота, гальванер линкора «Севастополь». Анархист. Один из активнейших руководителей Кронштадтского восстания 1921. Член ВРК, заведующий его агитационным отделом. Организовывал отправку представителей повстанцев в Петроград и др. города для агитации и распространения литературы кронштадтцев. Пленен красными войсками при штурме Кронштадта. Расстрелян.

Перкус — Анархист-синдикалист. Активист «Союза Русских Рабочих в США», член Секретариата Союза, редактор газеты «Хлеб и Воля» (Нью-Йорк). В ноября 1919 был арестован по обвинению в антиамериканской деятельности и выслан в РСФСР в числе американских анархистов российского происхождения. Поселившись в Москве, в апреле 1920 вошел в Оргбюро Всероссийской Федерации Анархистов. 6 марта 1921 в числе группы «советских анархистов» обращался в Петроградский Совет с предложением о посредничестве между правительством и восставшими кронштадтскими матросами. Вскоре арестован.

Перовская Софья Львовна (1853–1881) — Деятельница российского революционного движения. Дочь Петербургского градоначальника. С 1871 входила в число лидеров «Общества чайковцев». Арестована за участие в «хождение в народ», судилась по «процессу 193-х». В 1878 вошла в общество «Земля и Воля» и его руководящий «Основной кружок». С августа 1879 член Исполкома «Народной Воли». Вела пропагандистско-организационную и террористическую деятельность, руководила покушением на Александра 2. Казнена 3 апреля 1881 по процессу цареубийц.

Пестель Павел Иванович (1793–1826) — Полковник, командир Вятского пехотного полка. Участник Отечественной войны 1812 г. Основатель и глава «Южного общества» декабристов, автор проекта конституции «Русская правда». Арестован накануне восстания в Петербурге. Повешен.

Петерс Яков Христофорович (1886–1938) — Советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1904 г., большевик. Входил в Социал-Демократию Латышского Края, член ЦК СДЛК (1917). Участник Октябрьского восстания в Петрограде, член ПВРК. Член коллегии и зам. председателя ВЧК (1917–1918), председатель Верховного Революционного Трибунала (1918–1919). Член Туркестанского бюро ЦК РКП(б), полпред ВЧК в Туркестанской Советской Республики (1920–1922). Член Коллегии ОГПУ (1923–1937). Член ЦКК (с 1923), председатель МКК ВКП(б) (1930–1934). Репрессирован.

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — Украинский политический и партийный деятель. С 1900 г. активный участник «Революционной Украинской Партии» (РУП), руководитель ее Полтавской и Кубанской организаций. Член УСДРП и ее ЦК с 1905. Редактор ряда партийных изданий. Неоднократно репрессировался царским правительством. В 1917 становится одним из лидеров украинского национального движения: председатель Генерального Военного Комитета при Центральной Раде, Генеральный секретарь военных дел правительства Центральной Рады. Инициатор украинизации армейских и флотских частей, состоявших из этнических украинцев. Еще до формального выхода Украинской Народной Республики (УНР) из состава России, в ноябре 1917 г., объявил о подчинении всех вооруженных сил на территории Украины правительству Рады. С началом Брестских переговоров о мире между УНР и странами германского блока вышел в отставку как противник заключения мира. Организует казачьи (гайдамацкие) части, во главе которых пытается остановить наступление советских войск на Украину в конце 1917 — начале 1918. После переворота гетмана Скоропадского (29 апреля 1918) встал в открытую оппозицию к новому правительству, которое обвинял в антидемократической и антинациональной политике. Был арестован в июле 1918, освобожден в ноябре того же года и возглавил

массовое восстание против режима гетмана и германо-австрийских оккупантов. Заочно избран членом Директории и главнокомандующим армии УНР, с февраля 1919 — глава Директории. В начале 1919 вышел из УСДРП. В 1919–1920 вел вооруженную борьбу против Деникина и советской власти. В конце 1920 эмигрировал в Польшу. До конца жизни оставался главой «правительства УНР в изгнании». Убит в Париже 25 мая 1926 г. анархистом С. Шварцбардом как главный организатор еврейских погромов в Украине в ходе Гражданской войны.

Петрашевский Михаил Васильевич (1821–1866) — Российский революционный деятель. Социалист, организатор нелегального кружка. Арестован в 1849 и приговорен к каторге.

Петренко-Платонов Петр (1890–1921) — Анархист-коммунист с 1918. Участник Первой мировой войны, полный георгиевский кавалер, прапорщик. С лета 1918 — командир одного из первых повстанческих отрядов на Левобережной Украине. Участник махновского движения с конца 1918. Бессменный член ВРС повстанцев. Командир полка бригады Махно (1919). Командир бригады (1919), 2-й пехотной группы РПАУ (1920), командир полка и помощник командующего РПАУ (1921). Убит в бою 20 августа 1921 г.

Петриченко Степан Максимович (1892–1947) — Старший писарь линкора «Петропавловск». Активный участник Кронштадтского восстания, председатель ВРК. После подавления восстания бежал в Финляндию, продолжал антисоветскую деятельность, сотрудничая с «Петроградской Боевой Организацией». В 1927 г. был завербован советской разведкой, по заданию которой внедрился в структуры РОВС в Финляндии. Арестован НКГБ в 1945, приговорен к 10 годам лагерей.

Петровский (Пиотровский) Михаил Александрович (1880–?) — Рабочий-металлист. Анархист-синдикалист с 1906. Один из лидеров Одесской Федерации Анархистов (1917), организатор фабрично-заводских комитетов. Делегат всероссийских конференций ФЗК. Участник Октябрьского восстания в Петрограде, член ВРК. В начале 1918 добровольцем пошел в РККА, в 1919 был начальником штаба дивизии, связан с махновским движением. К началу 1921 демобилизовался и вернулся в Петроград. Работал в Союзе рабочих-металлистов. «Советский анархист».

Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) — Философ-материалист, литературный критик, революционный демократ. Сотрудник журнала «Русское слово». Считается идейным основателем движения нигилистов 1860-х гг. Арестован в 1862, умер в Петропавловской крепости.

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) — Российский государственный деятель. Директор Департамента полиции (1881–1884), министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов (1902–1904). Вдохновитель и организатор карательной политики царского правительства. Убит членом БО ПСР Е. Созоновым.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — Деятель русского и международного революционного движения. С 1875 народник-бакуист, один из руководителей и идеологов организаций «Земля и Воля», «Черный Передел». В 1880 эмигрировал, в 1883 в Женеве

организовал первую российскую социал-демократическую группу «Освобождение Труда». Теоретик и пропагандист марксизма. Участвовал в организации РСДРП, с 1903 — меньшевик. В 1917 вышел из РСДРП, руководил небольшой крайне правой социал-демократической организацией «Единство».

Полонский Евгений Л. (?–1919) — Матрос Черноморского флота. Член ПЛСР (1917–1918), с весны 1918 — член РКП(б). В феврале-апреле 1918 работал в составе Гуляй-Польского ревкома, командир «Вольного батальона». Участник махновского движения с осени 1918, командир полка. Весной 1919 перешел в РККА. В августе 1919 снова присоединился к махновщине, утвержден командиром 3-го Крымского полка РПАУ. Вошел в подпольный большевистский ревком, действовавший на занятой махновцами территории, и по его поручению вел подготовку к убийству Махно и других лидеров повстанцев. Разоблачен махновской контрразведкой, арестован и расстрелян 2 декабря 1919.

Полунин (?–1919) — Член ПЛСР. Весной 1919 — член штаба бригады Махно. Арестован 12.06.1919 в числе членов штаба, расстрелян 17.06.1919 по приговору ревтрибунала.

Попов Дмитрий Иванович (1892–1921) — Матрос Балтийского флота. С весны 1917 член группы матросов-анархистов. Летом 1917 перешел в ПСР, затем в ПЛСР. Участник Октябрьского восстания в Петрограде. Зимой 1917–1918 командовал отрядом Красной Гвардии в Карелии. К марту 1918 приехал в Москву, назначен командиром лево-с.-р. — овского отряда при ВЧК. Активный участник событий июля 1918 («мятеж левых с. — ров»), арестовывал большевистских лидеров. После подавления мятежа бежал из Москвы в Украину, участвовал в борьбе против Директории УНР, начальник Центрального Повстанческого Штаба УПЛСР, организатор повстанческих отрядов в Харьковской губ. Присоединившись под чужим именем к Красной армии, назначен помощником командира 11-го Украинского Советского полка, участвовал в освобождении Харькова и других городов. Летом 1919 организовал партизанский отряд против деникинцев. В октябре 1919 присоединился к махновскому движению и перешел к анархистам-коммунистам. Командир пехотного полка РПАУ, сотрудник культпросветотдела (1919). Член культпросветотдела СРП с мая 1920. Осенью 1920 — член махновской дипломатической при заключении военно-политического соглашения с правительством УССР. В ноябре 1920 — секретарь штаба Крымской группы РПАУ, участвовал в штурме Крыма. Арестован чекистами 27 ноября 1920, расстрелян.

Правда («Батька Правда») (1877–1921) — Железнодорожный рабочий. Анархист-коммунист с 1904, участник терактов. В 1905 лишился ног, зарабатывал на жизнь игрой на гармонике на рынках. Осенью 1918 организовал повстанческий отряд, лично участвовал в боях (на тачанке). С января 1919 присоединился к махновскому движению, назначен помощником начальника формирования повстанческих частей. В июне 1919 начал партизанскую борьбу против советской власти, зарекомендовав себя жестокостью по отношению к пленным большевистским руководителям. Осенью 1919 — командир полка РПАУ, с зимы 1919–1920 — бессменный начальник лазаретов РПАУ; одновременно в декабре 1920-марте 1921 был начальником комендантской команды при штабе РПАУ. После ухода Махно в Румынию продолжал партизанскую борьбу, убит в бою 13 ноября 1921.

Пугачев Емельян Иванович (1742–1775) — Предводитель крестьянской войны 1773–1775. Донской казак. Самозванец под именем царя Петра 3. В конце 1774 выдан казачьей старшиной, казнен.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — Великий русский поэт, родоначальник новой русской литературы.

Разин Степан Тимофеевич (Ок. 1630–1671) — Предводитель крестьянской войны 1773–1775. Донской казак. Выдан казачьей старшиной, казнен.

Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) — Деятель российского и международного социалистического движения, советский партийный и государственный деятель. С 1889 участвовал в социал-демократическом движении в Болгарии, Швейцарии, Германии, Франции, Румынии, России. Один из основателей (1915) и руководителей Балканской социал-демократической федерации. Член РКП(б) с 1918. Председатель Верховной коллегии по борьбе с контрреволюцией на Украине (1918), председатель СНК и нарком иностранных дел УССР, член ЦК КП(б)У (1919–1923), начальник Политуправления РСФСР (1919–1920). Член ИККИ. С 1923 на дипломатической работе, был полпредом в Англии, Франции. Как один из руководителей левой (троцкистской) оппозиции ВКП(б), в 1927 исключен из партии и до 1934 находился в ссылке. После заявления об отходе от оппозиции, в 1935 восстановлен в ВКП(б), работал в Наркомздраве. Арестован в 1937, приговорен к 20 годам заключения. Расстрелян в 1941.

Распутин Григорий Ефимович (1872–1916) — Крестьянин. Авантюрист, выдававший себя за «провидца» и «исцелителя», фаворит Николая 2 и императорской семьи. Имея исключительное влияние на царя, вмешивался в государственные дела. Убит в результате заговора монархистов.

Рафаэль Санцио (1483–1520) — Великий итальянский художник и архитектор эпохи Возрождения.

Роллан Ромен (1866–1944) — Французский писатель и публицист, общественный деятель. Симпатизант СССР и сталинского «коммунизма».

Романенко (?–1926) — Содержатель аварийных доков Кронштадта. Активный участник Кронштадтского восстания 1921, член ВРК. После подавления восстания бежал в Финляндию.

Рубакин Н. А. (1862–?) — Деятель российский культуры. Писатель, библиограф, крупнейший знаток библиотечного дела. Умер в эмиграции.

Рутенберг Петр Моисеевич — Деятель российского революционного движения. Инженер. До 1905 был социал-демократом, член Петербургского комитета РСДРП. В конце 1905 перешел в ПСР, сотрудничал с БО ПСР. Организатор убийства Гапона, личным другом которого был до его разоблачения как полицейского агента. ЦК ПСР отказалась принять на партию ответственность за убийство, заявив, что оно было личным делом Рутенберга, вследствие чего он вышел из партии. Во время Октябрьского восстания 1917 — помощник

Петербургского генерал-губернатора. Позже жил в Израиле, участвовал в киббуцном движении.

Рыбин-Зонов (?–1921) — Рабочий-металлист. Участник революции 1905–1907. В 1907 эмигрировал в США, активист анархо-синдикалистского «Союза Русских Рабочих», редактор газеты «Восточная Заря» (1916). Весной 1917 вернулся в Россию, работал на заводе в Екатеринославе, член правления Союза Рабочих Металлистов Екатеринослава. В декабре 1917 Всеукраинская конференция фабзавкомов и профсоюзов, приняла по докладу Рыбина план объединения промышленности в масштабах всей Украины и проект восстановления транспортных связей. В 1918–1920 работал в Харькове (во время денikinской оккупации летом-зимой 1919 — в Москве) в Союзе Металлистов и в др. центральных промышленных организациях. «Советский анархист». Летом 1920, убедившись в антирабочем характере советской власти, прекратил сотрудничество с большевиками. В начале октября 1920 присоединился к махновскому движению, избран членом (вскоре — и секретарем) ВРС РПАУ. В январе 1921 с согласия ВРС выехал в Харьков для подпольной работы. Через пять дней, позвонив по телефону лидерам СНК УССР, обвинил их в предательстве революции и разгроме махновщины; в тот же день был арестован чекистами. Расстрелян в феврале 1921.

Рыков Алексей Иванович (1881–1938) — Советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1899, большевик с 1903. Член ЦК РСДРП, руководил Московским Бюро ЦК (1905–1906). С 1907 — член Большевистского Центра. После Февральской революции 1917 — заместитель председателя Московского Совета. Нарком внутренних дел (1917), председатель ВСНХ (1918–1921), заместитель председателя СНК и СТО (1921–1924), председатель СНК РСФСР и СССР (1924–1930). Член ЦК (1917, 1920–1934), Политбюро ЦК (1922–1930), кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1934–1937). В конце 1920-х выступил против курса на сворачивание нэпа, обвинен сталинским руководством в том, что является одним из лидеров «правого уклона в ВКП(б)» и снят с высших руководящих постов. Нарком связи (1931–1936). Репрессирован.

Рысаков Николай Иванович (1861–1881) — Студент. Член «Народной Воли». Участник покушения на Александра 2 1 марта 1881. Сразу после ареста выдал товарищей, но был повешен по процессу цареубийц.

Самсонов Тимофей Петрович (1888–1956) — Член РСДРП в 1906–1907, анархист-коммунист с 1907. Участник террористических актов. Несколько раз репрессировался царским правительством. В 1915–1917 организатор и лидер Ливерпульской группы русских анархистов, сотрудничал в журнале «Рабочее Знамя». Весной 1917 арестован за антивоенную пропаганду и приговорен британским судом к 6 месяцам каторги. В октябре 1917 выслан в Россию. Член Челябинского Совета (1917–1918), один из руководителей Октябрьского восстания в Челябинске. 12 апреля 1918 был арестован чекистами в Москве, вскоре после освобождения вступил в Красную армию. Работал в органах военного контроля, начальником ОСО Военного Совета 3-й армии Восточного фронта. В феврале 1919 вступил в РКП(б). Начальник ОСО и член коллегии МЧК (1919), начальник Регистрационного управления Полевого штаба РВСР (1919–1920), начальник Секретно-оперативного отдела и член Коллегии ВЧК (1920–1926). Специализировался на борьбе с анархистами. В 1926–1934 управляющий делами ЦК ВКП(б), в 1936–1938 управляющий делами ИККИ. Арестован в 1938.

В 1940 освобожден и реабилитирован, продолжал работу в органах НКВД-МГБ.

Семашко Николай Александрович (1874–1949) — Советский государственный и партийный деятель. Социал-демократ с 1893. По профессии — врач. Нарком здравоохранения РСФСР и СССР (1918–1930).

Сергей Александрович (1857–1905) — Великий Князь, брат Александра 3, дядя Николая 2. Московский генерал-губернатор, командующий войсками Московского военного округа. Убит 4 февраля 1905 членом БО ПСР И. Каляевым.

Серегин Григорий Иванович (1884–1938) — Из крестьян Калужской губ. Рабочий-слесарь в Гуляй-Поле. Анархист-коммунист с 1906. С начала 1917 член заводского комитета, активист Совета профсоюза рабочих-металлистов. Со второй половины 1917 до апреля 1918 — председатель Гуляй-Польской промышленной коммуны, председатель продовольственной управы, член волостного земства. В начале 1918 также председатель продовольственной секции Совета РКД. Участник махновского движения с августа 1918. Секретарь 2-го районного Гуляй-Польского съезда (12–18.02.1919), избран членом ВРС. В марте 1919 утвержден помощником начальника снабжения бригады Махно. На общеармейском съезде 1.09.1919 избран членом штаба РПАУ, инспектором, позже начальник продовольственного снабжения (занимал эту должность до лета 1921). 28.08.1921 вместе с отрядом Махно ушел в Румынию. В 1924 по амнистии вернулся в Украину. К 1930 работал слесарем в Александровске. Расстрелян в 1938.

Середа Григорий (?–1921) — Крестьянин Гуляй-Поля. Анархист-коммунист с 1915. Участник махновского движения с 1919. Казначей РПАУ (1919), адъютант Махно (1920). В октябре 1920 ранен в боях против Врангеля, в середине ноября 1920 доставлен в Харьков, где был прооперирован, и 25.11.1920 арестован чекистами. Расстрелян в марте 1921.

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) — Российский государственный деятель. Министр внутренних дел с 1900. Инициатор карательных мер против участников рабочего, крестьянского, студенческого движений. Убит 2 апреля 1902 г. членом БО ПСР Балмашевым.

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — Украинский политический деятель. Генерал-лейтенант (1916). Участник Первой мировой войны, к концу 1917 командовал армейским корпусом. С октября 1917 — начальник вооруженных сил Центральной Рады. При поддержке германских оккупационных сил, в ходе государственного переворота 29 апреля 1918 был избран гетманом Украинской державы. В условиях вывода германских войск из Украины и массового крестьянского восстания, в декабре 1918 бежал в Германию. В 1930–1940-х сотрудничал с германскими фашистами.

Скуратов Малюта (Бельский Григорий Лукьянович) (?–1572) — Знаменитый опричник царя Ивана Грозного, думный дворянин.

Скурихин П. — Матрос Балтийского флота. Анархист-коммунист. Активный участник восстаний против Временного правительства в июле и октябре 1917. С начала января 1918 — член последнего состава ЦК Балтийского флота (Центробалт). Вскоре в составе анархического матросского отряда отправился на фронт, участвовал в Гражданской войне,

несколько раз был ранен в боях. Вернулся в Кронштадт, где с 1919 преследовался советской властью и был вынужден перейти на нелегальное положение. Летом 1921 арестован в Москве. В 1922 как анархист приговорен к 2 годам ссылки в Архангельскую губ.

Слащев Яков Александрович (1885–1929) — Российский военный деятель. Генерал-лейтенант (1920). Участник Первой мировой войны. В составе Добровольческой армии Деникина последовательно командовал бригадой, Чеченской конной дивизией, 2-м армейским корпусом. Участвовал в борьбе с махновщиной (1919), организатор обороны Крыма (1920). В августе 1920 из-за разногласий с Врангелем отстранен от командования, после эвакуации в Турцию отдан Врангелем под суд, разжалован в рядовые. Осенью 1921 вернулся в Россию по амнистии, преподавал тактику на курсах командного состава РККА «Выстрел». Убит курсантом, семья которого в 1920 была расстреляна по приказу Слащева.

Смилга Ивар Тенисович (1892–1937) — Советский партийный, государственный и военный деятель. Член РСДРП с 1907, большевик. Участник Октябрьской 1917 и Финляндской 1918 революций. Участник гражданской войны, член РВС ряда армий и фронтов, член РВСР (1919–1923). Член Президиума ВСНХ (1921), заместитель председателя ВСНХ, начальник Главтопа (1921–1923), член СТО (1924–1926), председатель Дальбанка (1927). Член ЦК (1917–1921, 1925–1927), кандидат в члены ЦК РКП(б) (1920–1925). Один из лидеров «левой (троцкистской) оппозиции». В 1927 исключен из ВКП(б) и сослан. В 1929 заявил об отходе от оппозиции, в 1930 восстановлен в партии. Заместитель председателя Госплана СССР (1930–1934), председатель Среднеазиатского Госплана (1933–1934). Арестован в 1936. Расстрелян.

Созонов Егор Сергеевич (1879–1910) — Член ПСР и ее БО. 15 июля 1904 убил министра внутренних дел Плеве. Приговорен к пожизненной каторге. Покончил с собой в знак протеста против телесных наказаний заключенных.

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) — Деятельница российского революционного движения. В революционном движении с 1900 г., член ПСР с 1905. В начале 1906 застрелила начальника карательного отряда, усмирявшего крестьянские волнения, Луженовского. Арестована, приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Освобождена в 1917, стала лидером левого крыла ПСР. Одна из организаторов ПЛСР, бессменный член ее ЦК. Была членом ВЦИК 2–4 составов, председатель Исполкома крестьянской секции ВЦИК. В мае 1918 встала в оппозицию партии большевиков по вопросам внутренней и внешней политики. Арестовывалась в 1918, 1919, 1920, 1923, 1924, 1938, с 1920 постоянно находилась в тюрьмах и ссылках. Расстреляна в сентябре 1941 под Орлом.

Сталин Иосиф Виссарионович (1879–1953) — Советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1898, большевик с 1903. В период революции 1905–1907 — член Кавказского союзного комитета РСДРП. Член ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП(б) с 1912. Неоднократно арестовывался царскими властями. В 1917 член ВЦИК, член редакции «Правды», член ВРК. Нарком по делам национальностей (1917–1922), нарком гос. контроля (1919–1920), нарком РКИ (1920–1922). Участник Гражданской войны, член РВС ряда фронтов, член РВСР. С 1919 член Политбюро ЦК РКП(б), в 1919–1952 член Оргбюро ЦК, с 1922

генеральный секретарь ЦК. С середины-конца 1920-х становится фактически полновластным диктатором СССР. Председатель СНК (Совета Министров) СССР (1941–1953), председатель Государственного комитета обороны и Верховный главнокомандующий (1941–1945), нарком обороны, министр Вооруженных сил (1941–1947).

Стаханов Алексей Григорьевич (1905-197...) — Донбасский шахтер. В ночь на 31 августа 1935 Стаханов, по официальной версии, выработал 15 норм добычи угля, что стало началом т. н. «стахановского движения». В 1936–1941 учился в Промакадемии, с 1941 — на руководящей работе в угольной промышленности.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — Российский государственный деятель. До 1906 губернатор Саратовской и др. губерний. Председатель Совета министров, министр внутренних дел (1906–1911). Жестоко подавлял революционное движение, ввел военно-полевые суды. Совершил государственный переворот 3 июня 1907 г., разогнав 2-ю Государственную Думу, после чего установился период жесточайшей реакции. Инициатор аграрной реформы, призванной создать слой «крепких крестьян» (фермеров) и разрушить общину. Убит Д. Богровым.

Тарановский Ефим (1888–1921) — Из крестьян Мариупольского уезда. Участник Первой мировой войны, прапорщик (1917). Анархист-коммунист с 1917, командир еврейской роты гуляй-польской «Черной Гвардии». Участник махновского движения с осени 1918. Работал в штабах повстанцев (осень-зима 1918), бригады Махно (зима-весна 1919), партизанском отряде Махно (лето 1919), РПАУ (с лета 1919); проявил себя великолепным штабным работником. Летом 1920 командир кавалерийского полка, одновременно член штаба армии. В октябре 1920 назначен начальником штаба 1-й группы РПАУ, с конца мая 1921, начальник штаба армии. 18 августа 1921 был пленен крестьянами и заживо сожжен.

Тейлор Ф. У. — Американский инженер, изобретатель системы организации труда, основанной на максимальном повышении интенсификации труда и рациональном использовании средств производства.

Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) — Российский государственный деятель. Московский обер-полицмейстер (1896–1905), петербургский генерал-губернатор (1905–1906). Инициатор черносотенных погромов, проводил политику жестоких репрессий против революционного движения.

Троцкий Лев Давыдович (1879–1940) — Деятель русского и международного движения, советский партийный, государственный и военный деятель. Социал-демократ с конца 1890-х. В 1903 — меньшевик, с 1904 — внефракционный сторонник единства РСДРП. Председатель Петербургского Совета (1905). В первой половине 1917 руководил организацией левых социал-демократов («межрайонцев»), в составе которой принят в РСДРП(б). Осенью 1917 — председатель Петроградского Совета, член ВРК, один из главных организаторов Октябрьского восстания. Нарком иностранных дел (1917–1918), нарком по военным и морским делам (1918–1925), нарком путей сообщения (1920–1921), председатель РВСР (1918–1925), член Президиума ВСНХ и председатель Главконцесскома (1925–1927). Член ЦК (1917–1927), член Политбюро ЦК (1919–1926). Лидер и идеолог «левой

(троцкистской) оппозиции». В 1927 исключен из партии и сослан, в 1929 выслан за границу. Основатель (1938) и идеолог 4-го Интернационала. Убит агентом НКВД Р. Меркадером.

Троян Гавриил (?–1921) — Крестьянин-батрак. Анархист-коммунист с 1917. С лета 1918 активный участник махновского движения, личный адъютант Махно в 1918 — январе 1921. С января 1921 командир особого кавалерийского полка РПАУ. Убит 3 февраля 1921.

Тукин Гавриил Павлович (1899–?) — Электромонтер электростанции Кронштадтского порта. Активный участник Кронштадтского восстания, член и секретарь ВРК. При подавлении восстания бежал в Финляндию. В 1922 арестован при нелегальном переходе советско-финской границы. В 1923 отправлен в Соловецкий лагерь.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — Русский писатель.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) — Советский военный деятель. Маршал Советского Союза (1935). Царский офицер, участник Первой мировой войны. Член РКП(б) с 1918. Во время Гражданской войны командовал Восточным, Южным, Западным фронтами, в марте 1921 — командующий 7-й армией, непосредственно подавлявшей Кронштадтское восстание. Заместитель начальника штаба РККА (1925–1928), командующий войсками Ленинградского ВО (1928–1931), заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя РВС СССР (1931–1937), командующий войсками Приволжского ВО (1937). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1934–1937). Репрессирован.

Тыхенко — Участник махновского движения с 1918. Командир боеучастка (1918), начальник отдела снабжения при штабе РПАУ (1919).

Феррер Франсиско (1859–1909) — Испанский педагог, гуманист, деятель антивоенного и антиклерикального движений. Анархист с молодости. В 1876 участвовал в республиканском восстании, после подавления которого эмигрировал во Францию. В 1900 вернулся в Испанию по амнистии, за шесть лет организовал свыше 120 «свободных школ», построенных на либертарных принципах, независимых от государства и церкви. Один из основателей «Международной Лиги за рациональное воспитание детей». В 1906 был арестован в связи с покушением одного из учителей свободной школы на короля. В результате международной кампании протеста освобожден через 13 месяцев. К этому времени свободные школы оказались запрещены правительством, и Феррер занялся просветительской и издательской деятельностью. В 1909 находился в Великобритании, когда в Барселоне произошла всеобщая революционная забастовка и вооруженное восстание. По возвращении в Барселону Феррер был арестован полицией и обвинен в организации стачки и восстания. Расстрелян по приговору военного суда.

Фор Себастьян (1858–1942) — Французский писатель, публицист, философ. Теоретик анархизма и анархо-синдикализма. Редактор газеты «Свобода» (1895–1914). Издатель «Анархистской Энциклопедии» (1930-е). Участник антифашистского Движения Сопротивления.

Франко Франсиско (1892–1975) — Испанский государственный деятель. Генералиссимус (1938). Участник колониальных войн в Африке. Начальник Генштаба Испании в 1935–1936.

Организатор фашистского мятежа 1936, после победы в гражданской войне в Испании (1939) стал диктатором: «Глава государства» (каудильо), председатель Совета Министров, главнокомандующий вооруженными силами, глава партии фалангистов.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) — Советский военный и партийный деятель. Член РСДРП с 1904, большевик. Царской властью дважды приговаривался к смертной казни. Участник Гражданской войны, командующий 4-й армией, рядом фронтов (1918–1920). Командующий войсками Украины и Крыма, заместитель председателя СНК УССР (1920–1924), заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркома по военным и морским делам, начальник штаба РККА, член ЦО СССР (1924–1925), председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам (1924–1925). Член ЦК (1921–1925), кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) (1924–1925).

Хрусталева-Носарева Георгий Степанович (1877–1918) — Помощник присяжного поверенного. Первый председатель Петербургского Совета рабочих депутатов (1905). Осенью 1905 вступил в РСДРП, меньшевик. От руководства Советом был фактически отстранен социал-демократическим большинством. Арестован 26 ноября 1905, в июне 1906 приговорен к ссылке в Сибирь, по пути в ссылку бежал за границу. В 1909 вышел из РСДРП, организатор и лидер небольшой парижской группы революционных синдикалистов. В 1910 отошел от революционного движения, увлекся богоискательством, затем занимался финансовыми аферами; после товарищеского суда 1913 года революционная эмиграция окончательно порвала отношения с Хрустальевым. С началом Первой мировой войны стал шовинистом и ультра-патриотом; в конце 1915 вернулся в Россию, был арестован на границе и приговорен к 3 годам каторги за побег из ссылки. Освобожден в марте 1917, участвовал в организации Петроградского Совета, но, не получив места в ИК Совета, уехал на родину, в Переяславль. Организатор и начальник полиции во время гетманства Скоропадского, боролся с революционным подпольем. В конце 1918 одновременно завязал отношения с петлюровцами и пытался поступить на службу в советские учреждения в Переяславле, но был арестован и расстрелян чекистами как контрреволюционер и спекулянт.

Цесник Григорий — Рабочий-электротехник. Член Харьковской группы анархистов-коммунистов с 1916. Участник Февральской революции 1917. В июне 1917 участвовал в организации газеты «Хлеб и Воля» (1917–1918) и издательства «Вольное Братство». С 1919 несколько раз арестовывался чекистами. При разгроме Харьковской организации КАУ (25 ноября 1920) случайно избежал ареста, после чего была арестована жена Цесника и под угрозой ее расстрела Цесник явился в ВУЧК. В 1921 приговорен к 5 годам тюрьмы. Освобожден по амнистии в 1922. В 1923–1925 руководил подпольной организацией КАУ в Харькове. Арестован в 1925 за организацию стачек на заводах. Освобожден в 1927, до нового ареста в 1929 участвовал в подпольной деятельности.

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926) — Деятель российского революционного движения. В 1869 участвовал в основании народнического кружка «чайковцев». В 1874 эмигрировал, с 1880 жил в Англии. Заграничный представитель Красного Креста «Народной Воли». Один из основателей Фонда Вольной Русской Прессы (ФВРП) (1891) и Аграрно-Социалистической Лиги (1900), редактор «Летучих листков ФВРП». Член ПСР с 1904. Входил в Заграничный Комитет (1904–1907), во время революции 1905–1907 — агент ЦК на Урале. В

1910 вышел из партии в связи с делом Азефа и легализовался. С 1913 член ЦК Трудовой группы. Во время первой мировой войны — оборонец, один из руководителей Всероссийского Союза городов. В 1917 член Исполкома Петроградского Совета, лидер его правого крыла, товарищ председателя Всероссийского продовольственного комитета. Член ЦК ТНСП (1917–1924). Активный противник советской власти, участвовал в создании и руководстве «Комитета спасения родины и революции» и «Союза возрождения России». Участвовал в антибольшевистском перевороте в Архангельске в августе 1918, председатель правительства Северной области, управляющий отделом иностранных дел (1918–1920). Член Южно-Русского правительства Деникина (1920). С 1919 жил в Париже, был председателем Заграничного Комитета ТНСП (1920–1921), председателем антисоветского «Центра Действия».

Чередняков Макс (1883–?) — Парикмахер. Анархист-коммунист с 1904, активный участник террористических актов в Белостоке и др. городах периода революции 1905–1907. В 1917 организовал в Макеевке (Донбасс) шахтерский анархистский боевой отряд, во главе которого участвовал в боях с донскими казаками и германскими войсками. В декабре 1918 отряд Череднякова принял участие в общем наступлении красных войск на Украину, 2 января 1919 вместе с отрядом левого с.-р. Саблина первым вошел в Харьков. Через несколько дней отряд был разоружен по приказу Украинского Советского правительства, а Чередняков арестован. После освобождения, весной 1919 присоединился к махновскому движению: командир полка бригады Махно, затем начальник отдела формирования при штабе бригады, начальник контрразведки в Бердянске. В июне 1919 пленен белыми в Гуляй-Поле. Подвергнут пыткам, но сумел бежать. С окончанием гражданской войны эмигрировал, к 1930 — участник анархического движения за границей.

Чериковер М. — Деятель российского и международного сионистского движения.

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — Деятель российского революционного движения. С 1888 входил в революционные кружки, член партии «Народное Право» (1893), создатель первых крестьянских революционных организаций, основатель и лидер «Аграрно-Социалистической Лиги» (1900). Один из организаторов ПСР (1901), ведущий партийный идеолог, редактор центральных партийных органов, член ЦК (1903–1909, 1917–1921) и Заграничного Комитета ПСР (1904–1905, 1909–1911). В 1917 был товарищем председателя Петроградского Совета, членом и председателем Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министром земледелия Временного правительства. Лидер левоцентристской части ПСР. Депутат и председатель Учредительного Собрания (1918). С момента Октябрьского восстания занял позицию активного сопротивления большевикам. С мая 1918 вел партийную работу на территории, занятой чехословаками, председатель Съезда членов Учредительного Собрания. Был арестован во время переворота адмирала Колчака, после освобождения — сторонник борьбы против красных и белых диктатур. В марте 1919 — сентябре 1920 вел партийную работу в Москве (в т. ч. нелегально). Эмигрировав из России, в 1921 основал и редактировал газету «Революционная Россия» (1921–1929). Член Заграничной Делегации ПСР (1921–1928). Основатель «Лиги Нового Востока», в которую вошли также украинские, белорусские и армянские социалисты. После раскола Заграничной организации ПСР порвал с большинством партии и организовал немногочисленный Заграничный Союз ПСР. С середины 1930-х сторонник единого народного

фронта с участием коммунистов против фашизма. Во время второй мировой войны — редактор журнала «За свободу» (1940–1952), выступал за защиту СССР от Германии. С конца 1940-х сторонник объединения российских социалистов в одну партию.

Чернокнижный Иван Севастьянович — Сельский учитель. Член ПЛСР. Активный участник махновского движения с осени 1918. Председателем ВРС (1919). Делегат и председатель 1-3-го Гуляй-Польских съездов повстанцев и Советов. В июне 1919 объявлен советской властью вне закона, ушел в подполье. Продолжал активное участие в махновском движении, постоянно работая в ВРС, оставаясь одним из идеологов повстанчества. Объявлялся вне закона в январе 1920 и в ноябре 1920. В 1920-х, после амнистии, жил в Межевском районе Днепропетровской области. Руководил подпольной анархо-махновской группой. Арестован в 1928.

Черный Лев (Турчанинов Павел Дмитриевич) (1878–1921) — Дворянин, сын отставного полковника. Участник студенческого движения с конца 1890-х, в 1901 за организацию студ. демонстрации исключен из Московского университета и выслан в Рославль на 3 года. В конце 1901 организовал близкую с. — рам «Группу Рославльских интеллигентов», вел пропаганду среди рабочих и крестьян. Арестован в 1902. В тюрьме вырабатывает анархическое мировоззрение, близкое идеям анархо-индивидуализма. В 1903 административно сослан на 6 лет в Сибирь. Освобожден по манифесту 17.10.1905, приехал в Москву, установил связи с анархистами. В 1906 вместе с женой Н. Егудиной организовал «Московскую группу анархистов-ассоциационистов». В начале 1907 была издана основная теоретическая работа Черного — книга «Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм», а уже 1 апреля 1907 Черный и участники его группы были арестованы полицией. В августе 1907 приговорен к 4 годам ссылки в Туруханский край. В декабре 1907 и октябре 1908 бежал из ссылки, но оба раза был арестован. арестован и направлен в ссылку. С ноября 1910 жил в Париже, работал водителем такси. По амнистии 1913 вернулся в Россию, жил в Москве, служил в уездном земстве. В апреле 1917 один из организаторов анархо-синдикалистской «Федерации союзов работников умственного труда», член редакции ее газеты «Клич». Летом 1917 вошел в ФАГМ, один из ее лидеров и член Секретариата (в 1918 — член Совета ФАГМ), сотрудник газеты «Анархия», много выступал с лекциями по истории и теории анархизма. Противник участия анархистов в Советах, противник какой-либо поддержки СНК. Был арестован чекистами 12 апреля 1918, обвинен в «укрывательстве анархо-грабителей». Арестовывался в ноябре 1919 по подозрению в причастности к анархо-подпольной деятельности, приговорен к заключению в концлагерь до конца Гражданской войны. Освобожден в январе 1921, вернулся в Москву. Лидер небольшой группы анархистов-ассоциационистов. Снова арестован в конце августа 1921, обвинен в организации и руководстве организацией анархистов подполья, в подготовке экспроприаций, в фальшивомонетчестве. Расстрелян 27 сентября 1921.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1899) — Российский общественный деятель. Философ-материалист, просветитель, писатель, литературный критик. Революционный демократ, социалист, идеолог народничества. Сотрудник и редактор журнала «Современник» (1853–1862). В 1862 арестован, до середины 1880-х находился на каторге и в ссылке.

Черняк А. — Рабочий. Анархист-синдикалист. Участвовал в российском анархическом и профсоюзном движении в США. В 1917 вернулся в Россию, один из лидеров анархического и рабочего движения в Донбассе; участвовал в организации Русского отдела «Индустриальных Рабочих Мира». В конце 1917 организовал рабочий анархический отряд, во главе которого вел бои против донских казаков, Добровольческой армии генерала Корнилова, германских войск. В мае 1918 отряд разоружен советскими властями, вскоре бойцам вернули оружие, включили в бригаду Кругляка и направили на Донской фронт против белоказаков Краснова. В сентябре 1918, после реорганизации отряда Черняка в полк Красной армии, с согласия советского командования выбыл из РККА и нелегально выехал в Донбасс для участия в подпольной работе против властей гетмана Скоропадского и германских оккупантов. В декабре 1918 вошел в КАУ «Набат». С января 1919 участвовал в махновском движении, член ВРС повстанцев. С марта 1919 назначен начальником отдела формирования и начальником контрразведки бригады Махно. После разрыва союза с советской властью, в июне 1919 вошел в группу анархо-террористов М. Никифоровой и во главе отряда из 15 боевиков выехал в Сибирь для организации покушения на Колчака. Участвовал в партизанском движении в Сибири, в анархическом подполье на территории Советской России. Арестован в Петрограде в 1921. Умер (репрессирован?) после 1937.

Чубенко Алексей Васильевич (1889-?) — Рабочий, кузнец, позже паровозный машинист. Анархист-коммунист с 1905. Участник махновского движения с июля 1918. Работал в штабе повстанцев, адъютант Махно, командир отряда. Выполнял дипломатические поручения руководства махновщины, вел переговоры с петлюровцами и большевиками, атаманом Григорьевым. С сентября 1919 член ВРС и инспектор подрывных команд при штабе РПАУ, с конца 1919 назначен также адъютантом Махно и казначеем РПАУ. В январе 1920 был арестован чекистами, получил предложение поступить на службу в ВУЧК и организовать убийство Махно, но отказался. Освобожден в сентябре 1920 освобожден. С декабря 1920 — начальник штаба отряда Бровы. В январе 1921 ушел в подполье, в апреле 1921 сдался под амнистию и заявил о разрыве с анархизмом. В 1920-х — сотрудник ОГПУ-НКВД, провокатор в анархическом движении.

Чумак — Анархист. Казначей РПАУ в 1919-1920.

Шатель Мария Николаевна (1875-?) — Учительница. Арестована при подавлении Кронштадтского восстания 1921, приговорена к 5 годам принудительных работ за выход из РКП(б).

Шидловский Сергей Иллиодорович (1861-1922) — Российский государственный деятель. Сенатор. После «кровавого воскресенья», 29 января 1905 был назначен председателем комиссии «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе С.-Петербурге и в пригородах и изыскания мер для устранения таковых». Комиссия Шидловского организовала выборы рабочих делегатов от всех фабрик и заводов для пополнения своего состава. Выборы проходили с относительной свободой, чем воспользовались социал-демократы обеих фракций для своей агитации. Член партии «Союз 17 октября». Товарищ председателя 3-й Государственной Думы, лидер фракции октябристов 4-й Думы. В 1917 был членом Временного исполкома Гос. Думы, член «Совета общественных деятелей». В 1920 эмигрировал.

Ширмановский — Служащий управления артиллерией крепости Кронштадт. Участник Кронштадтского восстания 1921. Бежал в Финляндию.

Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947) — Российский военный деятель. Генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой, гражданской войны. Организатор казачьего мятежа на Ставропольщине (1918), присоединился к Добровольческой армии, командир Кубанской казачьей бригады, 3-го Кубанского конного корпуса. После разгрома белого движения эмигрировал. Во время Второй мировой войны сотрудничал с Германией, организовывал казачьи части в составе Вермахта... В 1945 арестован в Австрии английскими войсками, выдан СССР. Повешен.

Шляпников Александр Гаврилович (1885–1937) — Деятель российского революционного движения, советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1901, большевик. Член ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП(б) (1914–1917), активный участник Февральской революции. В 1917 — член президиума Исполкома Петроградского Совета, председатель правления Петроградского Союза Рабочих-Металлистов и ЦК Всероссийского Союза Рабочих-Металлистов, член Всероссийского ЦК ФЗК. Нарком труда (1917–1918), нарком торговли и промышленности (1917–1918), член ВРС ряда фронтов (1918–1920). Председатель ЦК Союза Металлистов (1919–1920), член Президиума ВЦСПС (1920–1922). Кандидат в члены ЦК (1918–1919), член ЦК РКП(б) (1920–1922). Организатор и лидер группы «Рабочая оппозиция» (1920), в 1922 исключен из ЦК и переведен на дипломатическую работу. В 1933 исключен из ВКП(б), с этого времени постоянно находился в тюрьмах и ссылках. Расстрелян.

Шмидт Петр Петрович (1867–1906) — Лейтенант Черноморского флота. Руководитель Севастопольского восстания 1905. Расстрелян 6 марта 1905.

Щусь Феодосий (1893–1921) — Крестьянин-батрак. Участник Первой мировой войны, матрос. Анархист-коммунист. В начале 1918 организовал Дибровскую группу анархистов, участвовал в Гуляй-Польской «Черной Гвардии». К июню 1918 организовал подпольную анархо-террористическую группу, на базе которой вскоре возник партизанский отряд. В октябре 1918 присоединился к махновскому движению. Адъютантом Махно, член штаба повстанцев (1918), бригады Махно (1919). В сентябре 1919 избран командиром 1-й кавалерийской бригады РПАУ. С мая 1920 вошел в состав штаба РПАУ, командир кавалерийского полка, с начала октября 1920 — начальник штаба 2-й группы РПАУ, участвовал в борьбе против армии Врангеля. С зимы 1920 — командир кавалерийского полка, начальник штаба группы Забудько, с середины апреля 1921 командовал объединившимися махновскими отрядами Забудько, Кожина и Куриленко. С мая 1921 — помощник командующего РПАУ. Летом 1921 убит в бою с красными в Сумском уезде.

Эйхгорн Герман фон (1848–1918) — Германский военный деятель. Генерал-фельдмаршал. Участник первой мировой войны. В 1918 назначен главнокомандующим группы армий «Киев», возглавлял оккупационные войска в Украине. Убит 30 июля 1918 членом БО ПЛСР Б. Донским.

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — Российский военный деятель. Генерал от инфантерии (1915). Участник Первой мировой войны, командующий Кавказским фронтом. Организатор белого движения в Северо-западном крае, член Северо-Западного правительства. В июне 1919 назначен Колчаком главнокомандующим белыми войсками в регионе. Потерпев поражение в конце 1919, с остатками своих войск отступил в Эстонию. Умер в эмиграции.

Ягода Генрих Генрихович (1891–1938) — Советский партийный и государственный деятель. В революционном движении участвовал с 1907, первоначально анархист-коммунист, подвергался арестам. С 1911 член РСДРП, большевик. Член коллегии наркомата внешней торговли (1919–1922), управляющий делами ВЧК, член коллегии и президиума ВЧК (1920–1923), заместитель председателя ОГПУ (1924–1934), нарком внутренних дел СССР (1934–1936). Кандидат в члены ЦК (1930–1934), член ЦК ВКП(б) (1934–1937). Один из главных организаторов сталинских репрессий 1920–1930-х. В 1936 уволен из органов НКВД, назначен наркомом связи (1936–1937). Репрессирован.

Яковенко Василий Петрович (1891-?) — Телефонист службы связи крепости Кронштадт. Анархист. Активный участник Кронштадтского восстания 1921, член и заместитель председателя ВРК. После подавления восстания бежал в Финляндию. В 1922 арестован в Петрограде, куда прибыл для подпольной работы. После 1923 сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Ярославский Емельян Иванович (1878–1943) — Деятель российского революционного движения, советский партийный деятель. Член РСДРП с 1898, большевик с 1903. Участник революций 1905–1907, Февральской и Октябрьской 1917. Секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б) (1920–1921), секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК (1921), член президиума и секретарь ЦКК (1923–1934), член КПК (1934–1939), председатель Союза воинствующих безбожников (1921–1943), Общества старых большевиков и Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1929–1935). Член ЦК партии (1921–1922), 1939–1943).

Ярчук Ефим Захарьевич (1882–1938) — Рабочий-портной Анархист-коммунист с 1903, один из лидеров анархических групп в Белостоке и Житомире. Агитатор, пропагандист, организатор, боевик. Арестован в декабре 1905. В 1907 приговорен к ссылке в Якутскую область на 6 лет. Находясь в ссылке, участвовал в подпольной деятельности анархистов. Освобожден по амнистии в апреле 1913, эмигрировал в США. Активный участник анархо-синдикалистского «Союза Русских Рабочих», член редакции газеты «Голос Труда». В конце мая 1917 вернулся в Россию, избран в Петроградский Совет и в исполком Кронштадтского Совета. С лета 1917 член «Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды», сотрудник, затем соредактор газеты «Голос Труда». В октябре 1917 член Петроградского ВРК (как представитель САСП), член штаба сводного боевого отряда моряков Балтийского флота, во главе матросского отряда участвовал во взятии Зимнего дворца. Осенью 1917 — член штаба по борьбе с мятежом Каледина, участвовал в боях против казаков. Весной 1918 вышел из САСП, не соглашаясь с курсом большинства Союза на сотрудничество с советской властью. Участвовал в организации группы «Вольный Голос Труда», член редакции одноименной газеты (1918). На 1-й Всероссийской конференции анархистов-синдикалистов (август 1918) был избран в состав Секретариата. В 1919 находился в Киеве, вел подпольную деятельность против режима генерала Деникина. Был арестован чекистами в январе 1920 при разгроме

харьковских анархистов, позже освобожден. Весной 1920 секретарь клуба КАУ «Набат» в Харькове. В сентябре-октябре 1920 участвовал в создании Временного Исполнительного Бюро Российской Конфедерации Анархистов-Синдикалистов, вел работу по созданию Конфедерации. Арестован при разгроме КАУ 25 ноября 1920. В январе 1921 отправлен в Москву, где вскоре освобожден. Член комиссии анархических организаций по устройству похорон П. Кропоткина, участвовал в переговорах с правительством об освобождении заключенных анархистов для участия в похоронах. Поддержал Кронштадтское восстание, и 8 марта 1921 снова был арестован ВЧК вместе с другими членами Секретариата РКАС. В январе 1922 выслан из РСФСР в Германию в числе 10 анархистов. В Берлине участвовал в организации Заграничного Бюро РКАС (1922-1924), член редакции журнала «Рабочий Путь» и «Бюллетеня русских анархистов» (1923), член «Комитета защиты анархо-синдикалистов» при Международном Товариществе Рабочих (1923-1924), его представитель в «Объединенном Комитете защиты заключенных революционеров в России» (с 1923). В октябре 1925 заявил о признании правильности политики большевиков, о необходимости «диктатуры пролетариата» и участия анархистов в общественной, хозяйственной, культурной жизни СССР. В конце 1925 вернулся в СССР. 15 июня 1927 «Правда» опубликовала аналогичное открытое письмо Ярчука, говорящее о его окончательном разрыве с анархизмом. В 1928 по поручению ОГПУ участвовал в создании «Инициативного Бюро по созыву ликвидационного съезда анархистов». В 1929 Бюро самораспустилось в связи с изменением планов ОГПУ. Арестован в мае 1938. Расстрелян.